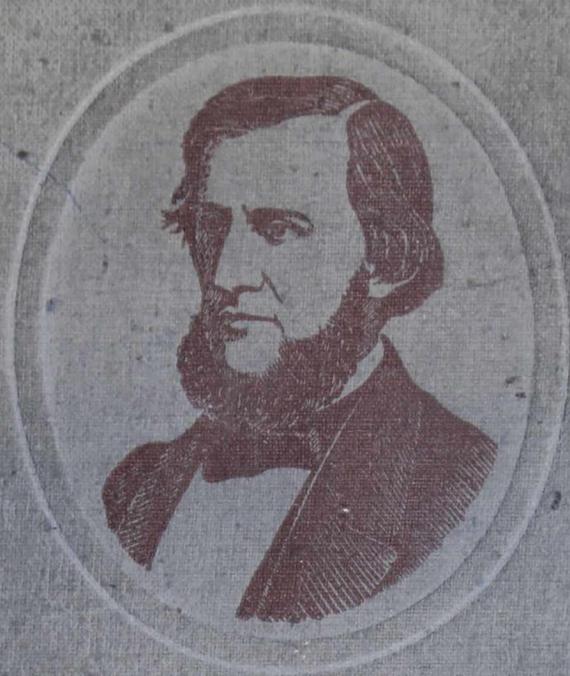
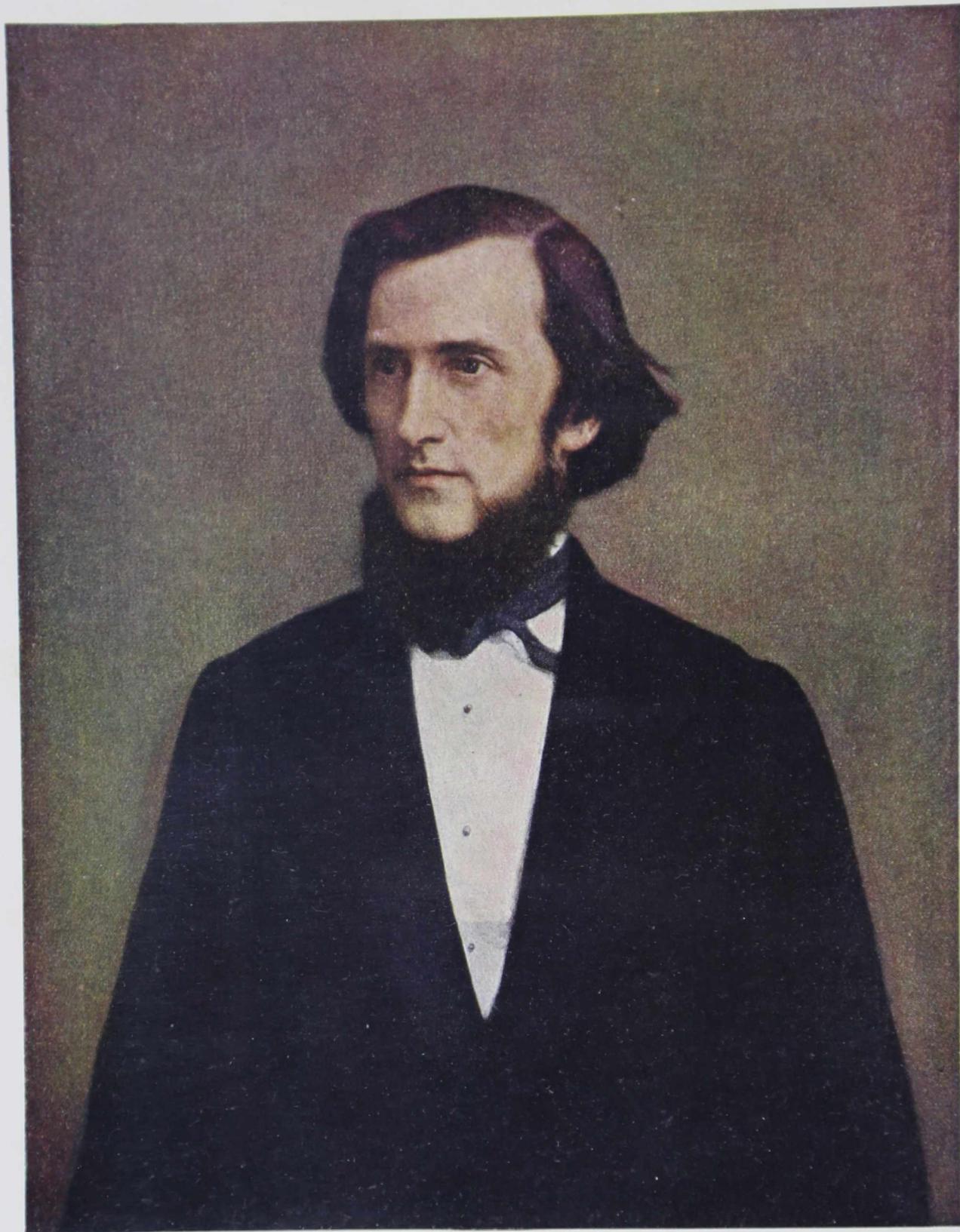

71
-94

К. Д. УШИНСКИЙ

К. Д. Ушинский.

Портрет работы И. Н. Крамского, 1872 г.

74

371(огс)

У 94

К. Д. УШИНСКИЙ

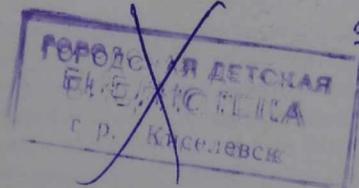
В ПОРТРЕТАХ, ИЛЛЮСТРАЦИЯХ, ДОКУМЕНТАХ

СОСТАВИЛА
В. К. ЗАЖУРИЛО

РЕДАКЦИЯ И ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
Н. Г. КАЗАНСКОГО

ПОСОБИЕ ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ, УЧАЩИХСЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ
УЧИЛИЩ, СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ
И УЧИТЕЛЬСКИХ ИНСТИТУТОВ

956

2.3.

Государственное Учебно-педагогическое издательство
Министерства Просвещения РСФСР
Ленинградское отделение
Ленинград 1950 Москва

— ДЕК 2011

15652

Утверждено
Министерством просвещения РСФСР

Альбом „К. Д. Ушинский в портретах, иллюстрациях, документах“ предназначен в качестве пособия для учителей начальной и средней школы, учащихся педагогических училищ, студентов педагогических и учительских институтов.

Он состоит из 135 репродукций, сопровождаемых цитатами из сочинений, дневников, писем К. Д. Ушинского, воспоминаний его современников и высказываний о нем выдающихся ученых, общественных и политических деятелей. Особо выделены изобразительные и текстовые материалы, говорящие о значении наследия Ушинского для советской педагогической науки и школы.

Кроме того, в Альбом входит вступительная статья „К. Д. Ушинский“ и „Основные даты жизни и деятельности К. Д. Ушинского“.

В составлении Альбома принимала участие Е. Л. СИНИЦЫНА.

К. Д. УШИНСКИЙ

ОЧЕРК ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Константин Дмитриевич Ушинский родился 19 февраля 1824 года в г. Туле.

Отец его, Димитрий Григорьевич, участник Отечественной войны 1812 года, выйдя в отставку, служил на гражданской службе в Туле, Полтаве, Вологде. В 1832 г. он поселился с семьей в г. Новгород-Северске Черниговской губ., возле которого у него было небольшое поместье.

Здесь-то, в пригородной усадьбе „Заручье“, и проходили детские и юношеские годы Ушинского. „Мать моя,— пишет Ушинский,— умерла, когда мне не было еще двенадцати лет, а отец по смерти матери почти не жил дома, так что жил я один с меньшим братом моим в том хуторке, куда никто не заглядывал. Прекрасное местоположение, богатое самыми живыми и разнообразными ландшафтами, огромный старый сад, изрытый переполненными зеленью оврагами, рано могли развить во мне любовь к природе“. Ушинский навсегда сохранил любовь к природе и считал, что природа оказывает могущественное влияние на формирование личности.

Новгород-Северская гимназия, в которой учился Ушинский, привила ему любовь к науке. „Между нами,— пишет он о своих гимназических годах,— жило, мы сами не знаем почему, какое-то благоговейное уважение к науке и к тем немногим учителям и даже товарищам, которые ею занимались“.

В 1840 году Ушинский поступил в Московский университет.

Сороковые годы в истории Московского университета, как и в идейной жизни России в целом,—особенные годы.

Обострившаяся классовая борьба в стране захватывает все области идейной жизни и переходит в принципиальную борьбу двух ми-

ровоззрений: материалистического — дающего теоретические основы для борьбы против самодержавия и крепостничества, против реакционной науки и крепостнической морали, и идеалистического, религиозного — освящающего самодержавие, налагающего цепи на свободную научную мысль, подчиняющего человека религиозной морали.

Герцен и Белинский все более и более последовательно приходили к материализму и революционным взглядам, к критике буржуазного строя Западной Европы, в то время как например Грановский и особенно Редкин склонялись к идеализму и оппортунизму, к преклонению перед буржуазной культурой. Редкин,— говорит Герцен,— начал с того, что из гегелевской философии выводил необходимость бога, а к началу 50-х годов „постригся в гражданские монахи, служит себе в министерстве внутренних дел и пишет боговдохновенные статьи с текстами“ („Былое и думы“).

Среди студенческой молодежи громадным влиянием пользовался Белинский. По словам Герцена— „статьи Белинского судорожно ожидалась молодежью в Москве и Петербурге с 25-го числа каждого месяца. Пять раз хаживали студенты в кофейные спрашивать, получены ли „Отечественные Записки“; тяжелый номер рвали из рук в руки. „Есть Белинского статья?“ — „Есть“, — и она поглощалась с лихорадочным сочувствием, со смехом, со спорами... и трех-четырех верований, уважений как не бывало“.

Наряду со статьями Белинского молодежь, и не только университетская, но даже из духовных учебных заведений, охотно читала статьи Герцена „Диллетантизм в науке“ и „Письма об изучении природы“.

Влияние на молодежь материалистической философии, с которой она знакомилась по

статьям Белинского и Герцена, было настолько велико, что московский митрополит Филарет заявлял попечителю университета, что, если не будут приняты меры против распространения „такой вредоносной яствы“, то он сам примет „душеоборонительные меры“.

Ушинский, конечно, читал эти статьи, и они не могли не влиять на него. Однако он не смог подняться до наиболее передового материалистического революционного мировоззрения, которое развивали Белинский и Герцен.

Это в значительной мере было результатом того, что Ушинский находился под идейным влиянием профессора П. Г. Редкина, у которого он не только слушал один из основных университетских курсов, но с которым был близок и лично.

Под влиянием Редкина сложились те черты мировоззрения Ушинского, которые в дальнейшем не раз были препятствием для правильного понимания вопросов общественной жизни вообще и вопросов воспитания в частности.

В 1844 году Ушинский окончил университет и как „отличнейший кандидат“ был выделен советом университета в распоряжение попечителя Московского учебного округа. В ожидании назначения он готовился к сдаче экзамена на ученую степень магистра.

Размышляя о предстоящей деятельности, Ушинский так писал в своем дневнике, который вел в это время: „Мы живем не в те годы, чтобы могли действовать сами. Отбросим эгоизм, будем трудиться для потомства. Как отцы, отдадим себя трудам и страданиям, бесплодным для нас, но плодовитым для детей наших“.

На вопрос о том, в чем же должен заключаться этот труд для потомства, Ушинский отвечал: „Приготавливать умы! Рассеивать идеи!.. Вот наше назначение“. Он считал, что хотя в массе трудов человечества это „труднейшая и бесславнейшая доля“, но зато „лучшая доля, величайшая доля“.

И Ушинский не только научно готовится к тому, чтобы внести свою долю в массу трудов человечества, но и готовится к этому морально. Он знает, что работать придется „в поте лица, в пылу презрения, рискуя жизнью“ и т. п., а потому стремится выработать в себе определенные черты характера, определенные моральные качества. В том же дневнике Ушинский записывает требования, которые он должен предъявлять к себе, и в дальнейших записях отмечает, насколько ему удается выполнять эти требования. Вот некоторые из них: „Прямота в словах и поступках. Обдуманность действий. Решительность. Не проводить времени бессознательно. Делать то, что хочешь, а не то, что случится“ и т. п.

Большинство этих требований стало для Ушинского принципами поведения.

Судьба вначале как будто улыбнулась Ушинскому: уже в 1846 году ему была предоставлена возможность „приготавливать умы“.

В конце 1845 года утвержден был новый устав Демидовского лицея в Ярославле, по которому он становился высшим учебным заведением для подготовки необходимых государству чиновников, знающих юридические и экономические (тогда называвшиеся камеральными) науки. Для проведения в жизнь нового учебного плана потребовались новые профессора.

Московский университет, к которому обратились за кандидатами, по отзыву П. Г. Редкина, так блестяще характеризовал Ушинского, что попечитель московского учебного округа граф С. Г. Строганов назначил Ушинского исполнять должность профессора энциклопедии законоведения, государственных законов и учреждений, законов казенного управления и финансов. Назначение состоялось 13 августа 1846 года.

Со всей присущей ему страстью принялся Ушинский за свою работу и уже в начале сентября он докладывает Совету лицея, что тот план преподавания, который установлен, не может обеспечить необходимой научной подготовки оканчивающих. Ушинский предлагает к учебному плану поправки, с которыми Совет вполне согласился.

Но молодого профессора (а Ушинскому в это время было всего 22 года) не удовлетворял не только учебный план. Его не удовлетворяла и библиотека лицея. Требование о пополнении библиотеки, представленное Ушинским, тоже было поддержано Советом. Однако это требование встретило сопротивление со стороны высшего начальства.

Ушинский много работает сам, основательно готовится к лекциям и увлекательно читает их.

В научную работу он вовлекает и студентов, так что за 1847—48 год Совет лицея присуждает две золотые медали за студенческие работы и обе — студентам, работавшим под руководством Ушинского.

Революционные события 1848 года на Западе тяжело отозвались на положении высшего образования в России. Надзор за университетами усилился. Попечителем московского учебного округа стал теперь Д. П. Голохвастов, который уже давно славился тем, что, по словам Герцена, „свой холодный формализм, свое педанство он употребил на мелочное, пансионское управление студентами“, что ни при ком не было „такого вмешательства в жизнь аудитории, такого педальства (слежки)“.

Демидовский лицей подвергся ревизии, и в отчете о ней было сказано: „...после 1846 года в лицей стали поступать в профессора молодые люди 22—23 лет, которые не признавали в должной степени начальства директора и тем ослабили его управление и, кроме того, находились со студентами в товарищеских отношениях, отчего и в студентах было ослаблено уважение к начальству“. Об Ушинском в частности было сказано, что он „имеет большие дарования и отличные познания“, „имеет большое влияние на студентов“, и рекомендовалось направить его учителем в гимназию, чтобы он приобрел „хладнокровие“, не „увлекался своей молодостью“ и „приучился бы к строгому исполнению приказаний начальства“.

Неудивительно, что после такого акта ревизии Ушинскому пришлось покинуть лицей.

Это был тяжелый удар для него. Тяжесть удара усугублялась тем, что исключительно напряженная работа, которую вел Ушинский в лицее, при крайне ничтожном жаловании серьезно расстроила и без того слабое его здоровье. Он пытался в Петербурге найти себе какую-либо педагогическую работу, хотя бы место учителя уездного училища, но все двери в учреждения Министерства народного просвещения были для него закрыты.

Несколько месяцев Ушинский бесплодно искал работы в Петербурге. Больной, униженный, не получая уже жалования и встречая всюду отказы в предоставлении ему службы, Ушинский надеется найти какую-либо литературную работу. Он зорко следит за собой, чтобы не пасть духом. Вот что он записывает в дневнике 19 декабря 1849 года. „Снова — самое строгое наблюдение над собою, над своим характером и способностями! Сделать как можно более пользы моему отечеству — вот единственная цель моей жизни и к ней-то я должен направлять все свои способности. Небольшой толчок судьбы разбил все мои предположения, весь тот мир, который так долго во мне строился. И если я не вооружусь твердой волею, то погибну посреди этих обломков, сделаюсь пустым человеком, тем более жалким, что воспоминания никогда меня не оставят“.

Не найдя никакой подходящей работы, Ушинский в феврале 1850 года вынужден был принять должность помощника столоначальника по III отделению департамента духовных дел иностранных исповеданий в министерстве внутренних дел.

„Чиновный пролетариат, — записывает Ушинский в дневнике, — едва ли не самый грустный, самый тяжелый пролетариат в мире, и по крайней мере самый убийственный... Душа отравляется мало-помалу, жизнь истощается с болью по каплям... И много нужно времени,

пока перестанешь презирать свою жизнь, пока сойдешь с ума и помиришься с нею!“ Это очень характерно: для Ушинского помириться с жизнью николаевской России — значит сойти с ума.

„О зачем я один? мой разум и мое сердце просят товарища. Тяжело бороться одному против усыпления, заливающего со всех сторон!“ — пишет он в дневнике.

С июля 1851 года Ушинский был направлен в командировку, которая продолжалась десять месяцев. Командировка была в Черниговскую губернию, т. е. в родные места. Ушинский получил возможность побывать в Новгород-Северске. Там он женился. В альбом жены он написал стихотворение, которое кончается словами:

...Так жизнь в душе моей проснулась,
Призыву милому откликнулась она,
Весельем сердце встрепенулось
И снова счастьем грудь полна —
И нет тоски, и убежало горе,
И снова цель видна
В безбрежном море!

Вернувшись с женою в Петербург, Ушинский, не оставляя службы, очень много занимается журнальной работой в „Современнике“, самом прогрессивном журнале того времени, издаваемом Н. А. Некрасовым, а позже в „Библиотеке для чтения“ и „Вестнике Русского географического общества“.

Его первый очерк „Поездка за Волхов“, появившийся в 1852 г. в „Современнике“, был отмечен критикой и вызвал похвалу И. С. Тургенева.

Ушинский писал главным образом рецензии, обзоры, а также переводил романы Теккерея, Диккенса.

Журнальная работа требовала очень много времени, а материально обеспечивала плохо. Неудивительно, что здоровье Ушинского снова расшаталось. А тут еще беда: увольнение со службы; в августе 1854 года III отделение департамента, в котором работал Ушинский, было упразднено.

В это время в Гатчинском сиротском институте освободилось место преподавателя русского языка, и 4 ноября 1854 года Ушинский был зачислен на эту должность.

Гатчинский сиротский институт был закрытым учебным заведением, готовящим к гражданской службе. В нем было 8 классов: 5 общих и 3 специальных. Учащихся там было свыше 600 человек, а педагогического персонала до 60 человек.

С увлечением принялся Ушинский за преподавательскую работу, и меньше чем через год, в июле 1855 года, его уже назначают

исполняющим должность инспектора классов, т. е. начальником учебной части института.

Под его руководством учебно-воспитательная работа в Институте значительно улучшилась. Особенное внимание обратил Ушинский на постановку преподавания русского языка. Именно здесь начали закладываться основы той методики преподавания отечественного языка, которые впоследствии он так блестяще разработал применительно к задачам первоначального обучения.

Однако в это время влияние Ушинского еще не выходило за пределы Института.

* *

Широкое поле деятельности раскрылось перед Ушинским в период общественно-политического подъема второй половины 50-х и начала 60-х годов.

В эти годы потребность в обсуждении вопросов воспитания была настолько велика, что уже в 1857 году начали выходить два ежемесячных педагогических журнала. В первом номере одного из журналов, а именно „Журнала для воспитания“, была опубликована первая педагогическая статья Ушинского „О пользе педагогической литературы“. За ней вскоре последовал и ряд других, из которых особенное значение имеет статья „О народности в общественном воспитании“.

В статье „О пользе педагогической литературы“ Ушинский сформулировал одно из самых глубоких своих убеждений, а именно убеждение в том, что в системе общественного воспитания решающую роль играет учитель или воспитатель.

Результаты воспитания, по мнению Ушинского, определяются не столько тем, каковы программы преподавания и каковы воспитательные инструкции, сколько тем, каковы знания и убеждения и, в частности, каковы общественные и педагогические убеждения учителя, какова его личность, характер, поведение, привычки. „Как бы ни были подробны и точны инструкции преподавания и воспитания, они никогда не могут заменить собой недостаток убеждений в преподавателе“. „Всякая программа преподавания, всякая метода воспитания, как бы хороша она ни была, не перешедшая в убеждения воспитателя, остается мертвой буквой, не имеющей никакой силы в действительности. Самый бдительный надзор в этом деле не поможет“. „Влияние личности воспитателя на молодую душу составляет ту воспитательную силу, которой нельзя заменить ни учебниками, ни моральными сентенциями, ни системой наказаний и поощрений“. „Но если личность воспитателя значит все в деле воспитания, то каким же образом

можно действовать на личность иначе, как не путем свободного убеждения, — путем педагогического воспитания и путем педагогической литературы?“ „Педагогическая литература является важнейшим органом не только для выражения общественного мнения, но даже для его развития и очищения. Ясное же и определенное общественное мнение о воспитании, сознающее цель воспитания, его требования и средства, есть именно та почва, в которой может укорениться самостоятельное развитие народного воспитания, — один из важнейших исторических органов общего народного развития“ (Собр. пед. соч., 1875 г., стр. 20).

Эту мысль особенно четко Ушинский формулирует в другой своей статье „О народности в общественном воспитании“.

„Общественное воспитание только тогда оказывается действительным, когда его вопросы становятся общественными вопросами для всех и семейными вопросами для каждого. Система общественного воспитания, вышедшая не из общественного убеждения, как бы она ни была хитро обдумана, окажется бессильной и не будет действовать ни на личный характер человека, ни на характер общества. Она может готовить техников; но никогда не будет воспитывать полезных и действительных членов общества, а если они будут появляться, то независимо от воспитания“.

Почему же эта хитро обдуманная система будет бессильной? А потому, справедливо указывает Ушинский, что она далеко не составляет всего воспитания народа. „Религия, природа, семейство, предания, поэзия, законы, промышленность, литература, все, из чего складывается историческая жизнь народа, составляет его действительную школу, перед силой которой сила учебных заведений, особенно построенных на началах искусственных, совершенно ничтожна“ (Собр. пед. соч., стр. 98).

Как же обеспечить действительную силу системе общественного воспитания? Для этого, говорит Ушинский, нужно опереться на народность, которая выражается, с одной стороны, в тех общественных идеалах (в частности, в идеалах человеческой личности), которые сложились в ходе исторической жизни народа, а с другой, — в той любви к родине, которая присуща каждому человеку.

Если знакомство с народными идеалами просвещает сознание человека, указывает ему направление, в котором он должен идти, то любовь к родине дает человеку силу идти по этому пути не отступая, не сбиваясь с него под влиянием различных дурных стремлений и наклонностей.

Однако влияние народных идеалов „на самое устройство общественного образования и его направление“ зависит от положения

общества в отношении к общественному воспитанию и от большей или меньшей ясности самого понятия о нем, живущего в обществе. Чем определеннее высказалось общественное мнение в этом отношении и чем в большей зависимости от этого мнения находится самая система общественного воспитания, тем более и яснее выражает оно народный характер" (Собр. пед. соч., стр. 76).

В последнем положении Ушинский подчеркивает политические условия народности воспитания. Они заключаются, во-первых, в праве народа выражать свое мнение о существующих школах, критиковать их, предъявлять новые требования и, во-вторых, — в праве народа руководить делом народного образования.

Ушинский протестовал, таким образом, против существовавшего запрещения критиковать деятельность как министерства народного просвещения, так и других ведомств, против бюрократической системы руководства школою, требуя передачи этого руководства в руки общества. Он оценивал современную ему крепостническую систему народного образования как антинародную.

Правильно оценив существующую систему общественного воспитания, правильно наметив некоторые культурно-исторические и политические условия борьбы за народность в общественном воспитании, Ушинский, однако, допустил крупнейшую ошибку, полагая, что политические условия для борьбы за народность в общественном воспитании могут быть созданы без политической борьбы против существующего строя. Он полагал, что педагогическая литература, сформировав общественное мнение, создаст нужных общественных деятелей в области воспитания, которые и реформируют систему общественного воспитания в народном духе.

Это убеждение было исходным в педагогической деятельности Ушинского и принесло ему много горьких разочарований.

* *

В начале 1859 года Ушинский был назначен инспектором классов в одном из самых привилегированных учебно-воспитательных учреждений крепостнической России, официально называвшемся „Общество воспитания благородных девиц“, а обычно именовавшемся „Смольным институтом“.

Не сразу Ушинский согласился на эту „почетную“ должность. Смольский институт был закрытым учреждением, основанным еще при Екатерине II и представлявшим собою образец того „французско-галантерейного“ воспитания, которое носило наиболее антинародный, крепостнический характер.

Эта система воспитания, как совершенно правильно говорил Ушинский, была изобретена во Франции времен Людовиков, „когда ханжество и разврат так грациозно подавали руку друг другу“. Это была система „приготовления очаровательнейших куколок, которые при выходе в свет, из наивнейших куколок, едва смеющих шевелиться в присутствии мужчин, весьма естественно и быстро превращались в самых легкокрылых светских бабочек“ (Собр. пед. соч., стр. 367).

Должность инспектора классов, желающего реформировать это учреждение в духе народности, была очень „тяжела и опасна“. Ушинский понимал это. И если он согласился на эту должность, то только потому, что придавал огромное значение воспитанию женщины в системе общественного воспитания.

Ушинский считал, что только то воспитание народно, которое проникает в быт, в нравы, во всю жизнь народа, в его характер. А в формировании нравов и характера народа особенно велика роль женщины. По его мнению, женщина „единственный проводник успехов науки и цивилизации в нравы и жизнь общества“. „Влияние мужчины, — говорил он, — заметнее, но поверхностнее, влияние женщины незаметнее, но идет глубже и укореняется долговечнее“ (Собр. пед. соч., т. II, стр. 283).

Ушинский считает, что воспитание должно подготовить женщину как человека „с общими человеческими потребностями“ и „как члена народной жизни“, как „единственную посредницу, через которую успехи науки, цивилизации и все, что в них есть возвышающего, укрепляющего и облагораживающего людей, проникает в семейный быт, а через него в жизнь и нравы народа“ (Собр. пед. соч., т. II, стр. 263—264).

Поэтому он гневно протестует не только против „французско-галантерейного“ воспитания женщины, но и против „немецко-хозяйственного“ воспитания женщины, готовящего из нее только домашнюю хозяйку. Он говорит, что в этом воспитании видно „самым диичным образом выраженное желание приготовить в женщине думающий хозяйственный пресс для выжимки всего, что можно выжать из всяких тряпок, вареных костей, кофейной гущи, гнилой картофели, чтобы ничто в хозяйстве не пропадало даром“.

Работа в Смольном институте должна была привлекать Ушинского не только потому, что это женское воспитательное учреждение, но и потому, что это учреждение „головное“. На него „равнялись“ все другие женские школы. Реорганизация этого учреждения — это по существу реорганизация всей системы женского воспитания.

А так как существенные основы женского

воспитания принципиально те же, что и основы воспитания мужского, то реформа Смольного приобретала еще большее значение.

Чувства, которые охватили Ушинского, когда он пришел в Смольный, были далеко не радостны. О них он так рассказал позже, говоря о другом учреждении того же типа: „...грустно мне стало за бедных птичек, которых бессовестные родители заперли в эту разукрашенную и раздушенную клетку, в этот искусственный мирок, где все подделано и куда не проникает ни одно свежее, укрепляющее дыхание природы и жизни, где все напоминает морщинистую изношенную физиономию какой-нибудь французской маркизы прошедшего столетия, нарумяненной, набеленной ханжи, разукрашенной в розовые цвета детства, прикидывающейся, и весьма удачно, наивным ребенком и обладающей такой историей, которая неудобна для печати“ (Собр. пед. соч., т. II, стр. 286).

Ушинский энергично принялся за составление плана учебной реформы Смольного института, и чуть не через месяц план его реформы получил соответствующее утверждение и мог проводиться в жизнь.

Известность и авторитет Ушинского настолько возрастают, что в начале 1860 года он становится редактором официального руководящего органа Министерства народного просвещения, называвшегося „Журнал Министерства народного просвещения“. Ушинский получил возможность формировать в России общественно-педагогическое мнение, значение которого в деле осуществления народности в общественном воспитании он так высоко оценивал.

Успехи учебной реформы Смольного, конечно, не могли удовлетворить Ушинского, для которого обучение было лишь одним, хотя и очень важным, средством воспитания. А между тем влияние на воспитательную систему Смольного было чрезвычайно затруднено и встречало значительное сопротивление.

Дело в том, что учебная работа в Смольном институте была резко отделена от работы воспитательной. Учебная работа велась учителями под руководством инспектора классов (Ушинского), а воспитательную работу вели классные дамы под руководством инспектрисс, которые были подчинены непосредственно начальнице института, хранительнице и вдохновительнице „французско-галантерейного“ воспитания, ответственной перед императрицей за сохранение и развитие этого „духа“ в учреждении.

Все поведение воспитанниц, даже на уроках преподавателя, находилось под наблюдением классных дам, которые обязательно присутствовали на всех уроках. Ушинский гово-

рил, что в институте „начальство запрещает воспитанницам спросить учителя о чем бы то ни было, как запрещается дотрагиваться до зачумленного. Учитель в нашем женском заведении, — продолжает он, — это какое-то не-обходимое зло, какое-то зачумленное существо, которое вводится в класс со всякими предосторожностями, только что не обкуривается хлором“ (Ушинский, „Педагогические заметки“, неопубликованные).

Нет ничего удивительного, что эти два мира: мир классных дам и инспектрисс во главе с начальницей, ожесточенно отстаивающих старый придворно-французский дух института с одной стороны, и мир учителей во главе с Ушинским, стремящийся внести новое прогрессивное направление в воспитательную систему Смольного института, с другой — находились в постоянной борьбе.

Добиваясь возможных уступок внутри института, Ушинский пытается получить поддержку в своей борьбе со стороны общественного мнения и использует для этой цели „Журнал Министерства народного просвещения“.

Прежде всего нужно было повести борьбу против того воспитательного идеала, который лежал в основе „французско-галантерейной“ педагогики, превращавшей женщину в „куклу“, в „порхающую бабочку“, против идеала праздности.

Ушинский пишет замечательную статью „Труд в его психическом и воспитательном значении“. „Много ли найдется матерей, — говорит он в этой статье, — которые бы не заботились устроить праздную жизнь для дочерей своих? Мало ли есть таких, которые готовы купить для своих любимых дочерей право праздности, продав их молодость, красоту и горячее сердце такому человеку, о котором знают, что он не может внушить никакой любви? Против этого-то недуга как в частном воспитании, так и в воспитании целого народа должно бороться. Чем большие богатства ожидают человека, тем более он должен приготовиться нравственным и умственным развитием к тому, чтобы выдержать богатство“ (Собр. пед. соч., т. I, стр. 164—165). Только труд, — говорит Ушинский, — „служит источником человеческого достоинства, а вместе с тем и нравственности и счастья“. „Без личного труда человек не может идти вперед; не может оставаться на одном месте; он должен идти назад“. Воспитание должно „подготавливать человека к труду жизни“, „должно зажечь в нем жажду серьезного труда, без которой жизнь его не может быть ни достойной, ни счастливой“. „Но воспитание не только должно внушить воспитаннику уважение и любовь к труду; оно должно еще дать

ему и привычке к труду; потому что дельный серьезный труд всегда тяжел“.

Именно эти начала стремился Ушинский положить в основу реформы Смольного института.

Серьезным препятствием на пути к реформе была совершенно неудовлетворительная постановка в институте преподавания родного языка и словесности. В институте господствовал французский язык, а русскому почти не учили, считая, что „русское дитя не стоит учить много русскому языку, так как и без того оно его знает“.

Ушинский выступил со статьей „Родное слово“, выдвинув родной язык как дидактическую основу образовательной работы, осуществляющей народность в общественном воспитании. В этой статье он писал: „... язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое историческое живое целое“.

В пренебрежительном отношении к изучению родного языка и словесности Ушинский видел неуважение не только к родному языку, но и к родине в целом, к ее прошлому и настоящему, видел отсутствие чувства патриотизма, без которого не может быть подлинно народного воспитания.

Чтобы обеспечить правильную постановку преподавания родного языка, Ушинский составил свой „Детский мир“ — книгу, сыгравшую исключительную роль в развитии нашей школы. Основные идеи этой книги до сих пор не утратили своего значения. Наоборот, только в наше время многие из этих идей получили необходимое научно-историческое обоснование. Ушинский исходит из положения, что „язык не есть что-либо отрешенное от мысли, а напротив — органическое ее создание“. Поэтому „развивать язык отдельно от мысли невозможно“. Мысль же может развиваться лишь тогда, когда ребенок поставлен в такие условия, чтобы он должен был самостоятельно наблюдать какие-либо предметы или явления. Эти наблюдения с необходимостью пробуждают у учащихся самостоятельную мысль, которую они также самостоятельно выразят в слове. Таким образом, в основу обучения языку должно быть положено наглядное обучение.

Исходя из этих положений, Ушинский в своем „Детском мире“ дал учителю материал, обеспечивающий возможность систематически работать над развитием мышления и языка учащихся, обогащая одновременно их знаниями об окружающих явлениях.

„Детский мир“ вышел в 1861 году. Успех этой книги был необычаен. В том же году потребовалось три издания ее.

Это уже было общественное признание заслуг Ушинского.

Однако если борьба Ушинского за реформу воспитательной системы Смольного института и получила идейную поддержку в педагогических кругах, то она не только не встретила нужной поддержки в самом институте и в кругах правительственных, но наоборот, вызвала тревогу, подозрительность и сопротивление.

Эта подозрительность и сопротивление особенно усиливаются по мере роста революционного движения в стране, вызванного недовольством крестьянской реформой.

Если восставших крестьян расстреливали, а революционную молодежь ссылали в сибирскую каторгу, сажали в крепость или высылали из университетских городов, то подозрительных, „беспокойных“ или просто недостаточно „благонамеренных“ чиновников удаляли с работы.

По настоянию киевского генерал-губернатора уже в начале 1861 года от должности попечителя киевского учебного округа был отстранен „беспокойный“ Н. И. Пирогов.

В июне 1861 года для борьбы с революционным студенчеством был назначен новый министр народного просвещения вице-адмирал граф Путятин. Наводя порядки по своему ведомству, он в ноябре уволил Ушинского с поста редактора министерского журнала.

Начальнице Смольного института также очень хотелось воспользоваться благоприятной ситуацией и избавиться от „беспокойного“ инспектора классов — Ушинского. Было состряпано нужное обвинение. Ушинского познкомили с ним и потребовали объяснений.

По рассказам современников, Ушинский почти двое суток, не выходя из кабинета, писал объяснение, отвергая возведенные на него клеветнические обвинения. Но это, конечно, не могло помочь делу. Ушинский был отстранен от должности.

Удалению Ушинского была придана „приличная“ форма: в связи с расстроенным здоровьем ему дали возможность поехать за границу для лечения, а также для ознакомления с заграничными женскими учебными заведениями.

Этот удар Ушинский переживал очень тяжело: рушились его иллюзии на возможность плодотворной работы в период реформ, проводимых крепостниками.

Иллюзии Ушинского не были его личными иллюзиями, это были „всероссийские иллюзии“ многих передовых людей того времени.

С этого времени Ушинский до конца своей жизни решительно отказался от государственной службы, „убедившись, — как он писал, — что покуда это только толчение воды“.

Пять лет провел Ушинский за границей и, несмотря на тяжелую болезнь, чрезвычайно много работал.

Две задачи поставил он перед собой: 1) создать учебную книгу для первоначального обучения, 2) разработать научно-психологические основы воспитания.

Уже в 1864 году появилась первая и вторая часть замечательной книги Ушинского для начальной школы „Родное слово“. Один из педагогов того времени говорил об этой книге: „... после немецкой мертвечины, затхлого получения в виде сентенций, нравственных рассказов, образцов добродетели, вдруг послышалась в школе живая речь, раздался резвый веселый детский смех. Ушинский в педагогике своим „Родным словом“ сделал то же, что когда-то Пушкин сделал в поэзии своим „Русланом“.

И это, конечно, не преувеличение. Если бы Ушинский ничего больше не сделал, кроме создания „Родного слова“, то и тогда мы могли бы сказать, что Ушинский — наш первый великий национальный педагог, потому что через свою книгу он много содействовал созданию разумной русской школы, разумного первоначального обучения, развивающего, облагораживающего ум и чувства ребенка, воспитывающего в нем любовь к знанию, к родному народу.

К первой и второй части „Родного слова“ Ушинский издал „Руководство“ для учителей, в котором изложил основы своей педагогики, дидактики и методики первоначального обучения.

„Прежняя схоластическая школа, — писал Ушинский в этой книге, — взваливала весь труд учения на плечи детей, давая в руки учителя только ферулу (палку) для того, чтобы подгонять ленивых. Следовавшая затем школа ударила в другую крайность: она взвалила весь труд на учителя, заставляя его развивать детей так, чтобы для них это развитие не стоило никакого труда и усилия. Новая школа, напротив, разделяет и организует труд учителя и учеников; она требует, чтобы дети по возможности трудились самостоятельно, а учитель руководил этим самостоятельным трудом и давал для него материал“.

„В школе должна царствовать серьезность, допускающая шутку, но не превращающая всего дела в шутку, ласковость без приторности, справедливость без придирчивости, доброта без слабости, порядок без педантизма и, главное, постоянная разумная деятельность“.

„Изучение каждого предмета передается ребенку, усваивается им и выражается всегда в форме слова. Дитя, которое не привыкло вникать в смысл слова, темно понимает или

вовсе не понимает его настоящего значения и не получило навыка распоряжаться им свободно в изустной и письменной речи, всегда будет страдать от этого коренного недостатка при изучении всякого другого предмета... Преподавание отечественного языка... составляет предмет главный, центральный, входящий во все другие предметы и собирающий в себе их результаты“.

„Родное слово“ и „Руководство“ к нему получили широкое распространение. Почти в каждой семье было „Родное слово“, каждый учитель его знал и любил. „Оно, — говорится в одной из статей, — увлекало народного учителя на путь самообразования, оно так тесно сближало духовно учителя с детьми, что, уча по нему, учитель невольно становился воспитателем. Благодаря этой маленькой книжечке открывались для чуткого учителя тайники детской души и увлекали его своей живой прелестью. Огромное достоинство „Родного слова“ заключалось в том, что книга вся была проникнута любовным чувством к детям, из каждой страницы ее как бы глядели на детей глаза любящего отца или дорогой матери и слышался ласковый голос, то веселый и шуточный, с меткими словцами, остроумным вопросом, прибауткой и поговоркой, то внушительный и поучительный, но столь же ласковый и интересный. Книга всем своим существом отрицала прежнее монотонное долбление, грубые окрики...; даже посредственному учителю она подсказывала совершенно иной путь, иные приемы, иную манеру обращения с детьми. „Родное слово“ разносило по Руси чувство гуманности и дало неокрепшей народной школе гуманную основу, составляющую одно из самых ценных ее приобретений“.

В тот же год, когда вышло „Родное слово“, на страницах журнала „Педагогический сборник“ начали печататься отдельные главы большого труда Ушинского „Человек, как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии“. Это была первая русская работа по педагогической психологии, раскрывающая психологические основы воспитания и обучения.

Ушинский считал необходимым дать педагогу такую книгу по психологии, пользуясь которой, учитель, глубоко задумывающийся над своей работой, мог бы ее и лучше осмыслить и вести более сознательно и разумно. И в своей книге Ушинский собрал, критически переработал и систематизировал данные, добытые психологической наукой и его личными наблюдениями, которые особенно важны для педагогической деятельности.

„Воспитатель, — писал Ушинский, — должен стремиться узнать человека, каков он есть в действительности, со всеми его способно-

стями и во всем его величии, со всеми его будничными, мелкими нуждами и со всеми его великими духовными требованиями. Воспитатель должен знать человека в семействе, в обществе, среди народа, среди человечества и наедине со своей совестью; во всех возрастах, во всех классах, во всех положениях, в радости и горе, в величии и унижении, в избытке сил и в болезни, среди неограниченных надежд и на одре смерти, когда слова человеческого утешения уже бессильны. Он должен знать побудительные причины самых грязных и самых высоких деяний, историю зарождения преступных и великих мыслей, историю развития всякой страсти и всякого характера. Тогда только будет он в состоянии почерпать в самой природе человека средства воспитательного влияния, — а средства эти громадны! Посмотрите на одну силу привычки: чего нельзя сделать из человека с одной этой силой“ („Человек как предмет воспитания“, т. I, стр. XX—XXI).

Мысли о благе Родины, стремление помочь в правильной постановке дела просвещения, вот что вдохновляло Ушинского в его работе.

Есть основания думать, что, будучи за границей, Ушинский начал понимать значение политической борьбы и больше ценить тех, кто вел эту борьбу. Об этом говорит его альбом, в который он переписал некоторые стихотворения декабриста Рылеева, а также стихотворение Огарева „Памяти Рылеева“.

Из Швейцарии он писал М. И. Семевскому: „Осенью загляну в Италию; там люди теперь истинно счастливы, борются, надеются, любят, ненавидят, а здесь все уже приобретено, остается торговать, есть, пить и спать“. Говоря о счастливых итальянцах, Ушинский имел в виду легендарных краснорубашечников, борющихся под руководством Гарибальди.

Политические симпатии Ушинского здесь ясно раскрываются. Здесь же раскрываются и его моральные симпатии: счастливы те, кто борются, и нет счастья там, где царит „спокойная“, обывательская жизнь, сводящаяся к тому, что люди, — как это Ушинский видел в Швейцарии, — торгуют, едят, пьют и спят.

Будучи за границей, Ушинский не порывал связи с Родиной и принимал участие в той борьбе, которую вели передовые представители педагогической мысли против начавшейся реакции в педагогике, возглавлявшейся редактором „Московских Ведомостей“ известным реакционером Катковым.

Особенно клеймил Ушинский тех педагогов-ренегатов, которые в начале 60-х годов выступали в прогрессивном лагере, а теперь переметнулись в лагерь реакции.

Да и Ушинского реакционеры не оставляли в покое. Когда во главе Министерства народ-

ного просвещения стал граф Д. А. Толстой, он запретил использование книги Ушинского „Детский мир“ в школах.

В 1867 году Ушинский вернулся из-за границы. Уже в 1868 году он выпустил отдельным изданием первый том своей Педагогической антропологии, а в 1869 году второй том. В 1870 году вышла третья часть „Родного слова“.

Участие Ушинского в общественной жизни страны в этот период становится еще более активным. Он пишет о голоде среди крестьян и добивается организации им помощи. Он пишет о тяжелом положении детей городской бедноты, эксплуатируемых хозяевами-ремесленниками, и требует организации ремесленных школ. Он принимает горячее участие в работах педагогического общества, энергично возражает против намерения правительства передать руководство народной школой в руки церкви.

Он с великой радостью следит за успехами народной школы и в письме одному из деятелей этой школы Н. А. Корфу выражает пожелание „долго и успешно бороться на том поприще, с которого я уже готовлюсь сойти измятый и искомканный“.

Необычайная жажда общественной деятельности, а также желание закончить третий том Педагогической антропологии и третью часть „Родного слова“ задерживали Ушинского в Петербурге, климат которого был для него чрезвычайно вреден.

Весной 1870 года он почувствовал себя настолько плохо, что вынужден был поехать в Крым.

Там он не только оправился физически, но и получил большую моральную поддержку. Происходивший во время пребывания Ушинского в Симферополе съезд народных учителей оказал ему такое внимание, уважение и благодарность за его деятельность для народной школы, что у него еще более укрепилось желание приспособить „Родное слово“ для сельской школы.

С радостным чувством возвращался Ушинский из Крыма в свой хутор под Новгород-Северском. Туда он спешил, чтобы увидеть своего старшего сына, недавно приехавшего в деревню после очень успешного окончания средней школы.

Нетрудно представить себе ужас любящего отца, когда, приехав в деревню, он узнал, что его любимый сын только вчера похоронен. Будучи на охоте, он нечаянно нанес себе смертельную рану и умер на руках матери. В письме своему другу Я. И. Пугачевскому, рассказав о постигшем его несчастье, Ушинский писал: „Под этим ударом здоровье мое окончательно рухнуло, и я не в силах уже

воротиться в Петербург. Кое-как добрался я с семьей до Киева, где теперь лежу больной, и если бы немного поправиться, то поеду в Крым, а семью думаю пристроить в Киеве окончательно, купив для этого дом... Здесь дети, не отлучаясь от семьи, могут начинать и оканчивать свое ученье; недалеко деревня, где есть довольно родных, и климат сносен. Обо мне же думать нечего — моя песня кажется окончательно уже спета... Около половины октября думаю, если будут силы, уехать в Крым и если бы бог дал мне возможность продиктовать третий том моей Антропологии, который в материалах почти готов. Но едва ли станет сил у меня даже и на это. Впрочем буду надеяться, ибо без надежды и жить невозможно“.

Однако через месяц Ушинский писал тому же Пугачевскому: „Откладывая свою поездку день за день, я так запоздал, что в Крым едва ли уже можно и попасть... Я почти и рад, что опоздал, и что теперь если уеду, то не далее Одессы, от которой до Киева всего 24 часа пути по железной дороге“.

В Одессу Ушинский поехал с двумя младшими сыновьями — Костей и Волей.

Организм его был так слаб, что в дороге он простудился, по приезде в Одессу заболел воспалением легких и вскоре, 21 декабря 1870 года, умер.

Несмотря на то, что с Одессой Ушинский никогда не был связан, общественность города чутко отнеслась к горю осиротевшей семьи, горячо выразила уважение к заслугам великого педагога.

Во время следования гроба с телом Ушинского на вокзал, откуда его должны были отправить для погребения в Киев, великого учителя провожали учащиеся различных школ, учителя, профессора университета, общественные деятели.

Глубоко прочувствованную, взволнованную речь произнес на станции железной дороги учитель Одесского народного училища Т. Росиков.

„Замолчите все, считающие дело начального воспитания делом маловажным, делом не стоящим серьезного внимания; замолчите и проникнитесь глубоким уважением к делу воспитания, ибо есть люди, полагающие жизнь свою за это дело. Вот гроб человека, который всю жизнь свою принес на пользу своих юных соотечественников... И какую же стяжал ты для себя награду? Преждевременную смерть. Со смертью твоей много потеряло и русское юношество и русская начальная школа. Твоими трудами начала созидаться на Руси разумная школа: ты первый осушил

детские слезы, ручьями лившиеся в прежних рутинных школах; ты заставил детей полюбить и школу, и грамоту. Сотни тысяч учащихся знают твое имя, сотни тысяч читают и любят твои книги, составленные с глубоким знанием детской природы. Сознajte же все, пришедшие отдать последний долг этому плодотворному труженику, сознajte, что вы провожаете в могилу человека, для которого благо ближнего было задачей жизни; сознajte, цените и не забывайте его труды, его мысли и стремления. Прости же, отец разумной русской школы, друг детей и славный педагог. Имя твое будет жить в сердцах наших и в сердцах детей, для блага которых ты не щадил жизни. Мир праху твоему“.

Ушинский был похоронен в Киеве на кладбище Выдубицкого монастыря.

Дело Ушинского продолжали поколения передовых русских педагогов. Многие из них разделяли судьбу своего учителя и так же, как и он, сходили с педагогического поприща „измятые и искомканные“.

На „Детский мир“ гонения со стороны Министерства народного просвещения начались еще при жизни Ушинского, „Родное слово“ подверглось гонениям в период реакции 80-х годов, и если в 90-х годах оно вновь нашло себе место в школе, хотя к этому времени уже значительно устарело по содержанию и употреблялось наряду с другими учебниками, то это произошло под влиянием того общественного подъема, источником которого была борьба рабочего класса, против царского самодержавия и капиталистического рабства.

Только после победы Великой Октябрьской социалистической революции, когда народ стал хозяином своей жизни, прогрессивные педагогические идеи Ушинского широко вошли в практику воспитания.

В стране победившего социализма, где под руководством великой партии Ленина — Сталина расцвела многонациональная социалистическая культура, заслуги Ушинского в деле разработки русской педагогической науки получили государственное признание.

Имя Ушинского носят педагогические институты, школы, библиотеки. Его сочинения издаются миллионными тиражами и стали доступными широким слоям трудящихся. Решением советского правительства учреждена серебряная медаль имени К. Д. Ушинского „для награждения особо отличившихся учителей и деятелей в области педагогической науки“.

Имя Ушинского близко и дорого всем народам Советского Союза.

Выдающийся русский педагог Ушинский говорил, что одно дело — нести знания, учить, а другое дело — воспитывать. Причем воспитывать, по его мнению, гораздо труднее, чем учить, давать общее и специальное образование.

Чтобы действительно воспитывать, для этого надо не только хорошо знать свое дело, но иметь еще чистую душу. Под „душой“ Ушинский понимал моральный облик воспитателя, его нравственность или то, что еще называется совестью.

Я считаю, что по существу Ушинский был прав, выдвигая такое требование. Ведь воспитатель влияет на воспитуемых не только тем, что дает им определенные знания, но и своим поведением, образом жизни, отношением к обычным явлениям.

М. И. Калинин. Речь на собрании Военно-политической ордена Ленина Академии Красной Армии им. В. И. Ленина 19 сентября 1940 года.

Мы живем 80 лет спустя, у нас уже социалистический строй. Но я вижу, что те идеи, которые развивал в свое время Ушинский и которые я здесь выдвинул в качестве практических предложений, это — настоящие педагогические идеи. Мало того: я считаю, что они только в нашем социалистическом обществе и могут быть полностью осуществлены.

М. И. Калинин. Речь на Всероссийском совещании руководящих работников народного образования 28 февраля 1941 года.

I

1824 - 1846

*Дмитрий Григорьевич Ушинский,
отец К. Д. Ушинского.*

Акварель неизвестного художника.

*Любовь Степановна Ушинская,
мать К. Д. Ушинского.*

Акварель неизвестного художника.

Отец К. Д. Ушинского—Дмитрий Григорьевич Ушинский окончил курс в Московском университетском благородном пансионе, был на военной службе и принимал участие в Отечественной войне 1812 года. По выходе в отставку служил в Туле, а с 1832 года в Новгород-Северске Черниговской губернии в должности уездного судьи.

Мать К. Д. Ушинского—Любовь Степановна, урожденная Капнист, сама руководила первоначальными занятиями сына, пробудив в нем любознательность, пытливость, интерес к чтению. Она умерла, когда Ушинскому было 11 лет. О ней он сохранил на всю жизнь трогательно-нежные воспоминания.

Первые основы его воспитания были положены прочно и серьезно, и этим Ушинский обязан, как кажется, своей матери, о которой он вспоминал всегда с чувством самой горячей любви. Хорошо составленная библиотека отца, большею частью находившаяся в полном распоряжении сына, без сомнения, много способствовала развитию в ребенке с раннего возраста любви к чтению.

А. Ф. Фролков. К. Д. Ушинский.

Дом, в котором жил К. Д. Ушинский в детстве.

Фотография.

Домик моего отца находился на другой стороне города—верстах в четырех от гимназии, тоже за городом и в местности гористой и очень живописной. Мать моя умерла, когда мне не было еще двенадцати лет, а отец по смерти матери почти не жил дома.

Прекрасное местоположение, богатое самыми живыми и разнообразными ландшафтами, огромный старый сад, изрытый переполненными зеленью оврагами, рано могли развить во мне любовь к природе.

Из хутора я ежедневно должен был ходить в гимназию и еще до города пройти версты две по живописному берегу Десны.

Слишком большое уединение, в котором я проводил большую часть времени своего дома, длинные, более чем полуторачасовые прогулки в гимназию и назад по пустынным кручам Десны, в соединении с несколькими десятками путешествий и романов, которые я прочел в библиотеке отца, оставленной на наш произвол, слишком рано и сильно развили во мне мечтательность.

К. Д. Ушинский. Дневник.

Река Десна у Новгород-Северска.

Фотография.

А воля, а простор, природа, прекрасные окрестности городка, а эти душистые овраги и колыхающиеся поля, а розовая весна и золотистая осень—разве не были нашими воспитателями? Зовите меня варваром в педагогике, но я вынес из впечатлений моей жизни глубокое убеждение, что прекрасный ландшафт имеет такое огромное воспитательное влияние на развитие молодой души, с которым трудно соперничать влиянию педагога, что день, проведенный ребенком посреди рощ и полей, когда его головой овладевает какой-то упоительный туман, в теплой влаге которого раскрывается все его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и бессознательно впитывать в себя мысли и зародыши мыслей, потоком льющиеся из природы, что такой день стоит многих недель, проведенных на учебной скамье...

Боже мой, сколько перемечталось на этом прекрасном берегу, на этих кручах, нависших над рекою! Как оживлялась и наполнялась впечатлениями жизнь моя, когда приближалась весна: я следил за каждым шагом ее, за каждой малейшей переменой в борьбе зимы и лета...

Но вот и снегу нет более, и неприятная нагота деревьев в саду заменилась со всех сторон манящими таинственными зелеными глубинами; вот и вишни брызнули молоком цветов, зарозовели яблони, каштан поднял и распустил свои красивые султаны, и я бежал каждый раз из гимназии домой, как будто меня ждало там невесть какое сокровище!

К. Д. Ушинский. Дневник.

Новгород-Северск. Общий вид.

Фотография.

В голове моей, особенно когда я медленно, шаг за шагом, брел из гимназии, сплетались целыми месяцами и даже годами длинные и сложные фантастические истории и самые дикие романы, в которых, конечно, я был героем.

Само собой разумеется, что большая часть этих фантазий была воинственного содержания...

Воинственные предания Новгорода-Северского, осада его Самозванцем, защита Басмановым, участие в шведской войне, множество преданий удалого казачества, ясные остатки укреплений,—все это, перемешанное с вальтерскоттовской историей Наполеона и с множеством воинственных повестей, послужило мне к созданию длинной нескончаемой истории, которую я несколько лет сокращал свою дорогу. Местность бралась тут же, и моя фантазия работала над нею. Полуразрушенные валы возобновлялись, там и сям поднимались зубчатые стены и высокие башни, тихий монастырь, господствующий над окрестностями, превращался в неприступную цитадель...

К. Д. Ушинский. Дневник.

И. Ф. Тимковский, директор Новгород-Северской гимназии.

Литография.

Во время И. Ф. Тимковского воспитанники Н-ской гимназии отличались на экзаменах во всех университетах. Между нами жило, мы и сами не знали почему, какое-то благоговейное уважение к науке и к тем немногим учителям и даже товарищам, которые ревностно ею занимались.

К. Д. Ушинский. Дневник.

Москва.

Литография с рисунка В. Чернышева. 1849 г.

Москва... Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

А. С. Пушкин. Евгений Онегин.

*Его превосходительству господину ректору Императорского Московского Университета
окончившего курс учения в Новгород-Северской
гимназии Константина Ушинского*

ПРОШЕНИЕ.

*Окончив курс наук в Новгород-Северской гимназии, желаю для продолжения их поступить
в Императорский Московский Университет на юридический факультет, а потому прошу
Ваше благородие допустить меня к испытанию, принять в число студентов. При сем проше-
нии прилагаю следующие документы:*

- 1. Увольнительное свидетельство из гимназии.*
- 2. Метрическое свидетельство.*
- 3. Копия документа о дворянстве.*

*К сему прошению окончивший курс учения в Новгород-Северской гимназии руку приложил
Константин Ушинский. 1840 г. июля 15 дня.*

Московский университет.

Гравюра. 1830-е годы.

Университет больше и больше становился средоточием русского образования... В него, как в общий резервуар, вливались юные силы России со всех сторон, из всех слоев; в его залах они очищались от предрассудков, захваченных у домашнего очага, приходили к одному уровню, братались между собой и снова разливались во все стороны России, во все слои ее...

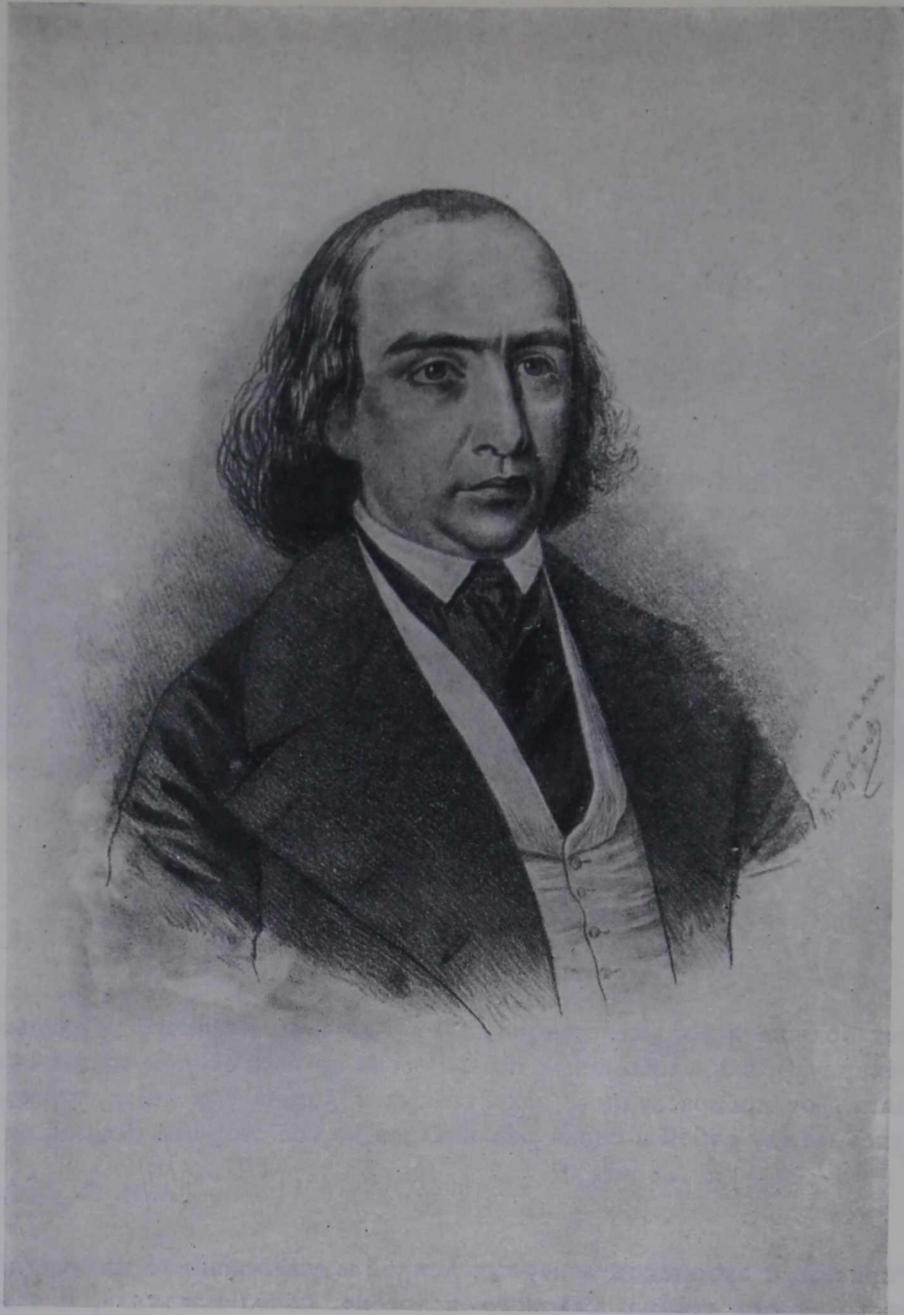
А. И. Герцен. Былое и думы.

Во время приемных экзаменов и первых лекций в университете мы все обратили внимание на Ушинского, тогда весьма молодого человека, почти мальчика, с черными выразительными глазами, с умным и чрезвычайно симпатичным лицом, которого живая и бойкая речь с чуть заметным малороссийским акцентом, оригинальные и резкие суждения по поводу университетских лекций, литературных и театральных явлений и всего того, что интересовало наш университетский мир, невольно возбуждали общее сочувствие, какое возбуждает всякий выходящий из ряда обыкновенного молодой человек.

Уже тогда Ушинский отличался некоторыми качествами, которые впоследствии наделали ему много врагов и принесли много огорчения—именно полнейшей независимостью характера и привычкой высказывать откровенно свои убеждения, невзирая на то, как будет принята эта откровенность...

В частном студенческом быту Константин Дмитриевич был совершенный студент-демократ, живший, что называется, душа нараспашку и делившийся с товарищами последним рублем и последней трубкой табаку.

Ю. Д. Рехневский. К. Д. Ушинский.

Т. Н. Грановский, профессор истории Московского университета.

Литография К. Горбунова. 1845 г.

Вы предназначаетесь... для того, чтобы быть полезными гражданами и деятельными членами общества. Возбуждение к практической деятельности—вот назначение истории.

Т. Н. Грановский. Лекции по русской истории

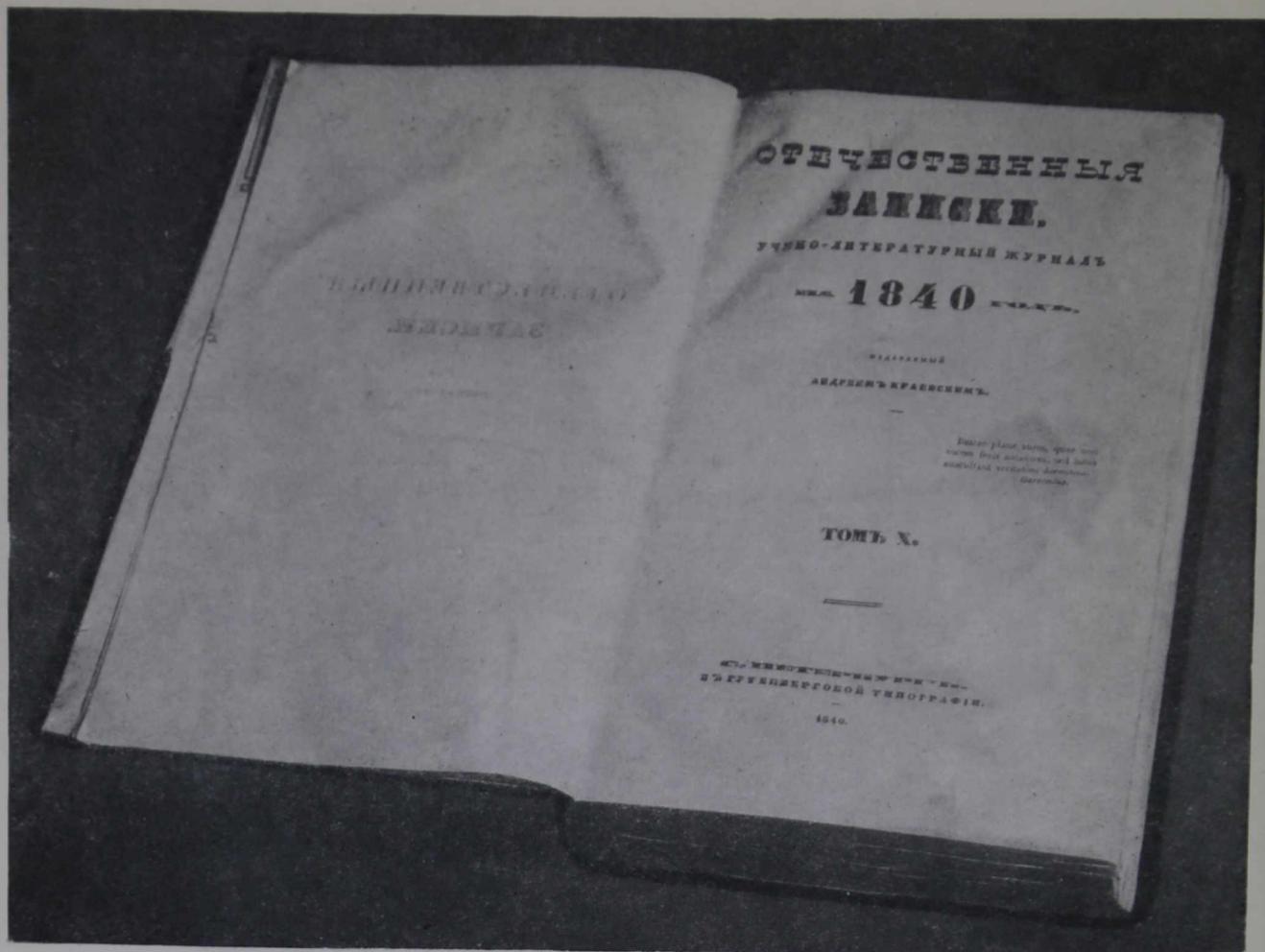

*П. Г. Редкин, профессор энциклопедии законовѣдения
и государственнаго права Московскаго университета.*

Литографія П. Бореля. 1850-е годы.

Никакое творчество не доставляет уму человеческому того
несравненнаго ни с чем наслажденія, как творчество научное,
т. е. добываніе истины, добываніе знанія.

П. Г. Р е д к и н. Лекціи по исторіи философіи права, т. I.

Журнал „Отечественные записки“, 1840 г., т. X.

Титульный лист.

Статьи Белинского судорожно ожидалась молодежью в Москве и Петербурге с 25-го числа каждого месяца. Пять раз хаживали студенты в кофейные спрашивать, получены ли „Отечественные записки“; тяжелый номер рвали из рук в руки. „Есть Белинского статья?“ — „Есть“, — и она поглощалась с лихорадочным сочувствием, со смехом, со спорами... и трех-четырех верований, уважений как не бывало.

А. И. Герцен. Былое и думы.

Серьезно занимаясь наукой, Ушинский не забросил и художественной литературы. Рука об руку с наукой шло основательное чтение любимых его русских и иностранных писателей — Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Гете.

Ю. Д. Рехневский. К. Д. Ушинский.

В. Г. Белинский.

Литография с рисунка И. Астафьева. 1881 г.

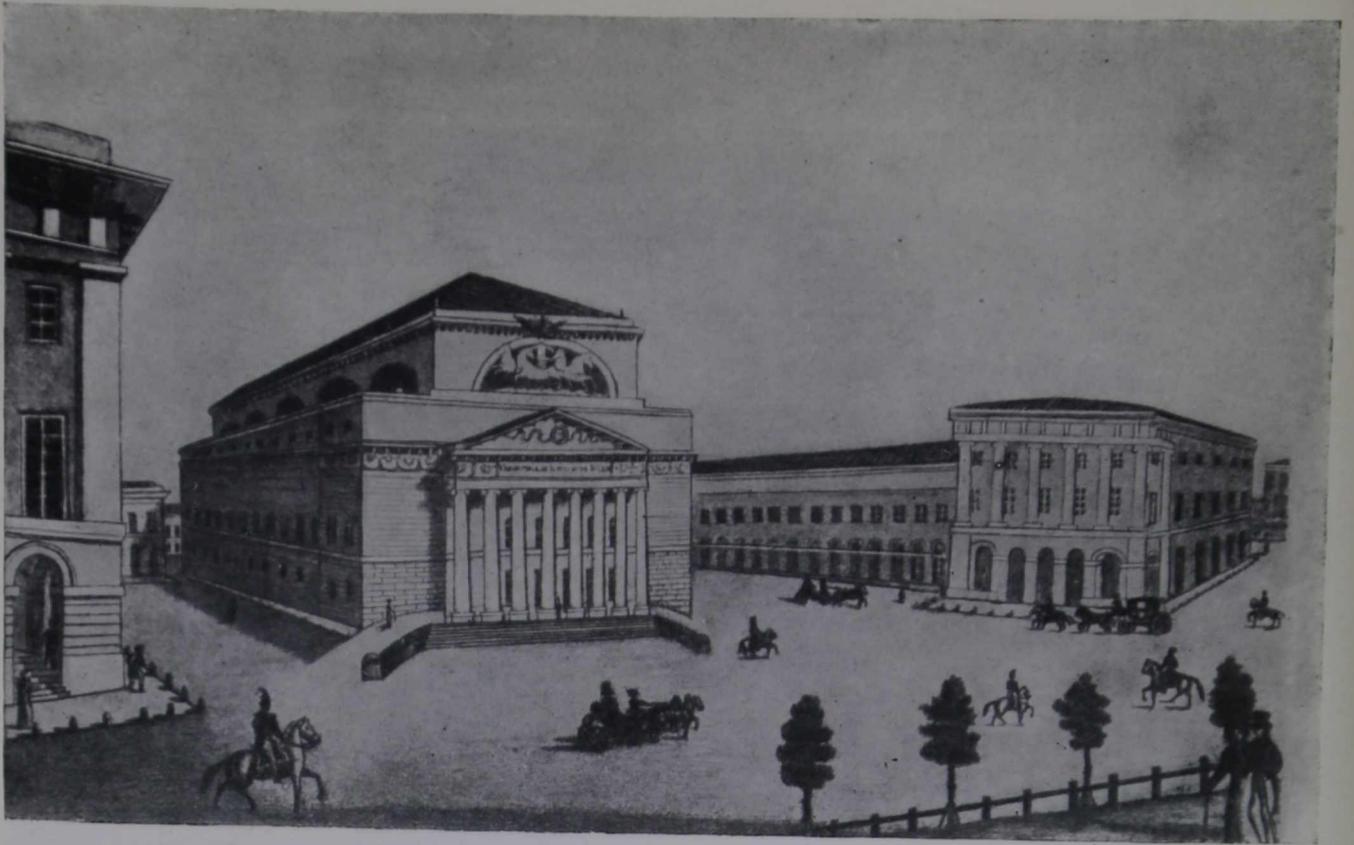
Великий человек всегда национален как его народ, ибо он потому и велик, что представляет собой свой народ.

В. Г. Белинский. Взгляд на русскую литературу 1846 года.

Белинский был особенно любим...
Молясь твоей многострадальной тени,
Учитель! перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени!..

Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил о народе,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе.

Н. А. Некрасов. Медвежья охота.

Большой и Малый театры в Москве.

Гравюра. 1830-е годы.

Театр для Ушинского был величайшим наслаждением. Нередко за последний двугривенный он забирался в самый верх и с энтузиазмом аплодировал Мочалову.

А. Ф. Фролков. К. Д. Ушинский.

Кто не любит театра, кто не видит в нем одного из живейших наслаждений жизни, чье сердце не волнуется сладостным, трепетным предчувствием предстоящего удовольствия при объявлении о бенефисе знаменитого артиста, или о постановке на сцену произведения великого поэта? На этот вопрос можно смело отвечать: всякий и у всякого, кроме невежд и тех грубых, черствых душ, недоступных для впечатлений искусства, для которых жизнь есть непрерывный ряд счетов, расчетов и обедов...

В России любят театр, любят страстно... Заезжая труппа актеров, один приезжий столичный актер, может пробудить сильное движение и в умах, и в сердцах, и в карманах губернского или уездного города. Театр имеет для нашего общества какую-то непобедимую фантастическую прелесть.

В. Г. Белинский. Московский театр.

Увлеченный игрою Мочалова, Ушинский написал было для его бенефиса шестиактную трагедию. Со своим произведением он отправился к Мочалову и прочитал ему одно или два действия этого произведения. Мочалов не нашел в трагедии никаких достоинств, чем немало огорчил молодого драматурга и на некоторое время потерял в нем своего поклонника. Впоследствии, вспоминая об этой трагедии, Ушинский чистосердечно рассказывал, что под конец пьесы у него не оставалось в живых ни одного лица; все они пали жертвами неестественной смерти.

А. Ф. Фролков. К. Д. Ушинский.

П. С. Мочалов.
Литография.

Щепкин и Мочалов—без сомнения, два лучших артиста изо всех виденных мною в продолжение тридцати пяти лет и на протяжении всей Европы. Оба принадлежат к тем намекам на сокровенные силы и возможности русской природы, которые делают неизбежной нашу веру в будущность России.

А. И. Герцен. М. С. Щепкин.

М. С. Щепкин.
Литография.

К. Д. Ушинский.

Акварель неизвестного художника. 1840-е годы.

Будем трудиться над постройкой чудного здания, которому внуки наши дадут свое имя, истинных творцов которого никто и никогда не узнает. Пренебрегая насмешками, вытерпевая гонения, жертвуя всем: счастьем забвения (в котором теперь так немногие живут), наслаждением семейства, почестей, славы, богатства,—не убегая туда, где живут счастливее,—отказавшись совершенно от самого себя,—работаем для потомства!

Велика тогда будет наша роль, велико назначение!

К. Д. Ушинский. Дневник. 13 ноября 1844 г.

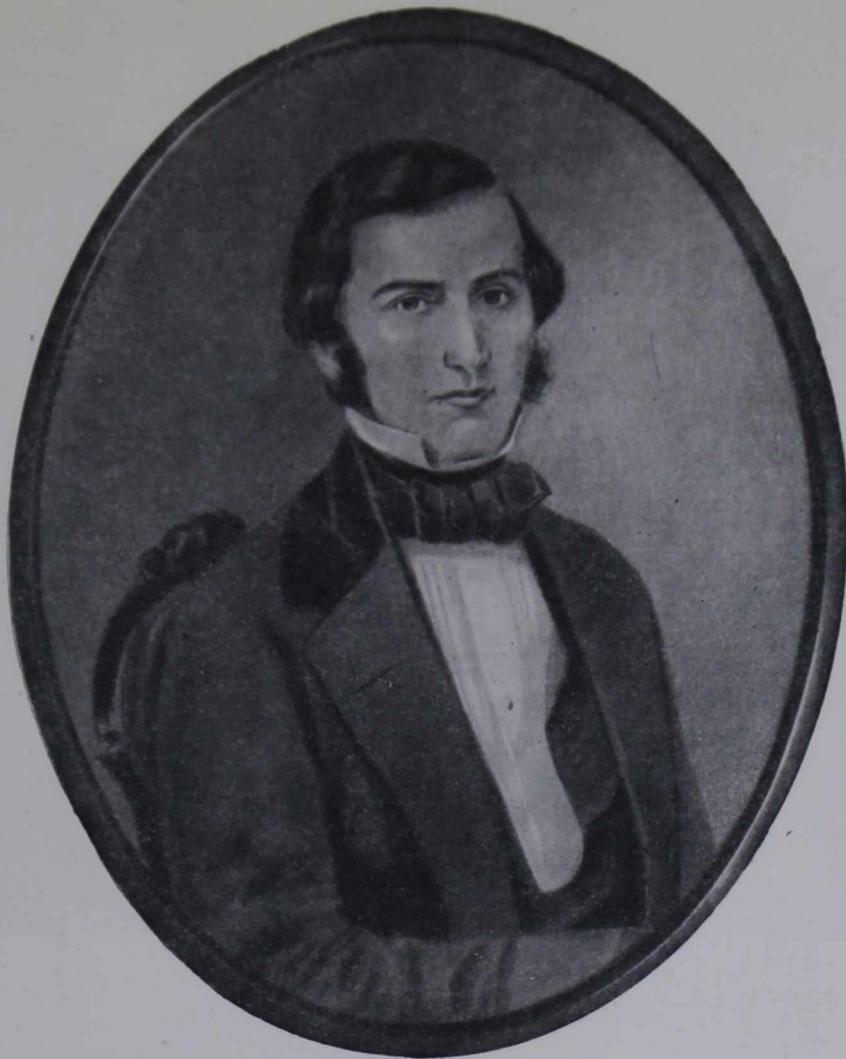
Опять должно начать свое исправление. Рецепт: 1) Спокойствие совершенное, по крайней мере, внешнее. 2) Прямота в словах и поступках. 3) Обдуманность действий. 4) Решительность. 5) Не говорить о себе без нужды ни одного слова. 6) Не проводить времени бессознательно; делать то, что хочешь, а не то, что случится. 7) Издерживать только на необходимое или приятное, а не по страсти издерживать. 8) Каждый вечер добросовестно давать отчет в своих поступках. 9) Ни разу не хвастать ни тем, что было, ни тем, что есть, ни тем, что будет.

К. Д. Ушинский. Дневник. 20 января 1845 г.

II

1846 - 1859

К. Д. Ушинский.

Портрет работы неизвестного художника. 1840-е годы.

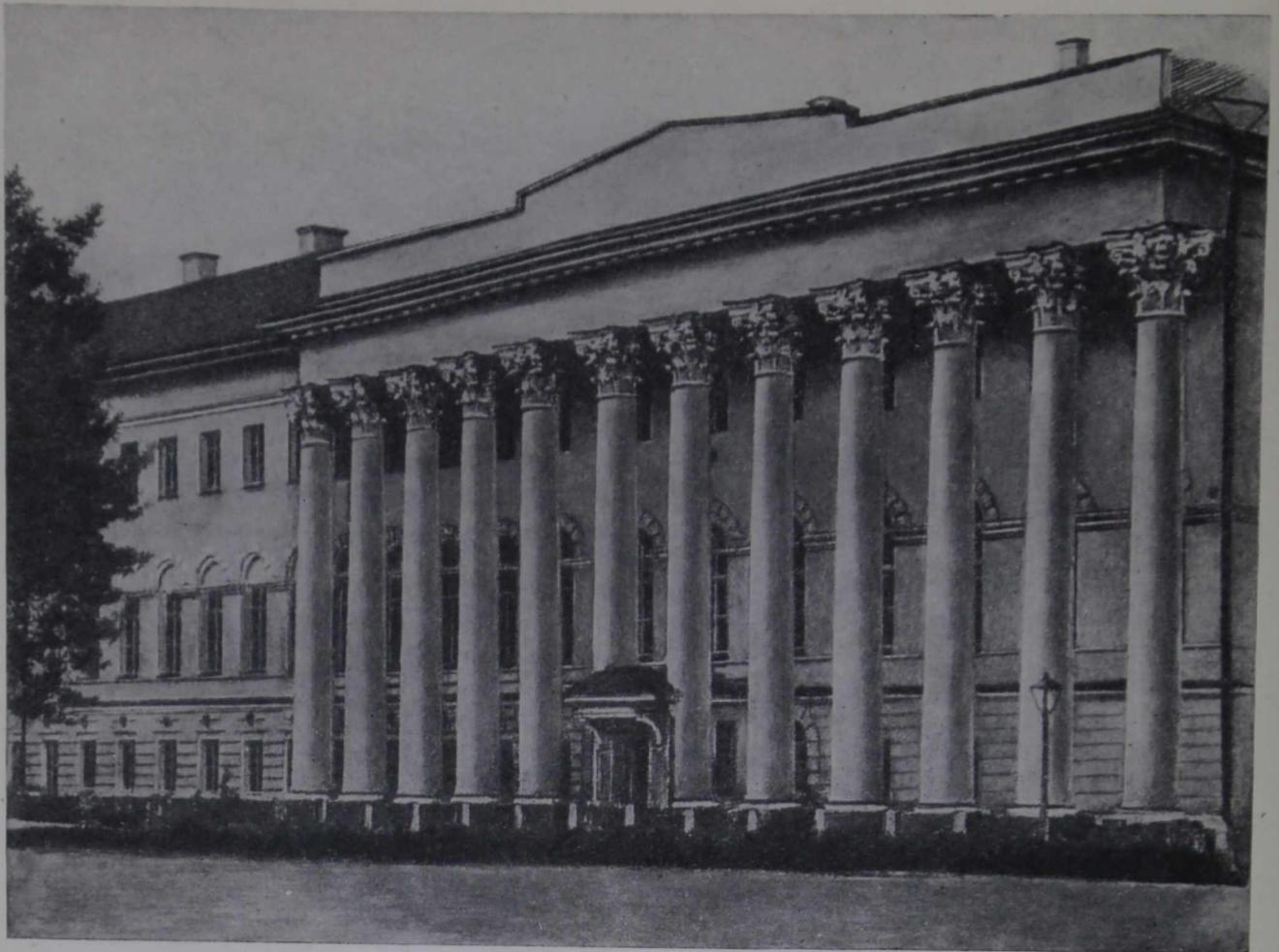
Ушинский 22 лет назначен был по окончании курса в 1846 г. исправляющим должность профессора на кафедры энциклопедии законоведения, государственных законов и учреждений и законов казенного управления и финансов.

И. Щеглов. Высшее учебное заведение в г. Ярославле им. Демидова.

Нигде наука не соединяется так видимо с жизнью, как в политических науках...

Те, которые хотят все переделать у нас по общественной форме Запада, и те, которые хотели бы воротить нас в общинно-родовое устройство, хотят разрушить самостоятельность русской жизни, уничтожить нас, как народ, отняв у нас отличительный тип, вырвать идею из нашей жизни, разрушив великую цель в истории... А без самобытности нет для народа жизни.

К. Д. Ушинский. Речь о камеральном образовании.

Ярославский Демидовский лицей.

Фотография.

По рассказам бывших в 40-ых годах студентов Лицея, К. Д. Ушинский увлекательно излагал свои лекции по государственному праву.

И. Щеглов. Высшее учебное заведение в г. Ярославле им. Демидова.

Увлечение Ушинского передается слушателям, и они все, вместе со своим лектором, не слышат звонка, не замечают, что уже настал конец лекции, что уже давно около дверей стоит другой профессор, дожидается своей очереди,— и только когда терпение этого последнего окончательно истощится и он обратится к Ушинскому с заявлением, что пора кончать, а то он, профессор, уйдет,—Ушинский, немедленно спустившись с облаков своей пламенной фантазии, страшно конфузится, просит извинения и летит стремглав из аудитории, покрываемый громом аплодисментов очарованных его речью студентов.

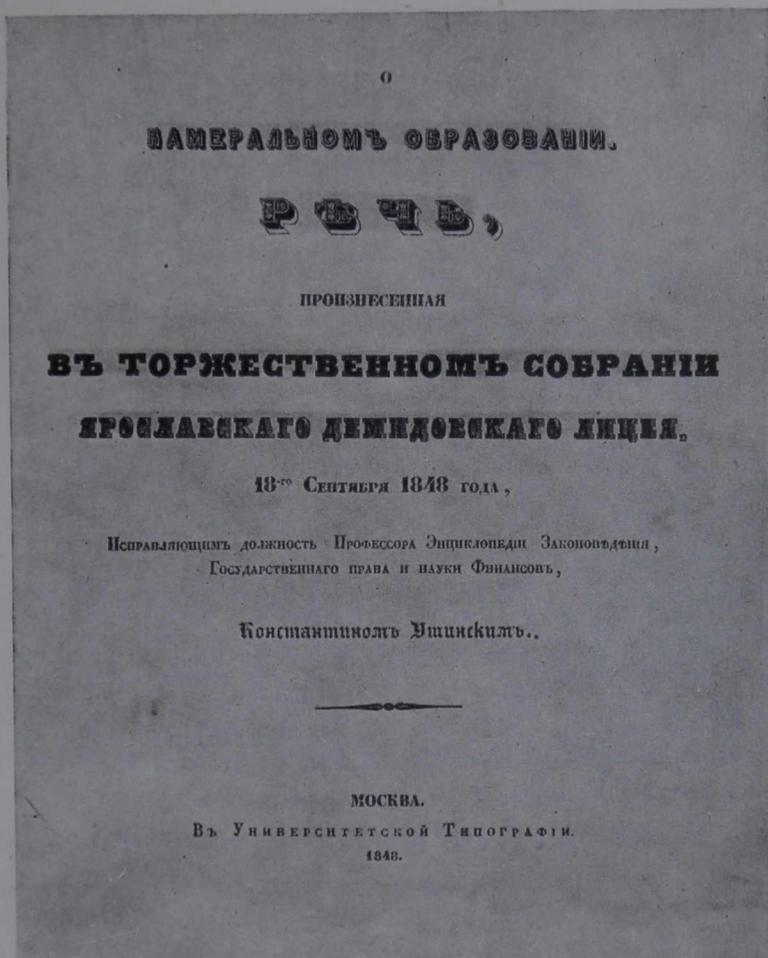
В. Ермилов. Наш родной учитель.

Какую надобно иметь темную голову, чтобы заучивать определение сохи, дуги и т. п. А такими определениями загромождены немецкие учебники предметов, входящих в камералистику. И это называется возводить в науку; не скорее ли это значит низводить науку до пошлости?

К. Д. Ушинский. Речь о камеральном образовании.

Немецкие камералисты ...оставили науке хозяйства самое бессмысленное название, .. не определили цели своей науки, не отыскали ее предмета, не нашли ей содержания, .. ложно поняли практичность направления этой науки и вместо законов наполнили эту науку правилами и благоразумными советами немецкой мудрости... С такими недостатками она не может остаться и не имеет права называться наукой. Изучение ее не принесет никакой пользы.

К. Д. Ушинский. Речь о камеральном образовании.

„О камеральном образовании“, речь К. Д. Ушинского
на торжественном собрании Лицея 18 сентября 1848 г.,
первое печатное произведение Ушинского.

Титульный лист.

Ярославль.

Акварель М. Вилье.

Я находил в студентах Лицея большое своеволие, а в начальниках их — нечто похожее на потачку, обращение с воспитанниками, так сказать, панибратское, и, что всего нетерпимее, видел в них дух неуважительности к начальству и даже противодействия директору Лицея, г. Тиличеву. Впрочем, отзыв этот до всех и каждого не должен касаться, а следует отнести исключительно к профессорам Ушинскому и Львовскому, которые подали слишком невыгодное о себе понятие за свободу мыслей и передачу оных воспитанникам Лицея.

Из донесения товарищу министра народного просвещения 21 декабря 1849 г.

После 1846 года в Лицей стали поступать в профессора молодые люди 22—23 лет, которые не признавали в должной степени начальство директора и тем ослабляли его управление и, кроме того, находились со студентами в товарищеских отношениях, отчего и в студентах было ослаблено уважение к начальству и они стали производить шалости, отклонившие дворян и других родителей от отдачи в Лицей своих детей.

Необходимо будет для примера удалить из Лицея одного из профессоров — того, который будет главной причиной раздора.

Дела Демидовского лицея в Архиве Министерства народного просвещения.

Дом в Ярославле, в котором жил К. Д. Ушинский.

Фотография.

Петербург, Невский проспект.

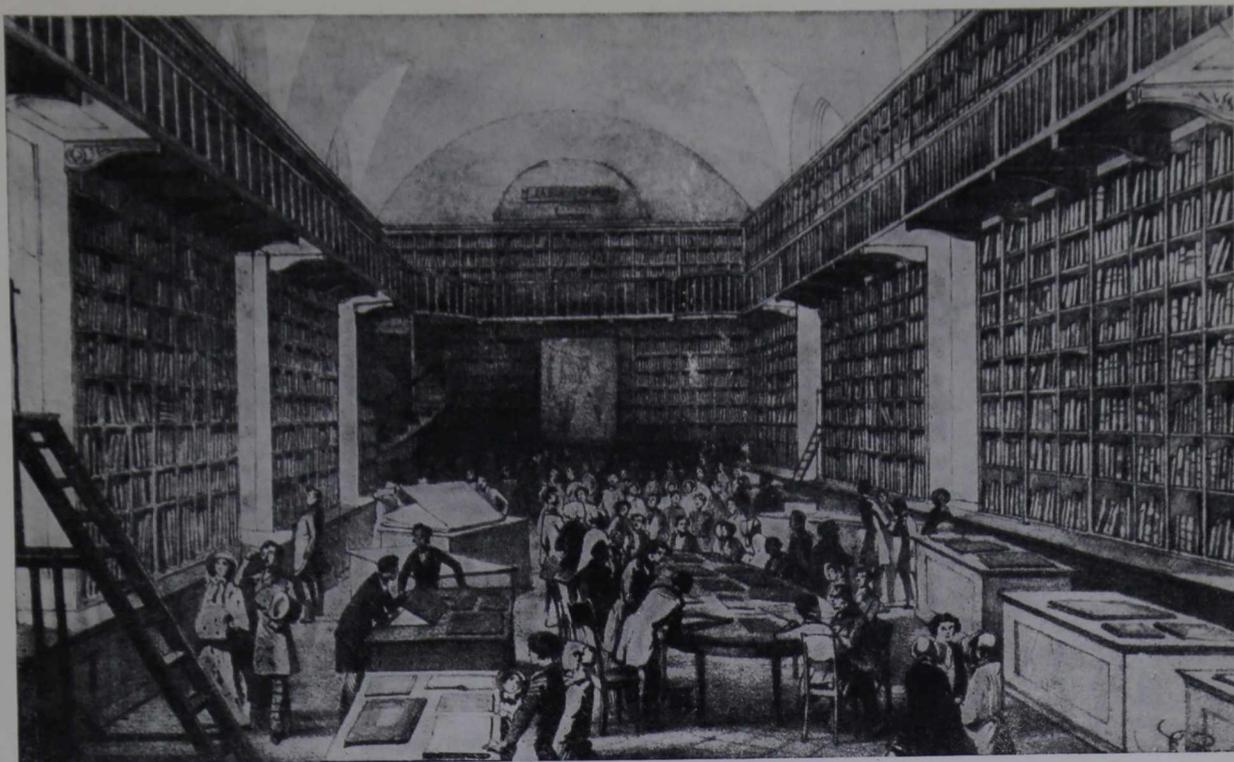
Литография с рисунка Я. Шарлеманя. 1850-е годы.

Ушинский определился на службу в департамент иностранных исповеданий. Но к департаментской службе Ушинский, как сам говорил, был совершенно неспособен, и, повидимому, он не принимал никакого участия в производстве дел департамента и даже редко туда являлся, занимаясь на дому составлением исторических записок и исполнением других подобного рода поручаемых ему работ.

Ю. Д. Рехневский. К. Д. Ушинский.

О неужели же целый век исканий, целый век этих глупых, бесцельных, ребяческих забот?! Я не хочу ничего, я не хочу никуда, куда ты толкаешь меня, о, нищета проклятая! Чиновничий пролетариат — едва ли не самый грустный, самый тяжелый пролетариат в мире и по крайней мере — самый убийственный... Душа отравляется мало-помалу, жизнь истощается с болью и по каплям... И много нужно времени, пока перестанешь презирать свою жизнь, пока сойдешь с ума и помиришься с нею!..

К. Д. Ушинский. Дневник. 23 декабря 1849 г.

Публичная библиотека в Петербурге, Ларинская зала.

Литография с рисунка В. Тимма. 1852 г.

За дело! За дело! И чтобы не разбивать сил своих, я решительно займусь только одной статьей для Географического общества. Сегодня непременно к Милютину за книгами, и если достану записку, то сегодня же и к Шварцу, если же нет — то зайду хоть в Публичную библиотеку.

К. Д. Ушинский. Дневник. 19 декабря 1849 г.

Снова — самое строгое наблюдение над собою, над своим характером и способностями! Сделать как можно более пользы моему отечеству — вот единственная цель моей жизни, и к ней-то я должен направлять все свои способности.

Небольшой толчок судьбы разбил все мои предположения, весь тот мир, который так долго во мне строился. И если я не вооружусь твердою волею, то погибну среди этих обломков, сделаюсь пустым человеком, тем более жалким, что воспоминания никогда меня не оставят.

К. Д. Ушинский. Дневник. 19 декабря 1849 г.

Казнь петрашевцев.

Картина неизвестного художника.

В 9-ть часов утра происходила на Семеновском плацу страшная сцена объявления приговора 23-м человекам политическим преступникам.

К. Д. Ушинский. Дневник. 22 декабря 1849 г.

Положение наше становится нестерпимее день ото дня... Доносы идут тысячами... Но что значит личная опасность по сравнению с общим страданием и гнетом. Университеты предполагалось закрыть... Многим заведениям грозит та же участь, например лицей. Деспотизм громко говорит, что он не может ужиться с просвещением...

Слышен глухой, общий ропот, но где силы? Где противодействие?..

Т. Н. Грановский — А. И. Герцену. 1850 г.

К. Д. Ушинский.

Фотография. 1850-е годы.

Как неестественна наша жизнь! Это какая-то сеть, сплетенная из самых ничтожных нитей, но способная задушить льва... Неужели мне придется погибнуть в этой тюрьме... в которой нет даже стен, чтобы разбить себе голову?

К. Д. Ушинский. Дневник. 23 декабря 1849 г.

СОВРЕМЕННОКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

издается съ 1847 года Н. Панаевымъ и В. Пегуровымъ

ТОМЪ XXXV

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

въ типографіи Ваккерла Прага

1852

VI.

ПОЕЗДКА ЗА ВОЛХОВЪ.

ГЛАВА I.

ПАРХОДЪ.

Въ половинѣ девятаго я былъ на Невской пристани. Парходъ «Урація», который долженъ былъ ровно въ девять часовъ отправиться въ Шансельбургъ, уже дымился, вытѣлъ и собрался съ силами. Прищипки и работники, съ ливками, пилками, узлами, уже суетились на палубѣ, и я, войдя на нее, остановился у перилъ, чтобы разсмотрѣть своихъ спутниковъ. Общество было самое пестрое, но, несмотря на все свое разнообразіе, раздѣлялось рѣзко на двѣ категоріи: въ первой разнообразіе цвѣтовъ было сильнѣе, но легкое преимущество оставалось за чернымъ; во второй владычествовалъ сѣрый. Лица первой категоріи, заплативши цѣлковый, чинно расаживались по лавочкамъ: кормы или пользовались правомъ спускаться въ каюту; сѣрые же мирно улегались на полу передней части пархода, укладывали головы на кулечки, свернутые армяки или на колѣна своихъ сосѣдей и, заплативъ полтинникъ, мѣтили высидѣть на цѣлковый. Вещи и товары горой навалены были во средней пархода.

Колокольчикъ прозвенѣлъ во второй разъ; толпа провожающихъ бросилась на берегъ, и парходъ медленно отвалилъ. Ниславные и басистые прощайте, до свиданія, adieu, leben sie wohl — слышались съ примѣсью утренней силдости, на корму, тогда какъ на носъ пархода падали, какъ бомбы, уѣсистые поклоны не менѣе уѣсистымъ Акулигъ Савишигъ, Маргъ Трофимовигъ, даягъ Герасиму, на которые получались удовлетворительные отвѣты: «будемъ кланяться!» Наконецъ парходъ отвалилъ на такое разстояніе, что прощанья должны г. XXXV Стл. VI.

Журнал „Современник“, 1852 г.,
т. XXXV.

Титульный лист.

Очерк К. Д. Ушинского
„Поездка за Волхов“.

Страница журнала „Современник“.

РАБОТА К. Д. УШИНСКОГО В „СОВРЕМЕННОКЕ“.

1. Поездка за Волхов. 1852 г., № 9.
2. История одной французской эскадры. 1853 г., № 3.
3. Труды Уральской экспедиціи. 1853 г., № 8, 9, 10 и 11.
4. Магазин земледенія и путешествій. Географическій сборник, издаваемый Н. Фроловым. 1852 г., № 7; 1854 г., № 5, 6.
5. Литературный характер или история гения — Д. Израэли. 1853 г., № 5—11.
6. Сведения о современном состояннн Турціи. 1854 г., № 4, 5, 7.

Не стесняемый службой, Ушинскій началъ в это время изучать англійскій языкъ, занимался философией и особенно увлекался земледеніем. Но, какъ всякому начинающему молодому писателю, ему пришлось довольно долго работать, прежде чемъ его труды стали в редакціяхъ читать и прежде чемъ они добились вниманія редакторовъ. Первые критическіе статьи Ушинскій печаталъ в „Современникѣ“. Его небольшой рассказъ „Поездка за Волхов“, написанный около этого времени, оцененъ былъ И. С. Тургеневымъ, после чего на него стали смотрѣть, какъ на талантливого писателя.

А. Ф. Фроловъ. К. Д. Ушинскій.

Нева.

Иллюстрация из книги Т. Семенова-Тянь-Шанского „Россия“.

Настоящий географический тип страны выходит всегда из борьбы характера местности с характером ее населения. Проследить эту борьбу, анализировать элементы этих типов и комбинировать их в одно гармоническое целое, проникнутое историческою и философскою мыслью, — вот дело географии, если она хочет быть наукой самобытной и получить пределы, которых ей пока не достает.

К. Д. Ушинский. Поездка за Волхов.

Подобной географии у нас, можно сказать, нет, нет потому, что я не смею назвать этим именем учебники, в которых ничего нет, кроме номенклатуры гор, рек и городов и сведений о числе кирпичных и кожевенных заводов.

К. Д. Ушинский. Поездка за Волхов.

Шлюзы Мариинской системы.

Иллюстрация из книги Т. Семенова-Тянь-Шанского „Россия“.

Канал весь загроможден барками. В этом канале соединяются все водные системы северной и восточной России, а потому не удивительно, что здесь можно видеть образчики всех народностей, разбросанных по этому великому северно-восточному пути... И на всем этом пестром смещении лежит один оттенок, который легче чувствовать, нежели выразить и который можно назвать новгородским. Этот оттенок предприимчивости, подвижной торговой жизни — готовность взяться за всякий промысел, совершенно отличает нашу северо-восточную Россию от юго-западной, сидячей, мирной, сельской или удалой казацкой.

К. Д. Ушинский. Поездка за Волхов.

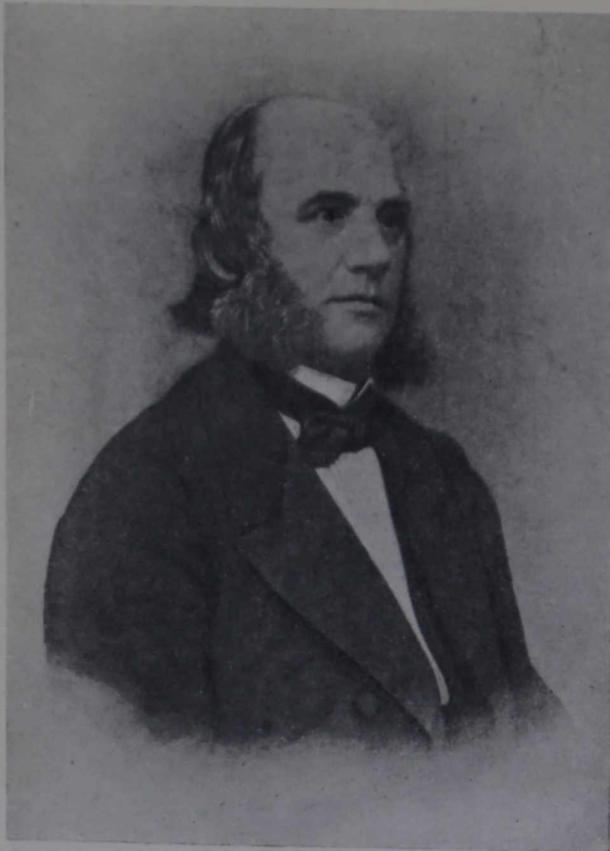

Волховские пороги.

Иллюстрация из книги Т. Семёнова-Тянь-Шанского „Россия“.

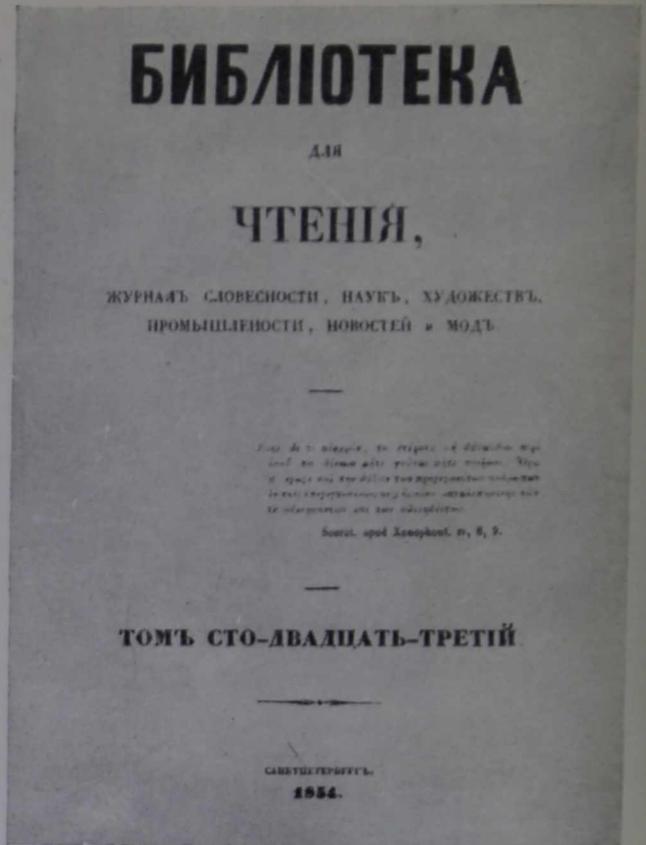
Спустившись с крутого берега, в котором во многих местах между слоями просачиваются ключи, я пробрался, по гряде плитняка, в реку к самым порогам. Сначала от шума и блеска воды у меня закружилась голова. Во всю ширину реки, в тысяче местах, вода кружится, ревет, бьет ключом и пенится, и это тем более поразительно, что решительно не видно достаточной причины такому бешенству волн: кажется, как будто волны выбрасываются снизу каким-то подводным вулканом... Гряды порогов следуют недалеко одна за другой, а проходы сквозь каждую из них лежат то у одного, то у другого берега, так что барку должно поворачивать быстро, а потом направлять в самые ворота... Опытность, ловкость, сила и сметливость тамошних лоцманов изумительны.

К. Д. У шинский. Поездка за Волхов.

А. В. Старчевский, редактор журнала
„Библиотека для чтения“.

Литография К. Бегрова.

Журнал „Библиотека для чтения“, 1854 г.,
т. 123.

Титульный лист.

РАБОТА К. Д. УШИНСКОГО В „БИБЛИОТЕКЕ ДЛЯ ЧТЕНИЯ“.

1. „Сейденгемский дворец“. 1854 г., № 7, 8.
2. О преступности в Англии и Франции. 1854 г., № 10.
3. Диккенс. „Тяжелое время“. 1855 г., № 8 и другие переводы.

В 1854—1856 годах в журнале „Библиотека для чтения“ регулярно печатались „Заметки путешественника вокруг света“ К. Д. Ушинского и его же „Новости наук, литературы и общежития“.

Ушинскому предоставили: 1) Составление ученых и литературных известий; 2) Фельетон; 3) Обзор наших толстых журналов; 4) Переводы романов — чего желал сам К. Д.; 5) Составление отдельных статей и монографий по указанию редакции; 6) Составление статей по своему личному желанию и усмотрению.

А. В. Старчевский. Мои воспоминания о К. Д. Ушинском.

Гатчинский сиротский институт.

Фотография.

В 1854 г. Ушинский был назначен преподавателем словесности и законоведения в Гатчинский сиротский институт, а затем и его инспектором. Здесь ему представилось огромное поле для применения своих педагогических способностей.

Ушинский тут впервые понял, что педагогическая деятельность — его главное призвание.

Е. Н. Водовозова. На заре жизни.

В 1855 г. К. Д. Ушинский собрал конференцию учителей русского языка для обсуждения вопросов преподавания русского языка и словесности.

В 1857 г. К. Д. Ушинский составил „записку о возможности устроить учительскую семинарию при Гатчинском сиротском институте“. Он писал: „Самый существенный недостаток в деле русского народного просвещения есть недостаток хороших наставников, специально подготовленных к исполнению этих обязанностей ... Учительские семинарии для приготовления учителей народных и элементарных школ несбходимы“.

„Я согласна..“

Как часто я, мой милый друг
Смотрю от тоскою безрадостной
На все живущее вокруг
Доблею и смелости и смелости
Как часто я угрюмый, одинокий,
Иногда на друзей, как на случайные
Судьбы и судьбы и фрегатской
И видю в ней одно безплодное боренье
И любовь моя напрасно пробогала
Пустыни света и людей,
И друзей отъезда замирала
Во груди тоскующей моей.
Там же смотрю в корзинке безутешившей
На неподвижную морскую пелену
И малюю небо безутешившею
Поднятой усталую волну.
Но ветра далекая — и через тишина
Открыла воздуха, вздрогнула волна
Надучи паруса и корабль и море
Во веселой синеве неба.
Там же криком в души моей проступал,
Призыву милую откликнулся она,
Вселенная сердце встретилась
И снова счастье друзей паруса —
И снова тоска и убожская горе,
И снова цель видна.
Во безрадостном море.

К. Ушинский

Стихотворение К. Д. Ушинского, посвященное жене —
„Я согласна“.

Автограф.

К. Д. Ушинский.
Фотография. 1850-е годы.

Лицом он несколько напоминал Рафаэля, но был красивее его... держался он спокойно и несколько сдержанно, но с первого же раза внушал вам симпатию.

Понятно, как благотворно должна была действовать такая внешность на его учеников, а впоследствии учениц.

А. В. Старчевский. Мои воспоминания о К. Д. Ушинском.

ГОРОДСКА БИБЛИОТЕКА
БЕЛГРАД

1859 - 1862

III

К. Д. Ушинский.
Фотография. 1860-е годы.

Не педагогика и не педагоги, но сам народ и его великие люди прокладывают дорогу в будущее; воспитание только идет по этой дороге и, действуя заодно с другими общественными силами, помогает идти по ней отдельным личностям и новым поколениям.

К. Д. Ушинский. О народности в общественном воспитании.

Н. И. Пирогов, знаменитый русский ученый и общественный деятель, занимавшийся вопросами воспитания.

Литография И. Исаковича.

Н. И. Пирогов не только возбуждает в нас желание деятельности на пользу общественную, но и рождает твердую уверенность в том, что эта деятельность не пропадет даром. Народ, из среды которого выходят такие личности, какова личность Н. И. Пирогова, может с уверенностью глядеть на свою будущность.

К. Д. Ушинский. Педагогические сочинения Н. И. Пирогова.

ВОПРОСЫ ЖИЗНИ.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАБЫТЫХЪ БУМАГЪ, ВЫВЕДЕННЫЙ НА СВѢТЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫМИ СТАТЬЯМИ МОРСКАГО СБОРНИКА О ВОСПИТАНІИ).

«Къ чему вы готовите вашего сына? кто-то спросилъ меня.

«Быть человѣкомъ, отвѣчалъ я.

«Развѣ вы не знаете, сказалъ спросившій, что людей собственно нѣтъ на свѣтѣ; это одно отвлеченіе, вовсе ненужное для нашего общества. Намъ необходимы негодіанты, солдаты, механики, моряки, врачи, юристы, а не люди.»

Правда это или нѣтъ?

Мы живемъ, какъ всѣмъ извѣстно, въ девятнадцатомъ вѣкѣ, «по преимуществу» практическомъ.

Отвлеченія, даже и въ самой столицѣ ихъ, Германіи, уже не въ ходу болѣе. А человѣкъ, что ни говори, есть дѣй-

„Вопросы жизни“, статья Н. И. Пирогова.

Страница из „Сборника Литературных статей“, 1858 г.

К единственной цели воспитанія—быть человеком—должен стремиться каждый воспитатель и каждый человек.

Н. И. Пирогов. Вопросы жизни.

Эта статья произвела совершенный переворотъ в нашихъ взглядахъ на воспитаніе и образованіе. Ее читали и во дворцѣ и в бедныхъ квартирахъ, и великосветскіе дамы, и скромныя матери семействъ.

Д. Д. Семенов. Из пережитого.

Н. Г. Чернышевский.

Фотография. 1861 г.

Слова г. Пирогова, без сомнения, будут иметь сильное и благотворительное влияние на образ мыслей в нашем обществе. Честь и слава г. Пирогову за прекрасное и решительное выражение таких здравых убеждений.

Н. Г. Чернышевский. Заметки о журналах.
„Современник“. Июнь, 1856 г.

Н. А. Добролюбов.

Фотография. 1861 г.

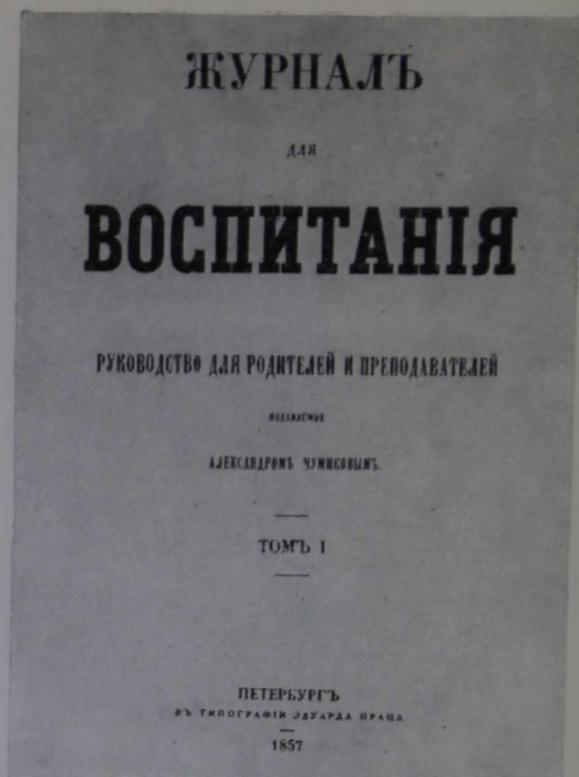
Многие из статей находили сочувствие в читателях, но ни одна не имела такого полного и блестящего успеха, как „Вопросы жизни“ г. Пирогова. Они поразили всех—и светлостью взгляда, и благородным направлением мыслей автора, и пламенной живой диалектикой, и художественным представлением затронутого вопроса.

Н. А. Добролюбов. О значении авторитета в воспитании
(мысли по поводу „Вопросов жизни“ г. Пирогова).

*А. А. Чумиков, редактор
„Журнала для воспитания“.*

Фотография.

„Журнал для воспитания“, т. I, 1857 г.

Титульный лист.

В конце 1856 года, поощряемый П. Г. Редкиным, бывшим профессором Московского университета, и учеником его, инспектором классов Гатчинского сиротского института, К. Д. Ушинским, моими будущими сотрудниками, задумал я издание педагогического журнала.

А. А. Чумиков. Мои цензурные мытарства.

Мы с удовольствием можем указать на два новых явления в нашей литературе, посвященные исключительно педагогическим вопросам: „Журнал для воспитания“ и „Русский педагогический вестник“. „Журнал для воспитания“—это предприятие серьезное и добросовестное, а не спекуляция, являющаяся под ученым покровом, на легковере нашей публики. Вообще „Журнал для воспитания“ представляет довольно интереса и разнообразия.

Современное обозрение. „Современник“, 1857 г.

РАБОТА К. Д. УШИНСКОГО В „ЖУРНАЛЕ ДЛЯ ВОСПИТАНІЯ“.

1. О пользе педагогической литературы. 1857 г., № 1.
2. Три элемента школы. 1857 г., № 7, 8.
3. О народности в общественном воспитании. 1857 г., № 5 и другие статьи.

О НАРОДНОСТИ ВЪ ОБЩЕСТВЕННОМЪ ВОСПИТАНИИ.

О ПОЛЬЗѢ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Недалеко от
народности
являть те
въ немъ
именемъ
человѣку
то ясно,
и рѣчи. К
свою тол
общаго ч
общи и
природы
дываемое
ней мѣста
самый м
человѣч
наукъ, т
касаться

Крайняя бѣдность нашей педагогической литературы, сравнительно съ практической педагогическою дѣятельностью нашего отечества, не можетъ не броситься въ глаза человѣку, обратившему свое вниманіе на этотъ предметъ. Съ одной стороны — болѣе пяти тысячъ учебныхъ заведеній, до двадцати тысячъ преподавателей, нѣсколько университетовъ, изъ которыхъ старѣйшій уже отпраздновалъ свое столѣтіе, огромный педагогическій институтъ. Съ другой стороны двѣ три слабыя попытки педагогическихъ курсовъ, мало кому извѣстныхъ, ни одного сколько нибудь замѣчательнаго педагогическаго сочиненія не только оригинальнаго, но даже переводнаго, десятка два педагогическихъ статей, изъ которыхъ большая часть принадлежитъ къ числу рѣчей, сказанныхъ ex officio, ни одного педагогическаго журнала. Нельзя не сознаться, что эта несоразмѣрность педагогической практики и педагогиче-

Статьи К. Д. Ушинскаго.

Страницы из „Журнала для воспитанія“, 1857 г.

Общественное воспитаніе только тогда оказывается действительнымъ, когда его вопросы становятся общественными вопросами для всехъ и семейными вопросами для каждого. Система общественного воспитанія, вышедшая не изъ общественного убѣжденія, какъ бы хитро она ни была обдуманна, окажется бессильной и не будетъ действовать ни на личный характеръ человека, ни на характеръ общества.

К. Д. Ушинскій. О народности в общественномъ воспитаніи.

Педагогическая литература, живая, современная и обширная, вырываетъ воспитателя изъ его замкнутой усыпительной сферы, вводитъ его въ благородный кругъ мыслителей, посвятившихъ всю свою жизнь делу воспитанія.

К. Д. Ушинскій. О пользѣ педагогической литературы.

Статья г-на Ушинскаго... „О народности в общественномъ воспитаніи“ превосходна. Съ основною ея мыслью никто, конечно, не станетъ спорить, кроме славянофиловъ, следовательно, объ этомъ и распространяться нечего.

Современное обозрѣніе. „Современник“, 1857 г., № 9.

Смольный институт. Воспитательное общество благородных девиц.

Литография.

Приказом по ведомству императрицы Марии переведен инспектором классов Воспитательного общества благородных девиц и Александровского училища 16 января 1859 г.

Из формулярного списка К. Д. Ушинского.

Его назначение было вызвано необходимостью реформировать это обширное учебное заведение. Ушинский написал проект преобразования обеих „половин“ Смольного, утвержденный 28 февраля 1860 г. Учебные программы подверглись полному преобразованию, были введены естествознание и физика, родной язык был поставлен центральным предметом.

Ушинский желал, во-первых, заменить девятилетний курс семилетним; во-вторых, вместо 3 классов устроить 7; в-третьих, сделать новое распределение предметов по классам и в-четвертых, составить новые программы. Учебный курс Александровского училища был при Ушинском совершенно сравнен с курсом общества благородных девиц.

А. Ф. Фролков. К. Д. Ушинский.

Благодаря энергии и таланту одного человека, в какие-нибудь три года совершенно обновилось и зажило полной жизнью огромное учебное заведение, дотоле замкнутое, рутинное и не возбуждавшее в обществе никакого интереса.

Всюду в Петербурге заговорили о Смольном и его необыкновенных учителях. Чиновники разных ведомств, многие, просто интересовавшиеся педагогическим делом, приезжали нарочно из города послушать удивительные уроки, особенно в младших классах.

В. Острогорский. Педагог-идеалист.

Смольный институт. Александровское училище.

Литография.

От прежнего безжизненного бессодержательного Смольного института осталось лишь одно название: его заменило живое, осмысленное учебное заведение с кипучею образовательно-воспитательскою деятельностью.

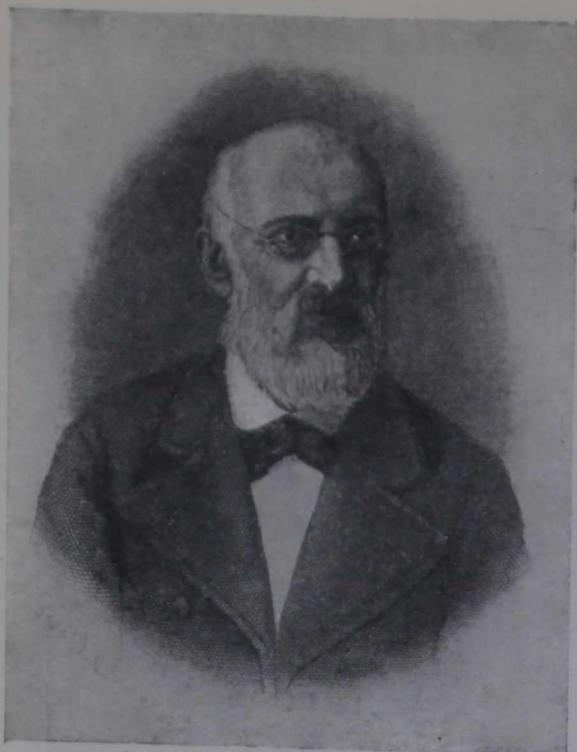
М. Л. Песковский. К. Д. Ушинский.

У Ушинского бывали так называемые четверги, в которые собирались к нему все друзья и сослуживцы, кто только пожелает. Тогда К. Д. жил в особом небольшом, но уютном флигеле, составлявшем частицу как бы целого городка, носившего общее название „Смольный монастырь“. В карты не играли, но больше толковали о новостях тогдашней литературы, о современных государственных реформах, бывших тогда в полном ходу и одушевляющим образом действовавших в особенности на Ушинского, да и на всех нас; но больше всего говорили и спорили, конечно, о смолянских делах, о программах, методах, о разных педагогических взглядах и системах, которыми в начале 60-х годов интересовалось вообще все образованное русское общество.

Л. Н. Модзалевский. К биографии К. Д. Ушинского.

На этих же четвергах читались и обсуждались статьи для Журнала Министерства народного просвещения.

Д. Д. Семенов. Деятельность К. Д. Ушинского.

*В. И. Водовозов, преподаватель
литературы.*

Гравюра.

Ушинский явился инициатором постановки как общей программы преподавания, так и распределения предметов по классам... Новые учебные программы у нас проводились в жизнь новыми учителями, выбранными Ушинским, под непосредственным наблюдением и руководством этого величайшего русского педагога.

Е. Н. Водовозова. На заре жизни.

*Д. Д. Семенов, преподаватель
географии и русского языка
в младших классах.*

Фотография.

Ушинский смотрел на выбор новых учителей, как на задачу чрезвычайно ответственную: от этого зависела вся будущность обновления преподавания... Нужных для себя людей он искал повсюду... Не стесняясь ни летами, ни дипломами, ни социальным положением, Ушинский приглашал каждого учителя, у которого находил то, что ему было нужно.

Е. Н. Водовозова. На заре жизни.

Из привлеченных им новых преподавателей назову лишь тех, которые так или иначе оставили след в общественной жизни, в преподавании или в литературе: Я. П. Пугачевский, Н. И. Раевский, М. И. Семевский, Д. Д. Семенов, Л. Н. Модзалевский, В. И. Водовозов и другие.

Е. Н. Водовозова. На заре жизни.

*Л. Н. Модзалевский, преподаватель
русского языка и литературы.*

Фотография.

Ушинский рекомендовал ученицам записывать лекции за учителями... Составляя лекцию того или другого учителя, слушательницы должны были пополнять ее прочитанным из указанных им книг. Так мы начали работать не только у преподавателя литературы В. И. Водовозова, но и у преподавателя географии Д. Д. Семенова и у некоторых других... Можно сказать без преувеличения, что при Ушинском мы работали совсем не по-институтски.

Е. Н. Водовозова. На заре жизни.

*Я. П. Пугачевский, преподаватель
естествознания.*

Фотография

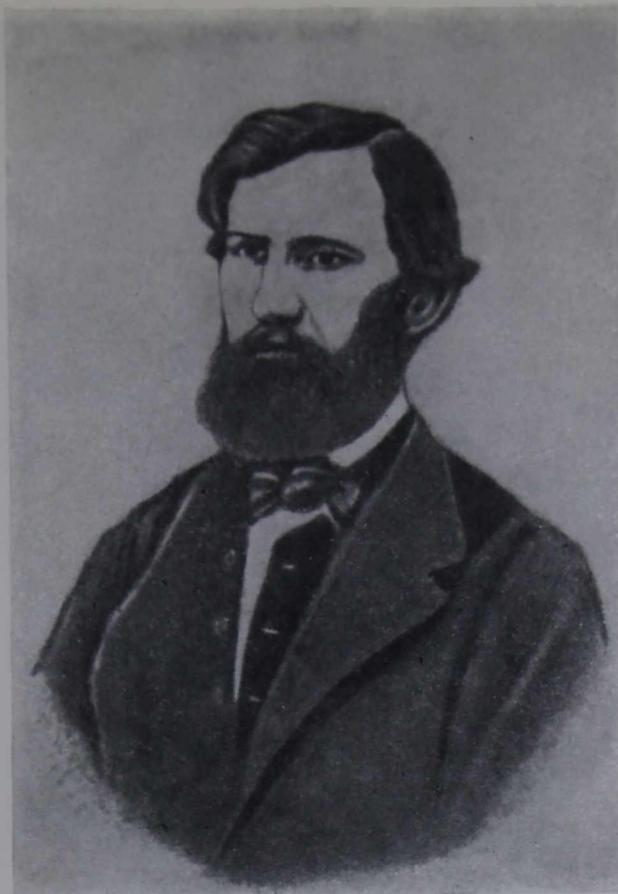
*К. Д. Ушинский среди группы сотрудников Смольного института.
Фотография. 1862 г.*

Все шло от Ушинского и через него, он был наставником и руководителем не только для нас, но и для приглашенных им учителей, главным виновником нашего полного перерождения.

Е. Н. Водовозова. На заре жизни.

Объединив новых учителей в тесный дружеский кружок, всею душою преданный делу обновления преподавания, Ушинский устроил учительские конференции, чего никогда не существовало в стенах Смольного. На них обсуждалось применение новых программ и способов обучения, и делалось это с главной целью установить единство преподавания во всех предметах.

Е. Н. Водовозова. На заре жизни.

К. Д. Ушинский.
Фотография. 1860-е годы.

Напрасно мы хотим выдумать воспитание: воспитание существует в русском народе столько же веков, сколько существует сам народ — с ним родилось, с ним выросло, отразило в себе его историю, все его лучшие и худшие качества. Это почва, из которой выростали новые поколения России, сменяя одно другое... Вот что должно проявиться в народности русского воспитания, если оно хочет сделаться действительным выражением народной жизни, а не насильственным, чуждым народности подражанием.

К. Д. Ушинский. О нравственном элементе в общественном воспитании.

Спор старого с новым.

Картина И. Ярошенко.

По словам Ушинского... все обязаны нести в народ свой труд, знание и таланты, а на русских женщин наступившая эпоха освобождения налагает еще особую обязанность—раскрепоститься от предрассудков, специально тяготеющих над ними. Быть наставницей молодого поколения—великая и благородная задача, но в то же время в высшей степени трудная и сложная. Выполнять ее с успехом женщина может, только основательно вооружившись серьезными знаниями. Следовательно, женщины так же, как и мужчины, должны получать высшее образование. Вы должны, вы обязаны зажечь в своем сердце... чистый пламень, неутолимую неугасимую жажду к приобретению знаний и развить в себе, прежде всего, любовь к труду,— без этого жизнь ваша не будет ни достойной уважения, ни счастливой.

Е. Н. Водовозова. На заре жизни.

Курсистка.

Картина И. Ярошенко.

Вы обязаны проникнуться стремлением к завоеванию права на высшее образование, сделать его целью своей жизни, вдохнуть это стремление в сердце ваших сестер и добиваться достижения этой цели до тех пор, пока двери университетов, академий и высших школ не распахнутся перед вами так же гостеприимно, как и перед мужчинами.

К. Д. Ушинский (по словам Е. Н. Водовозовой).

ДѢТСКІЙ МІРЪ

и

ХРИСТОМАТІЯ.

КНИГА ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ,

ПРИСПОСОБЛЕННАЯ КЪ ПОСТЕПЕННЫМЪ УМСТВЕННЫМЪ УПРАЖНЕНІЯМЪ
И НАГЛЯДНОМУ ЗНАКОМСТВУ СЪ ПРЕДМЕТАМИ ПРИРОДЫ.

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ.

*(Окончательно исправленное и дополненное, со 105-ю рисунками
за текстъ).*

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

СОСТАВИЛЪ

К. УШИНСКІЙ.

*(Допущена къ употребленію въ первыхъ четырехъ классахъ гимназій и уезд-
ныхъ училищахъ, а также рекомендована Ученнымъ Комитетомъ, состоящимъ
при IV. Отдѣленіи Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
Канцеляріи, «какъ прекрасное учебное руководство для низшихъ классовъ»).*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(ИЗДАНИЕ П. А. ИСАКОВА).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи И. Маркова и Ко. Больш. Мѣщ. д. № 14.

1865.

„Детский мир“.

Титульный лист.

Я старался воспользоваться в „Детском мире“ наглядною логикою природы...

Предметы, о которых говорится в „Детском мире“, большею частью могут быть показаны детям в натуре. Ничего не стоит приобрести для этой цели кусок гранита, стебель конопли, отрубок сосны, кусок негашеной извести, еловую шишку, намагниченную палочку, колос ржи, яблоко, кусок сургуча и т. п.

К. Д. Ушинский. Предисловіе к первому изданію „Детского мира“.

Книга Ушинскаго „Детский мир и Христоматія“ имела громадный успех и получила широкое распространение в школахъ различныхъ типовъ.

В методическомъ отношеніи книга Ушинскаго обладаетъ большими достоинствами и разработана с исключительнымъ педагогическимъ умениемъ. Книга построена на основѣ наглядности и систематическаго возбужденія самостоятельнаго мышленія учащихся. Во всей книгѣ съ замечательной последовательностью выдержанъ принципъ расположенія матеріала от легкаго и простаго къ трудному и сложному.

Д. Д. Семеновъ. Деятельность К. Д. Ушинскаго.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

І Ю Л Ъ.

1860.

Подписная цѣна: за шесть книгъ безъ официальной части, начиная съ іюля мѣсяца — 4 руб. сер. безъ пересылки и 5 р. съ пересылкою; съ официальной частью 6 р. безъ пересылки и 7 р. съ пересылкою. Подписка принимается въ редакціи Журнала Министерства и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Авторы и переводчики, желающіе помѣщать свои статьи въ Журналъ Министерства Просвѣщенія, могутъ присылать ихъ въ редакцію, съ означеніемъ: желаютъ-ли они, чтобы статьи были напечатаны безъ измѣненій или дозволяютъ сдѣлать въ нихъ измѣненія и сокращенія, которыя редакція сочтетъ необходимыми.

Авторамъ, изъявившимъ желаніе получить вознагражденіе за свои труды, редакція Журнала высылаетъ или выдаетъ лично: за статьи оригинальныя — отъ тридцати до пятидесяти, за статьи составныя — отъ двадцати до сорока и за переводы — отъ пятнадцати до двадцати рублей за печатный листъ. Кромѣ-того, по особому соглашенію съ авторами, редакція будетъ приобрѣтать отъ нихъ учебники и другія педагогическія сочиненія для напечатанія ихъ въ видѣ приложеній къ Журналу.

Редакторъ *К. Ушинскій*.

„Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія“.

Титульный листъ кн. VII (іюль) 1860 г. и извѣщеніе редакціи.

РАБОТА К. Д. УШИНСКОГО В „ЖУРНАЛЕ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ“.

1. Труд в его психическом и воспитательном значении.
2. Психологическія монографіи (Вниманіе).
3. О нравственном элементѣ в общественном воспитаніи.
4. Воскресные школы.
5. Проект учительской семинаріи.
6. Родное слово.

„Журналу Министерства народнаго просвѣщенія“, котораго прежде никто не читал, приданъ былъ педагогическій характеръ и большой интересъ, под редакціей Константина Дмитриевича Ушинскаго, плодотворная педагогическая деятельность котораго обратила на него общее вниманіе.

Н. Ф. Бунаков. Моя жизнь.

Воспитаніе не только должно развить разумъ человека и дать ему известный объемъ свѣдѣній, но должно зажечь в нем жажду серьезнаго труда... Безъ личнаго труда человекъ не можетъ итти впередъ, не можетъ оставаться на одномъ мѣстѣ, но долженъ итти назад... Воспитаніе не только должно внушить воспитаннику уваженіе и любовь къ труду, оно должно еще дать ему и привычку къ труду, потому что дельный, серьезный трудъ всегда тяжелъ.

К. Д. Ушинскій. Труд в его психическом и воспитательном значении.

Воскресная школа в Петербурге.

Литография В. Тимма. 1860 г.

Все эти люди в полушубках, чуйках, армяках, пестрединых и китайчатых халатах, с черными мозолистыми руками, с испачканными лицами, с запахом и цветом, напоминающими ясно ремесло каждого, собрались сюда не шутку шутить, не из пустого любопытства, а собрались дело делать.

К. Д. Ушинский. Воскресные школы.

Народ, раз уже вышедший на поприще исторической жизни, развивается неудержимо, в школах ли то или помимо школ, во всяком случае лучше с помощью школы, чем без школ.

К. Д. Ушинский. Воскресные школы.

По нашему мнению, нет теперь вопросов современнее и важнее, как вопросы о том, чем должны быть русские народные школы? Как и где их устроить? Что и как в них преподавать? Где взять для них учителей? Каковы должны быть эти учителя? В каком отношении должны находиться народные школы, с одной стороны, к обществу, с другой стороны, к общей учебной администрации и т. д.

К. Д. Ушинский. Вопросы о народных школах.

Воскресная школа в Петербурге.

Литография В. Тимма. 1860 г.

В том, что охота к учению пробудилась в русском народе, сомневаться, кажется, невозможно: где только ни откроется школа—в два, три дня она уже битком набита.

К. Д. Ушинский. 5 марта 1861 г.

Мы еще не говорили о воскресных школах в Петербурге, подробностями о которых наполнены все петербургские и московские газеты.

Кроме трех уже существующих в Петербурге воскресных школ—двух ремесленных (Владимирской и 1-й гимназии) и одной частной, открыты еще две новые школы ремесленные—Андреевская и частная (в помещении гальванической роты инженерного ведомства).

Владимирская ремесленная школа открыта стараниями артиллерийского полковника Философова. Г. Г. Философов и К. Д. Ушинский обязались доставлять все необходимые учебные материалы. 60 студентов духовной академии вызвались на бесплатное преподавание. Владимирская школа была открыта 22 мая. Теперь в ней учащихся 350, преподавателей 23.

Заметки нового поэта. „Современник“, 1860 г., № 7.

Бесплатная сельская школа 1860-х годов.

Картина А. Морозова.

Сочувствие публики к педагогическим вопросам, возникшие как бы из земли сотни воскресных школ, школ для бедных, женские училища доказывают, что время действительной народной школы настало.

К. Д. Ушинский. О нравственном элементе в общественном воспитании.

Впредь до преобразования воскресных школ на новых основаниях, закрыть все ныне существующие воскресные школы и читальни.

Из постановления Министерства народного просвещения, 1862 г.

Восстание крестьян в Бездне.

Картина В. Зайцева.

...Требование политических реформ есей печатью и всем дворянством, распространение по всей России „Колокола“, могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих *революционеров*, появление прокламаций, возбуждение крестьян, которых „очень часто“ приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови *заставлять* принять „Положение“, обдирающее их, как липку, коллективные отказы дворян—мировых посредников применять *такое* „Положение“, студенческие беспорядки—при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание—опасностью весьма серьезной.

В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. V, стр. 26-27.

Гражданская казнь Чернышевского.

Рисунок неизвестного художника.

Чернышевский осужден на 7 лет каторжной работы и на вечное поселение. Да падет проклятием это безмерное злодейство на правительство, на общество, на подлую, подкупную журналистику, которая накликала это гонение... Чернышевский был вами выставлен к столбу на четверть часа, а вы, а Россия на сколько лет останетесь привязанными к нему? Проклятье вам, проклятье, и, если возможно,— месть!

А. И. Герцен. Н. Г. Чернышевский.

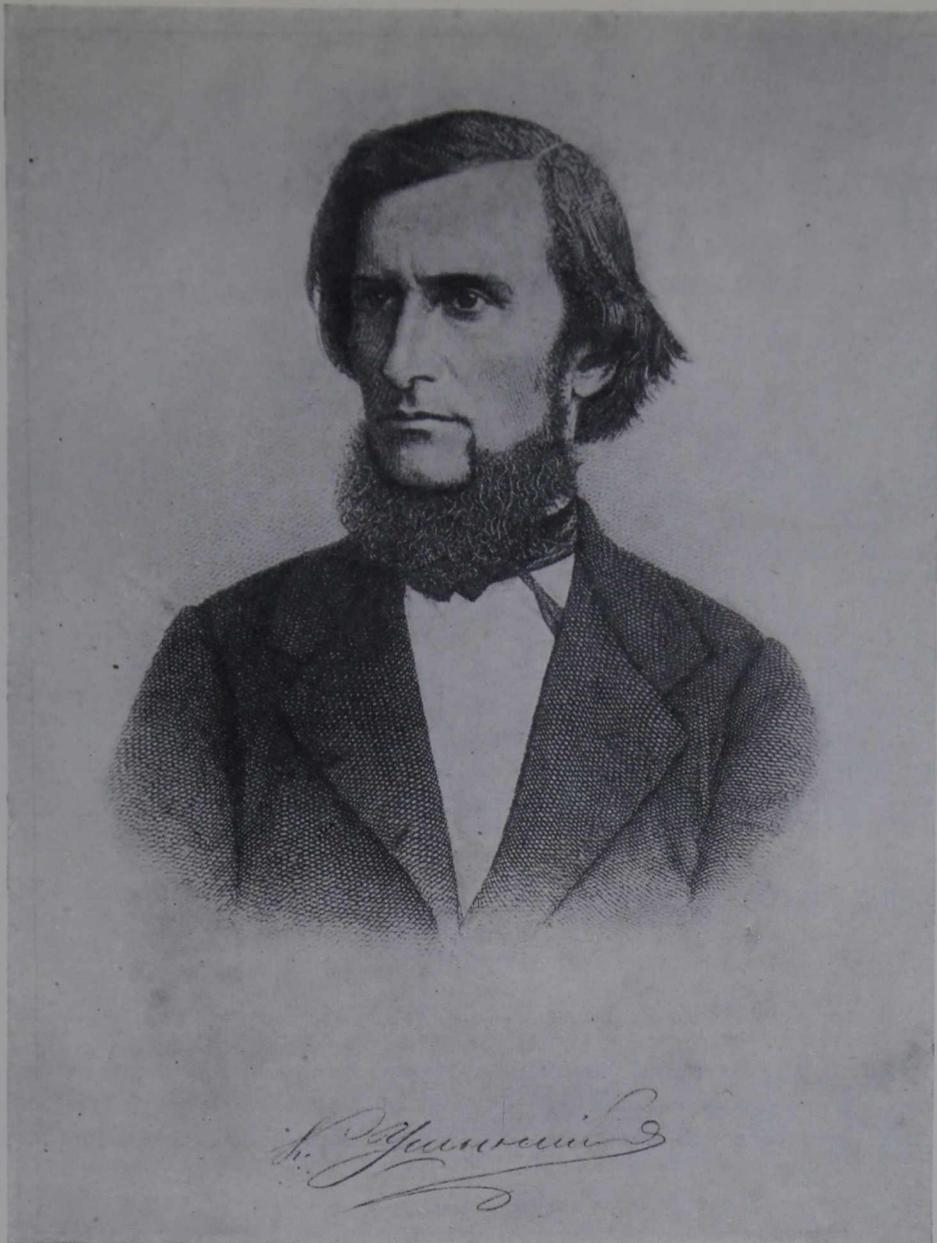
Расправившись с людьми, способными не только болтать, но и бороться за свободу, правительство почувствовало себя достаточно крепким, чтобы вытеснить либералов и из тех скромных и второстепенных позиций, которые ими были заняты „с разрешения начальства“.

В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. V, стр. 33.

IV

1862 - 1870

К. Д. Ушинский.

Литография.

В Совет Воспитательного Общества благородных девиц и Петербургского Александровского училища

ПРОШЕНИЕ.

Расстройство здоровья заставляет меня уехать за границу на продолжительное время, вследствие чего почтительно прошу Совет исходатайствовать мне увольнение от занимаемой мной должности инспектора классов. Но так как семья моя только в мае месяце отправится за границу, то прошу покорнейше у Совета позволения остаться ей на казенной, занимаемой мною ныне квартире до конца мая месяца текущего года.

Коллежский Советник Константин Ушинский. Марта 2 дня 1862 г.

ABONNEMENT.
—
24 FRANCS PAR AN.
(Pour l'étranger le port en sus)

КОЛОКОЛЬ

ABONNEMENT
—
24 FRANCS PAR AN.
(Pour l'étranger le port en sus)

VIVOS VOGO!

LA CLOCHE

DÉPOTS.

BRUXELLES. A la Librairie Galignani, 24, rue de la Vierge.
A la Librairie Mouton, Place Royale.
17. Place St. Marguerite St. Jean.
18. Librairie de la Cour.
LILLE. Goussier et Co.
MALS. Librairie Neveu.

ABONNEMENTS.

BRUXELLES. A tous les bureaux de poste.
BRUXELLES. A la Librairie Galignani, rue de la Madeleine, 28.
PARIS. A la Librairie Nouvelle, 15, boulevard des Filles.
LOMBRES. Trévoux et Co, Librairie Rue Saint Paul.

DÉPOTS.

PARIS. A la Librairie Armand, 4, rue de la Harpe.
A la Librairie Mouton, Place Royale.
A la Librairie Mouton, Place Royale.
A la Librairie Mouton, Place Royale.
BRUXELLES. F. Schneider et Co.
LONDRES. L. A. Kelly.

AVIS

La Cloche paraît régulièrement le 10 et le 25 de chaque mois. Quand les circonstances

de quelque nature qu'elle soit le rendent impossible, nous nous excusons d'en interrompre l'émission. L'ère de Napoléon avait été espérée, vivante, la seule qui se live aujourd'hui, la seule

qui nous reste, et si nous n'avons pas pu la publier, nous nous excusons d'en interrompre l'émission. Cette terrible épidémie a interrompu le journal.

Журнал „Колокол“, издававшийся А. И. Герценом за границей. 1862 г.

Титульный лист.

Пирогов уволен, уволен такой человек, которого смело можно назвать первым согражданином нашим. Он в полном смысле был слугою общества... И то удивительно, что около пяти лет высшее правительство могло терпеть такого истинного эманципатора, как Пирогов.

„Колокол“, 1 января 1862 г.

Удаление Ушинского из Смольнского Института, прикрытое формой заграничной командировки, так же как увольнение Пирогова с поста попечителя Киевского учебного округа, вызвало возмущение передовой русской общественности.

А. И. Герцен с негодованием писал в „Колоколе“ о темных делах государыни и окружающих ее реакционеров — Леонтьевых, Налетовых и других, „подковырнувших в Смольном монастыре Ушинского“.

Герцену вздумалось упомянуть в „Колоколе“ о моей особе и упрекнуть государыню, что она не разобрала дела по Смольному... того и смотри, что позовут в Россию, т. е. при теперешнем состоянии моего здоровья приговорят к смерти.

К. Д. Ушинский — А. И. Скребицкому. 23 сентября 1862 г.

Женевское озеро. Здесь жил К. Д. Ушинский с семьей во время пребывания за границей.

Фотография.

Теперь готовлю письма из педагогической поездки, но все это пахнет какой-то вялой работой, которой недостает живой веры в лучшее будущее. Грустно сеять на поле, где завтра могут все вырвать, что сегодня посеяно. Долго ли нам еще суждено толочь воду?

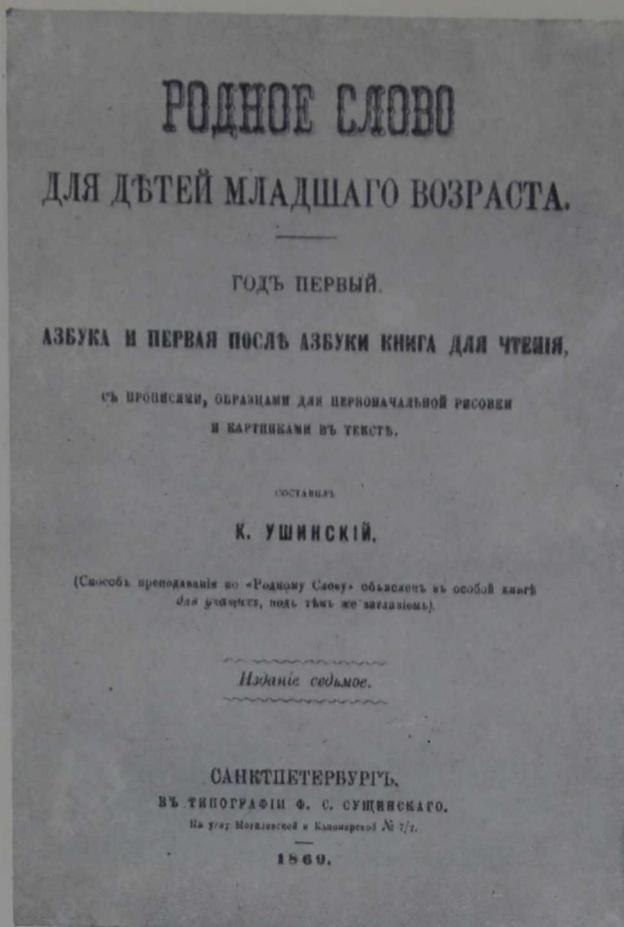
К. Д. Ушинский — А. И. Скребицкому. 23 сентября 1862 г.

Из России получаю часто письма и все самые печальные: от арестов все приуныли, цензура лютует...

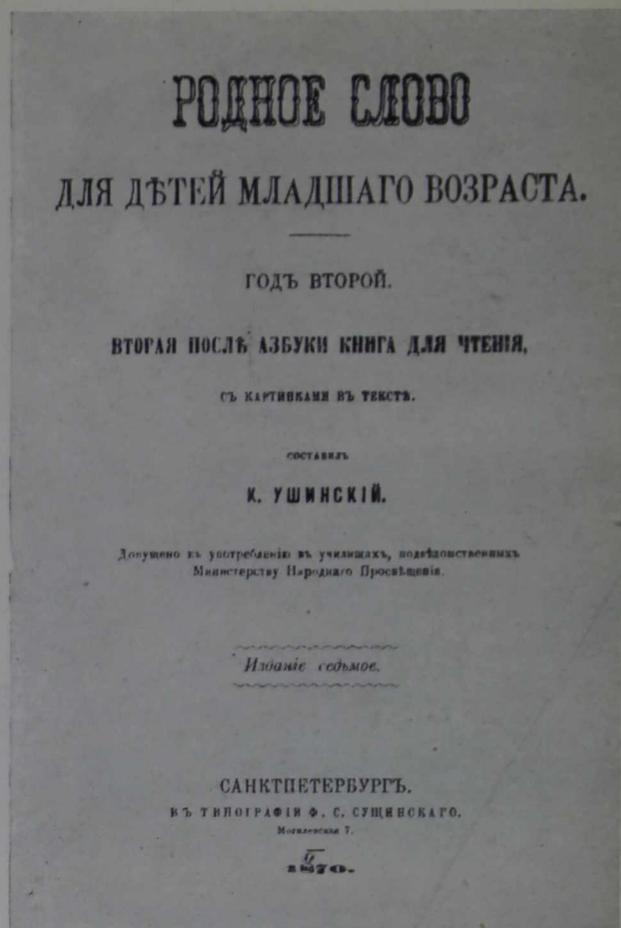
К. Д. Ушинский — А. И. Скребицкому. 23 сентября 1862 г.

Здесь можно кататься, но жить трудно: в этих людях столько чуждого и так мало общечеловеческого, право, гораздо менее, чем в нас, русских. Здесь у каждого свое правило в жизни, т. е. известная маска, которую он носит и не скидает даже, я думаю, перед женой. Оно, может, так и следует, но для русского скучен этот вечный маскарад. У нас же слишком мало правил, принципов, зато сердце чаще выходит наружу со всеми своими достоинствами и недостатками. Если образование в том и состоит, чтобы выдумывать получше маску и выучить носить ее, то господь с ним — оно для нас не годится.

К. Д. Ушинский — М. И. Семевскому. 1862 г.

„Родное слово“, год первый.
Титульный лист.

„Родное слово“, год второй.
Титульный лист.

Официальной деятельности я никакой не принимаю... Думаю ограничиться писательской деятельностью. В этом году, кроме Антропологии, думаю издать 3 части Родного слова, в котором будет начальная грамматика, а затем примусь за такую же географию.

К. Д. Ушинский — Л. Н. Модзалевскому. 4 ноября 1863 г.

В голове его мало-помалу созрел план для Родного слова. В каком постоянном напряжении была его мысль и как много заботился он о совершенстве своего труда — доказывает самое печатание его. Ушинский мог отдать его в типографию, конечно, только тогда, когда стал считать его достаточно выработанным и достигающим цели, которую автор предположил себе. Но вот проходит несколько дней. Приносят ему первые корректурные листы; он снова принимается перечеркивать, переделывать, одни выражения заменять другими, так что в типографии должны были делать почти новый набор, который в свою очередь под пером Ушинского подвергался разным изменениям и дополнениям. Так он работал над каждой страницей.

В. Я. Стоюнин. К. Д. Ушинский.

ОГЛАВЛЕНИЕ
ПЕРВАГО ГОДА
РОДНАГО СЛОВА.

Азбука.	Стр.		Стр.
Картинки для рисовки по квадра- ткам	1	Храбрая собака. (Нар. поба- сенка)	13
Письменная азбука	5	Вурнушка	—
Печатная азбука	17	№ 8. Живот. четвероногія и птицы	—
Первая послѣ азбуки книга		Другихъ не суди, на себя по- гляди. (Нар. побасенка)	15
для чтенія.		Куликъ (Тоже)	—
№ 1. Учебныя вещи и игрушки	1	Жиль-быль журавль. (Тоже).	—
Пѣтушокъ. (Народн. пѣсенка)	2	Козликъ. (Нар. пѣсня).	—
№ 2. Выбѣги гѣно, а врозь скучно. Мебель и посуда	—	№ 9. Животныя травоядныя и пло- тоядныя	16
Золотое яичко (Народн. сказ.)	3	Лиса и кроликъ	—
№ 3. Кушанье и напитки	4	Старикъ и волкъ. (Нар. ск.)	17
Тюшки-тетюшки (Прибаутка)	5	№ 10. Птицы: домашнія, хищныя и пѣвчія.	—
Догадливый татаринъ. (На- родн. побас.).	—	Два порона (Пушкина)	18
Зайчикъ. (Народн. пѣсня).	—	Сорока (Нар. прическа).	19
№ 4. Платье, обувь и бѣлье	6	Два пѣтушка	—
Рѣпка. (Народн. сказка)	—	Лебедь и соколъ (Нар. пѣсня)	—
№ 5. Орудія и сбруя	7	№ 11. Рыбы, гады и насѣкомыя	20
Лошадь и соха	9	Топю тяну (Народ. приск.).	—
Хороводъ. (Народн. пѣс.).	—	Чигирки - чокъ! (Народный притѣз).	21
№ 6. Зданія, суда и экипажи	9	Козлятки и волкъ (Нар. ск.)	—
Веселый поѣздъ. (Нар. при- баутка)	11	№ 12. Грибы, травы и цвѣты	22
Теремокъ мышкы. (Нар. ск.).	—	Какой цвѣтокъ? (Изъ оптической книги)	23
№ 7. Домашнія животныя и дикія звѣри	—	Война грибовъ (Нар. при- сказка)	—
		№ 13. Растенія: хлѣбныя, огорок- ныя, ягоды и плоды	24

„Родное слово“, год первый.

Оглавление.

Дитя входит в духовную жизнь окружающих его людей единственно через посредство отечественного языка и, наоборот, мир, окружающий дитя, отражается в нем своею духовною стороною только через посредство той же среды—отечественного языка...

Изучение каждого предмета передается ребенку, усваивается им и выражается всегда в форме слова. Дитя, которое не привыкло вникать в смысл слова, темно понимает или вовсе не понимает его настоящего значения и не получило навыка распоряжаться им свободно в изустной и письменной речи, всегда будет страдать от этого коренного недостатка при изучении всякого другого предмета...

Преподавание отечественного языка в первоначальном обучении составляет предмет главный, центральный, входящий во все другие предметы и собирающий в себе их результаты.

К. Д. Ушинский. Руководство к „Родному слову“

Сказки—это первые и блестящие попытки русской народной педагогики, и я не думаю, чтобы кто-нибудь был в состоянии состязаться в этом случае с педагогическим гением народа...

К. Д. Ушинский. Руководство к „Родному слову“.

З а й ч и к и .

Зайка по снничкамъ.	Некуда сърому
Гудай, таки гудай!	Выпрыгнуй!
Съренкй по повенкымъ.	Зайка поскачешъ,
Гудай, погудай!	Высочишь;
Некуда зайнык!	Съренкй поплазешъ.
Высочиши!	Выпуеять!

№ 4. Платье, обувь и бѣлье.

Платье: шапка, кафтанъ, пальто, сюртукъ, фракъ, шинель, шуба, салопъ, чепчикъ, шляпка, сарафанъ.

Обувь: сапоги, башмаки, лапти, калоши, валенки.

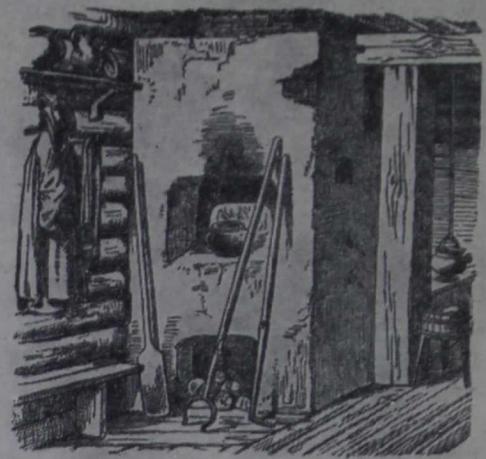
Бѣлье: рубаха, простыня, наволочка, полотенце, чулки, скатерть, салфетка.

Сюртукъ. Простыня. Башмаки. Тетрадъ. Шуба. Шапка. Салопъ. Лапти. Наволочка. Рубаха. Пирогъ. Чулки. Карандашъ. Горшокъ. Кафтанъ.

Везъ дамочника не было бы бархатника — За сохой въ сапогахъ, по селу въ лаптяхъ, въ церкви босой.

Котелъ. Столъ. Ыма. Горшокъ. Кресло. Чашка. Комодъ. Диванъ. Тарелка. Волчокъ. Стаканъ. Перо. Кольбель.

Горшокъ котлу не товарищъ.— Кресло старому, колыбель малому.

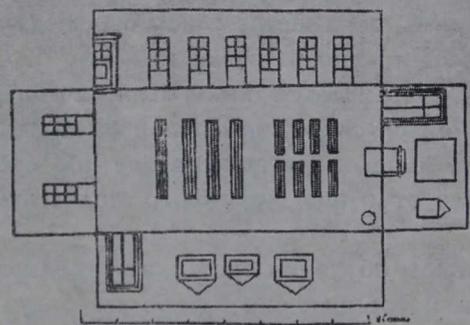
***Золотое яичко.**

Жили себя дѣдъ да баба	Яичко не простое,
И была у нихъ курочка раба	Золотое.
Снесла курочка яичко:	Дѣдъ билъ, билъ—

* О значеніи подобныхъ картинъ справьтесь въ книгѣ для учителя.

решъ; полъ выкрашенъ желтою краскою; стѣны обиты синими обоями. Въ стѣнахъ продѣланы двери и окна: въ окна проходить свѣтъ, а въ двери входятъ люди. Въ одножъ углу комнаты виситъ образъ, въ другомъ — стоитъ круглая печь, въ третьемъ — шкафъ для учебныхъ вещей, а въ четвертомъ — классная доска. Посреди комнаты скамейки для учениковъ. Передъ скамейками — столъ и стулъ для учителя.

Планъ класса.

Таковъ ли вашъ классъ? Сравните. Начертите планъ своего класса.

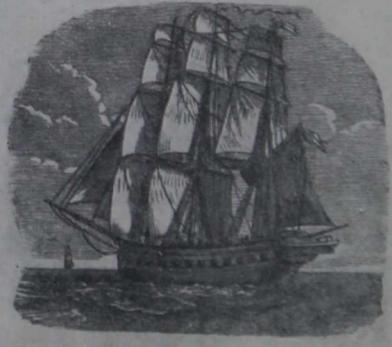
Красна птица перьями, человекъ ученьемъ.— Неучась, и лапти не сплетешь.— Одной пчелы Богъ сроду открылъ науку.— Наука не пиво: въ ротъ не вольешь.

Какъ человекъ ѣздитъ по водѣ.

Плавать человекъ не очень гораздъ: какъ ни учатся, а плаваетъ всё хуже рака, не то, что рыбы. „Это дѣло не ладно!“ подумалъ человекъ: выдолбилъ изъ дерева лодку, вырѣзавъ весельце — и поѣхалъ.

Надоѣло человекъ весломъ махать: машешь — машешь, приставнешь, — а всё не далѣко уѣхать. Какъ тутъ быть? И подумалъ человекъ: зачѣмъ это вѣтеръ даромъ по свѣту гуляетъ, по дорогѣ пыль поднимаетъ, по морю волны, по небу облака гоняетъ? Дай-ка я заставлю его себя возить! Взялъ человекъ полотно, напялилъ на мачту, сдѣлалъ парусъ — и потащилъ вѣтеръ маленькую лодку и огромный корабль.

Запрѣгъ-то человекъ вѣтра, запрѣгъ: да нѣту кну-

Тебя не роняли говоры и апараты;
Мага ты жопу и пилу богата!

06033.

Шель никогда обозь;
А въ томъ обозѣ былъ таковъ престрашный возъ,
Что передъ прочими казался онъ возами,
Какими кажутся слоны предъ комарами:
Не возикъ и не возъ, возице то ваять.
Но чѣмъ сей баринъ-возъ набить?
— Да пуырами.

Изыкъ до Киева доводитъ. — Дорогой пати, а прямо
десять. — Подъ гору вьскачи, а въ гору зотъ плачи. —
Вдешь на день, а хлѣба бери на недѣлю. — Кути, денегъ
не жаль, со мной падитъ веселый.

Какъ ваять безъ лошадей.

Тако показалося человеку ѣздить на долгихъ и на
почтовыхъ, по простой дорогѣ и по шоссе: сядь онъ
думушку думать и выдувалъ желѣзную дорогу. Про-

лается мягкими. Кузнецъ беретъ желѣзо изъ горна больш-
шими щипцами, кладѣтъ его на желѣзную наковальню
и пачиваетъ ковать тѣжѣлымъ молотомъ, что кому нужно:
подкову, гвоздь, топоръ, желѣзную ось... На кузнецѣ
кожаный передникъ, потому что отъ раскаленнаго же-
лѣза сыпаются искры.

Кузницу устраиваютъ возлѣ города и покрываютъ
дѣрвомъ, чтобы она не загорѣлась отъ искръ.

Какъ курятъ желѣзо и что изъ него дѣлаютъ?

Не огонь желѣзо палитъ, а мѣлъ. — У кузнеца —
что стужа, то гризна.

Какъ человекъ ѣздитъ по землѣ.

Ходитъ человекъ, хотъ и не то, чтобы очень тихо,
а все же не далѣко бы онъ ушелъ на своихъ на двоихъ.

Утка въ юбкѣ, курочка въ саложкавъ, селезень въ се-
режкавъ, корова въ рогожѣ, да всего дороже. — Есть шуба
и на волю, да приаима. — Шапочка въ дѣтѣ денежки, и
та на бекренъ.

Какъ рубашка въ полѣ выросла.

I.

Видѣла Таниа, какъ отецъ ея горстями разбрасы-
валъ по полю маленькія блестящія зѣрна, и спраши-
ваетъ: „Что ты, тата, дѣлаешь?“ — А вотъ сѣю ленокъ,
дочка: вырастетъ рубашка тебѣ и Васютѣ. — Задума-
лась Таниа: никогда она не видала, чтобы рубашки въ
полѣ росли.

Недѣли черезъ двѣ покрылась полоска зелѣною шел-
ковистою травкою, и подумала Таниа: хорошо, если бы
у меня была такая рубашечка! — Раза два мать и сѣ-
стры Таниа приходили полюску полоть и всакий разъ го-
ворили дѣвочкѣ: „славная у тебя рубашечка будетъ!“
Прошло еще нѣсколько недѣль: травка на полюскѣ под-
нялась, и на ней показались голубые цвѣтоци. „У братца
Васи такіе глазки, подумала Таниа; но рубашечекъ та-
кихъ я ни на комъ не видала.“

Когда цвѣточки опали, то на мѣсто ихъ показались
зелѣныя головки. Когда головки забурѣли и подоохли,
мать и сѣстры Таниа повыдергали весь лѣтъ съ кор-
немъ, навязали снопиковъ и поставили ихъ на полѣ про-
сохнуть.

Вѣлья серѣжки ландыша качаются между длинными,
гладкими листьями. Гдѣ-то рубить крѣпконосый дятель;
кричитъ жалобно желтая иволга; отсчитываетъ года без-
домная кукушка. Сѣрый зайчикъ шмыгнулъ въ кусты,
высоко между вѣтвями мелькнула пушистымъ хвостомъ
пѣвчая бѣлка. Далѣко въ чащѣ что-то трещитъ и ло-
мится: ужъ не гнѣтъ-ли дугъ косолопый Мишка?

Какія растения, какихъ зверей и птицъ вы сами
видѣли въ лѣсу?

Споръ деревьевъ.

Заспорили деревья про-между себя: кто изъ нихъ
лучше? Вотъ дубъ говоритъ: „Я вѣсьмъ деревьямъ царь!

„Родное слово“. Страницы первого издания.

*Группа учителей бесплатной школы в Петербурге,
работавших по „Родному слову“.*

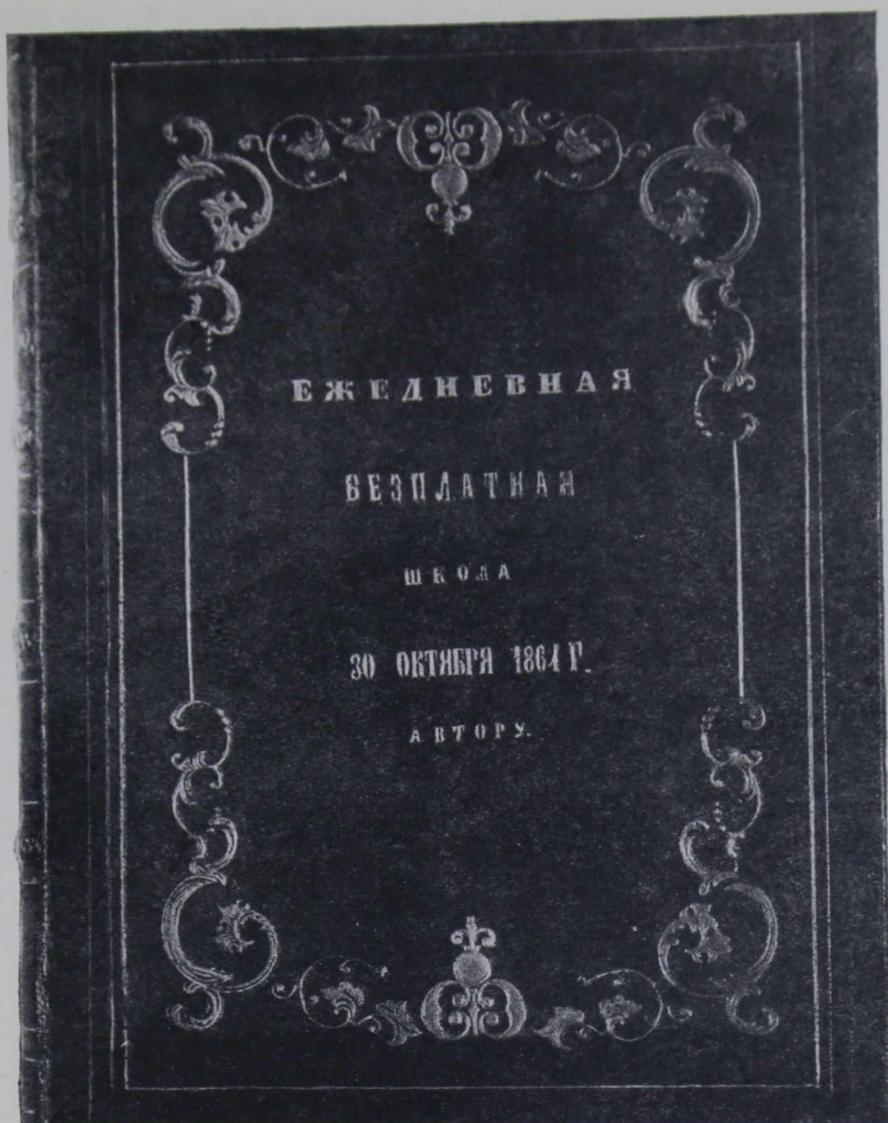
Фотография. 1864 г.

Важное нравственное значение воскресных школ состоит в сближении образованных людей с людьми рабочего класса.

К. Д. Ушинский. Воскресные школы.

Наставническая и воспитательная деятельность, может быть, более, чем какая-либо другая, нуждается в постоянном одушевлении.

К. Д. Ушинский. О пользе педагогической литературы.

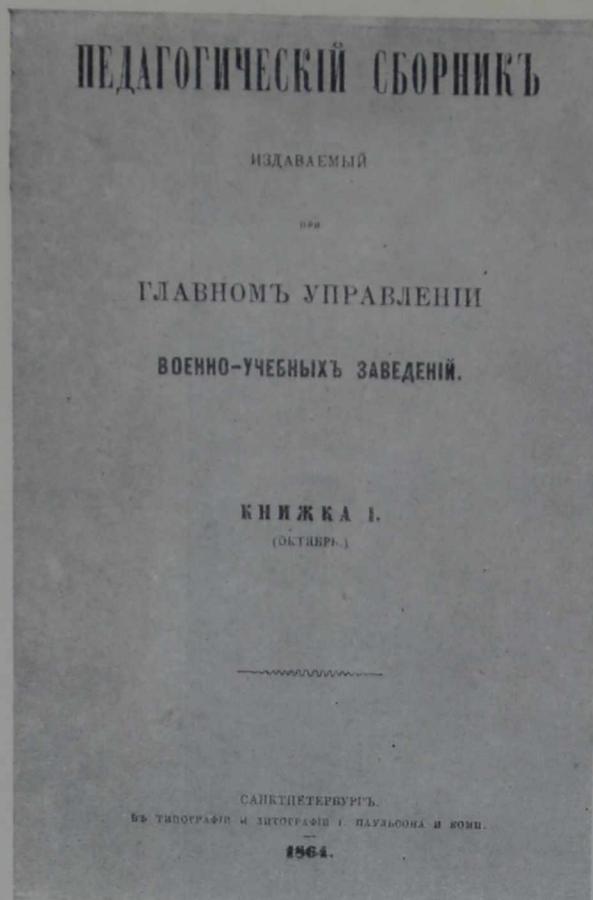
Экземпляр „Родного слова“, подаренный К. Д. Ушинскому учителями ежедневной бесплатной школы в Петербурге 30 октября 1864 г.

Обложка.

Ушинский в педагогике своим „Родным словом“ сделал то же, что когда-то Пушкин сделал в поэзии своим „Русланом“.

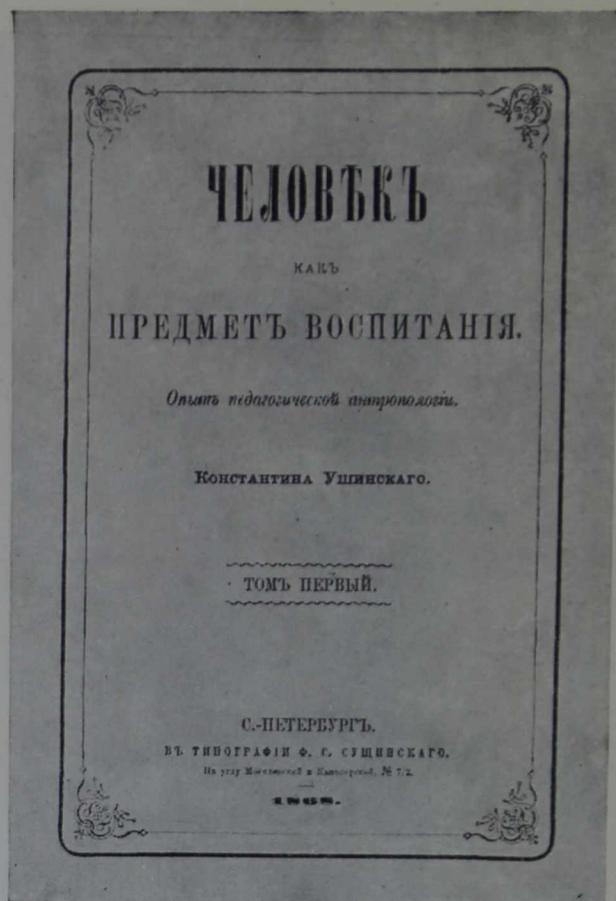
После немецкой мертвечины, затхлого поучения в виде сентенций, нравственных рассказов, образцов добродетели, вдруг послышалась в школе живая речь, раздавался резвый, веселый, детский смех.

Систематический обзор народно-учебной литературы. Сборник. 1878 г.

Журнал „Педагогический сборник“.
1864 г., кн. I (октябрь).

Титульный лист.

„Человек как предмет воспитания“.
К. Д. Ушинскаго.

Титульный лист.

Первые очерки своего знаменитого труда „Педагогическая антропология“ К. Д. Ушинский опубликовал в виде статей, печатавшихся на протяжении 1864 — 1869 гг. в журнале „Педагогический сборник“.

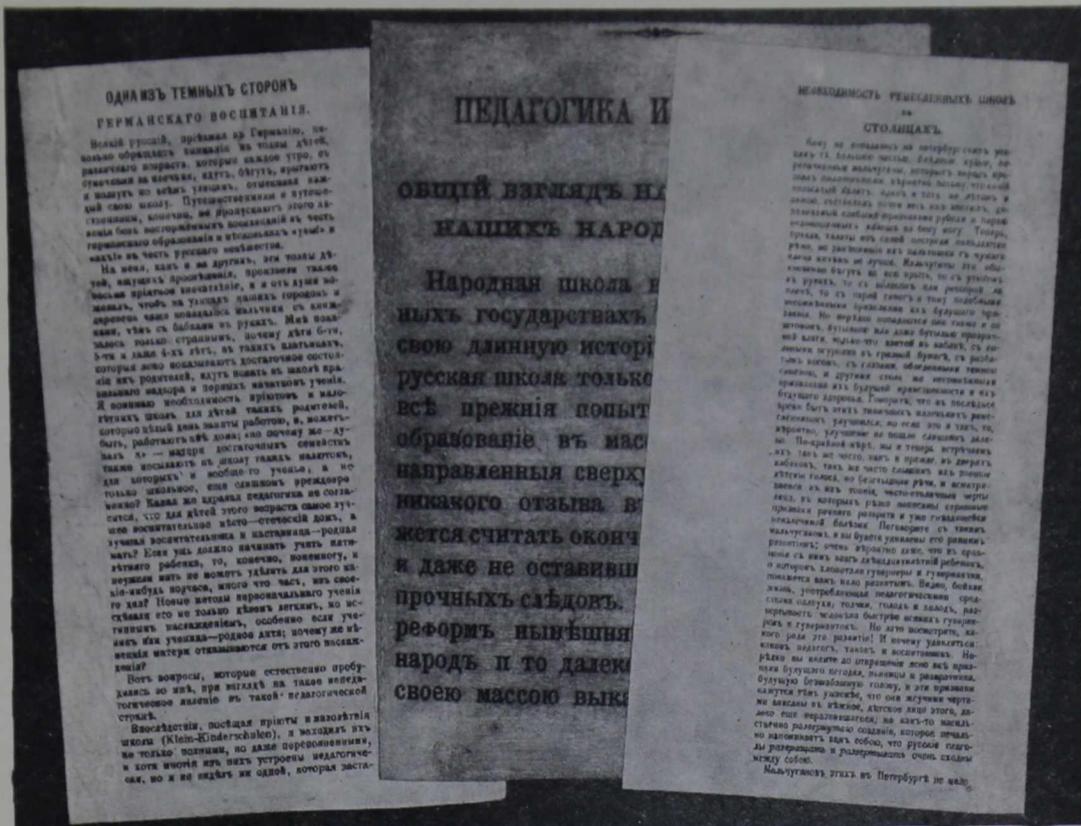
Перерабатывая и дополняя эти статьи, он издал их отдельными томами под заглавием: „Человек как предмет воспитания“ (опыт педагогической антропологии); первый том вышел в 1867 г., второй в 1869 г.

В основу I тома были положены две серии статей из „Педагогического сборника“: первая „Главнейшие черты человеческого организма в применении к воспитанию“ и вторая — „Рассудочный процесс“.

В. Я. Струминский. Перечень статей К. Д. Ушинскаго в „Педагогическом сборнике“.

Много ли насчитываем мы великих мыслителей и ученых, посвятивших свой гений делу воспитания? Кажется, люди думали обо всем, кроме воспитания, искали средств величия и счастья везде, кроме той области, где скорее всего их можно найти. Но теперь видно, что наука созревает до такой степени, когда взор человека невольно будет обращен на воспитательное искусство.

К. Д. Ушинский. Человек как предмет воспитания. Предисловие.

Статьи К. Д. Ушинского: „Одна из темных сторон германского воспитания“, „Необходимость ремесленных школ в столицах“, „Общий взгляд на возникновение наших народных школ“.

Страницы из журналов и газет 1865—1870 гг.

Не забудем, что если мы многому хотим учить простой народ, то есть многое, чему мы сами от него научились. Не забудем, что этот народ создал тот глубокий язык, глубины которого мы до сих пор еще не могли измерить; что этот простой народ создал ту поэзию, которая спасла нас от забавного детского лепета, на котором мы подражали иностранцам; что именно из народных источников мы обновили всю нашу литературу и сделали ее достойной этого имени; что этот простой народ, наконец, создал и эту великую державу, под сенью которой мы живем. Кто хорошо знаком с историей России, тот ни на минуту не задумается вручить народное образование самому же народу.

К. Д. Ушинский. Общий взгляд на возникновение наших народных школ.

Немец наглухо запер для женщины и свои университеты, и свои ученые собрания, почти также запер и свои книги, написанные по большей части языком, который трудно понимается без долгого школьного приготовления.

К. Д. Ушинский. Одна из темных сторон германского воспитания.

На побывку к сыну.

Картина К. Лебедева.

Кому не попадались на петербургских улицах те большею частью бледные, худые, перепачканные мальчуганы, которых народ прозвал халатниками, вероятно потому, что синий полосатый халат, один и тот же летом и зимой, составлял почти весь их костюм, дополняемый слабыми признаками рубахи и парюю поношенных калош на босу ногу... Мальчуганы эти обыкновенно бегут во всю прыть то с утюгом в руках, то с колесом или рессорой на плече, то с парой сапог и тому подобными несомненными признаками их будущего призвания.

К. Д. Ушинский. Необходимость ремесленных школ в столицах.

Свидание.

Картина В. Маковского.

Нельзя ли устроить это дело как-нибудь так, чтобы дети, выучиваясь ремеслам, не рас-
плачивались за выучку своей нравственностью и своим здоровьем? Нельзя ли устроить дело
как-нибудь так, чтобы дитя училось ремеслам, не переставая быть дитятею, и чтобы обы-
денная жизнь не налегала на ребенка всею своей, правда, воспитывающей, но и развращаю-
щей тяжестью? Нельзя ли устроить, чтобы дитя, учась ремеслу, оставалось в обществе детей
и находилось под руководством таких взрослых людей, которые видели бы в нем дитя и
будущего гражданина и работника, а не животную силу, которую уже можно использовать?

К. Д. У ш и н с к и й. Необходимость ремесленных школ в столицах.

*Петербург, Владимирская площадь и Б. Московская улица, где жил
К. Д. Ушинский.*

Литография.

Худ ли, хорош Петербург—я с ним сжился сердцем, в нем протекла самая существенная часть моей жизни. Много перечувствовано и горя и радости, и много проработано; там я таскался без куска хлеба и там же составил состояние; там напрасно искал места уездного учителя и беседовал с царями; там был неведом ни одной душе и там приобрел себе имя—**чось, честное.**

К. Д. Ушинский—Я. П. Пугачевскому. 1 октября 1870 г.

А. Н. Острогорский.

Фотография.

В. Я. Стоюнин.

Фотография.

Члены Петербургского педагогического общества.

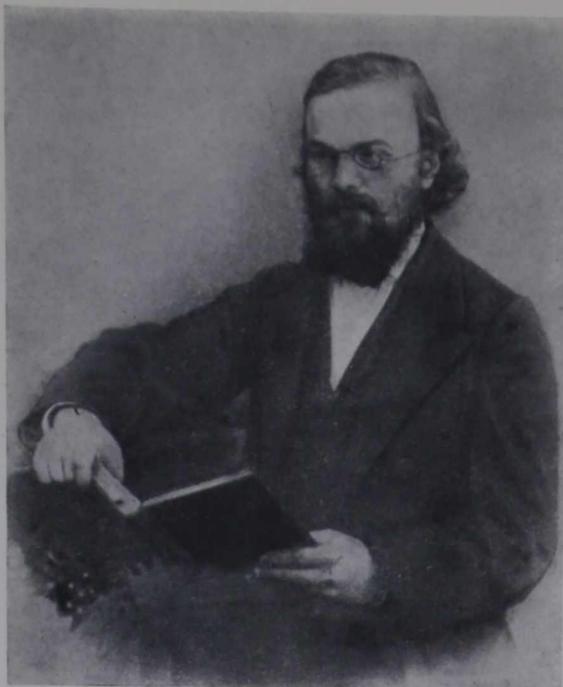
В один из приездов из-за границы Ушинский узнал, что его „Детский мир“ не допущен Ученым комитетом Министерства народного просвещения в школах, так как обилие статей в книге по естествознанию может развить в детях материализм, нигилизм и т. д. . .

Ушинский возвратился в Россию со всей семьей в 1867 г. Он стал сближаться с русскими педагогами, деятельно посещал заседания Петербургского педагогического общества и прочитал там несколько рефератов.

А. Ф. Фролков. К. Д. Ушинский.

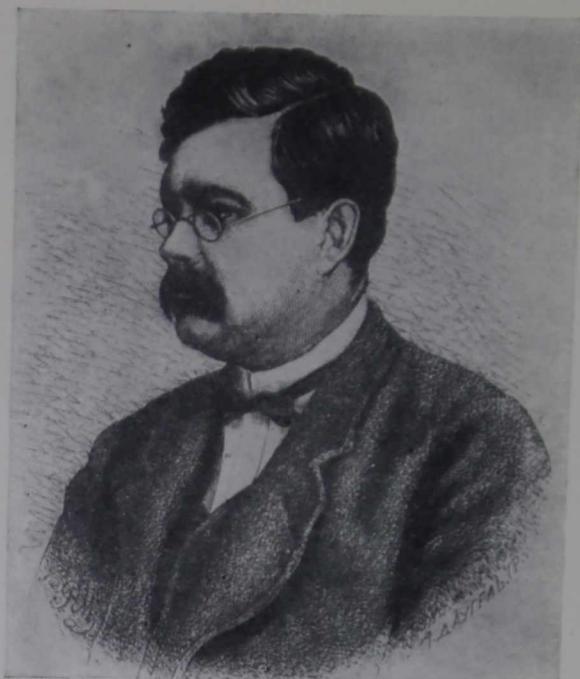
Ушинский был одним из учредителей и деятельным участником „Педагогического общества“, организатором педагогической общественности и профессионального движения русских учителей. В этом Обществе объединялись такие выдающиеся педагоги того времени, как И. Х. Вессель, А. Я. Герд, А. Н. Острогорский, И. И. Паульсон, П. Г. Редкин и другие.

Е. Н. Медынский. Великий русский педагог Ушинский.

К. К. Сент-Иллер.

Фотография.

В. А. Евтушевский.

Гравюра.

Члены Петербургского педагогического общества.

Н. А. Корф, известный педагог, содействовавший открытию земских начальных школ общеобразовательного типа.

Фотография.

Я давно и с истинным наслаждением слежу за Вашей деятельностью и, не будучи в силах сам, по совершенному расстройству моего здоровья, принять участие в практике этого дела, находил много успокоения в том, что оно еще имеет такого деятеля, как Вы... Вы, должно быть, еще молодой человек, дай же бог Вам долго и успешно бороться на том поприще, с которого я уже готовлюсь сойти, измятый и искомканный.

Дай бог Вам принести гораздо более пользы, не только более того, чем я принес, но даже более того, что я мог принести под другим небом, при других людях и при другой обстановке.

К. Д. Ушинский — Н. А. Корфу.
15 января 1869 г.

К. Д. Ушинский с семьей.

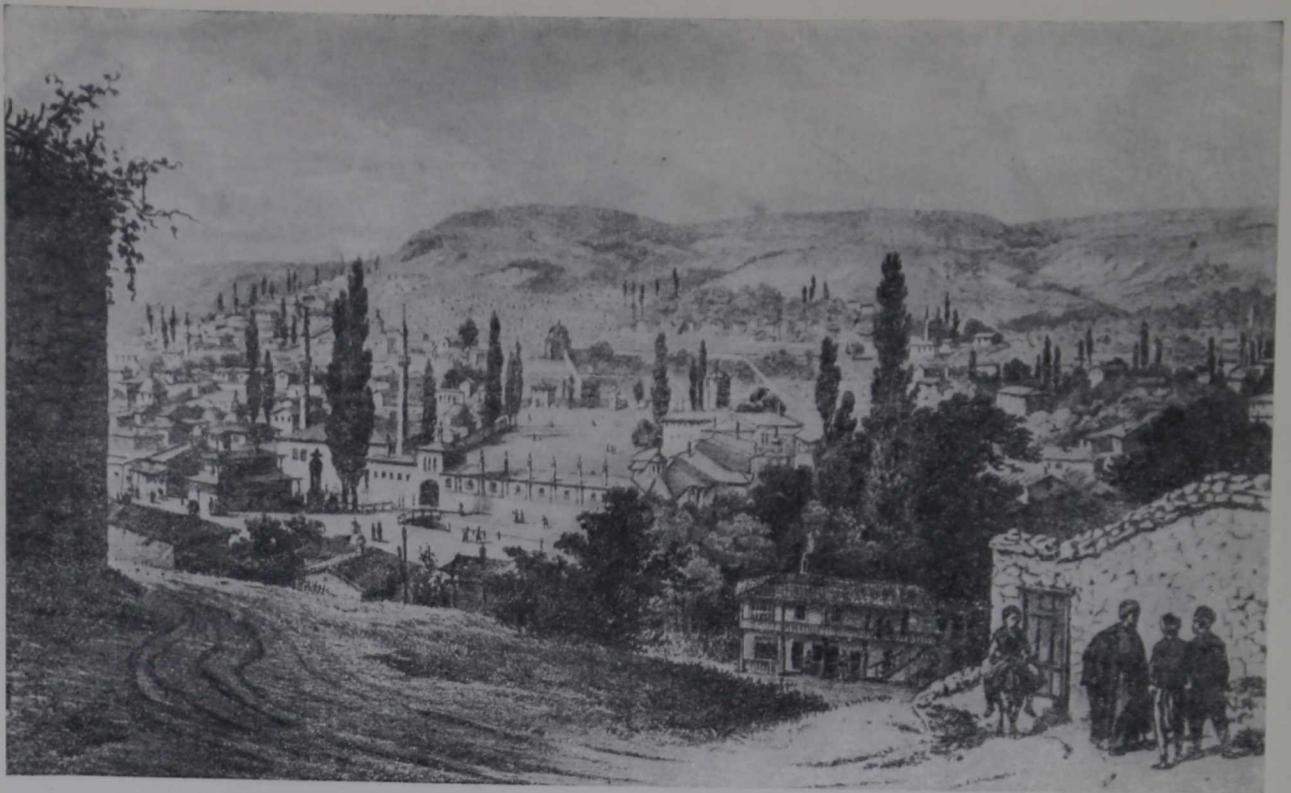
Фотография. 1860-е годы.

Лучшая детская книга Ушинского „Родное слово“ выработывалась в кругу его семьи; она отражает знакомые его детям природу и обычаи Новгород-Северского уезда. В увлекательных детских воспоминаниях „Родного слова“, перешедших и в другие наши хрестоматии, даются картины из жизни семьи самого К. Д. Ушинского.

В. И. Чернышев. Разыскания о К. Д. Ушинском.

Его начальные книжки прежде всего практиковались на его же собственных детях. Так, третий год „Родного слова“ от первого урока до последнего, мне лично посчастливилось под руководством Константина Дмитриевича проштудировать с двумя его младшими сыновьями, когда эта книжка была составлена еще начерно.

А. Ф. Фролков. К. Д. Ушинский.

Крым, вид Бахчисарая.

Литография с рисунка Ф. Гросса.

Весною 1870 г. ...Ушинский проехал в Крым и поселился неподалеку от Бахчисарая, где было только что открыто кумысолечебное заведение... Ушинский подумал ознакомиться поближе с Крымом и с этой целью предпринял поездку в Симферополь... В Симферополь Ушинский попал как раз во время съезда народных учителей, которым руководил учитель приготовительного класса Симферопольской гимназии г. Деркачев... Константин Дмитриевич два раза побывал на занятиях учительского съезда и принимал деятельное участие в прениях учителей...

А. Ф. Фролков. К. Д. Ушинский.

Совсем было болезнь меня изнурила, но вы, господа, возбудили меня, — говорил он (Ушинский) учителям.

Целый класс учениц, поступивших в гимназию, был проэкзаменован Ушинским. Это был прекрасный урок для всех преподавательниц. Лучшая из них М. Ждановская говорила мне потом, что теперь только она поняла всю силу разумного преподавания.

За несколько часов до выезда Ушинского из Симферополя в залу гостиницы собрались народные учителя и учительницы, бывшие на 2-м съезде. Одним из народных учителей было сказано несколько напутственных слов. Вместо всякого ответа Ушинский взял у одного из учителей „Родное слово“ и написал на нем: „В знак искреннего сочувствия к вашим трудам“.

Проводы Ушинского, начавшиеся в гостинице, окончились верст за 10 от Симферополя.

И. Деркачев. Добрая встреча с Ушинским.

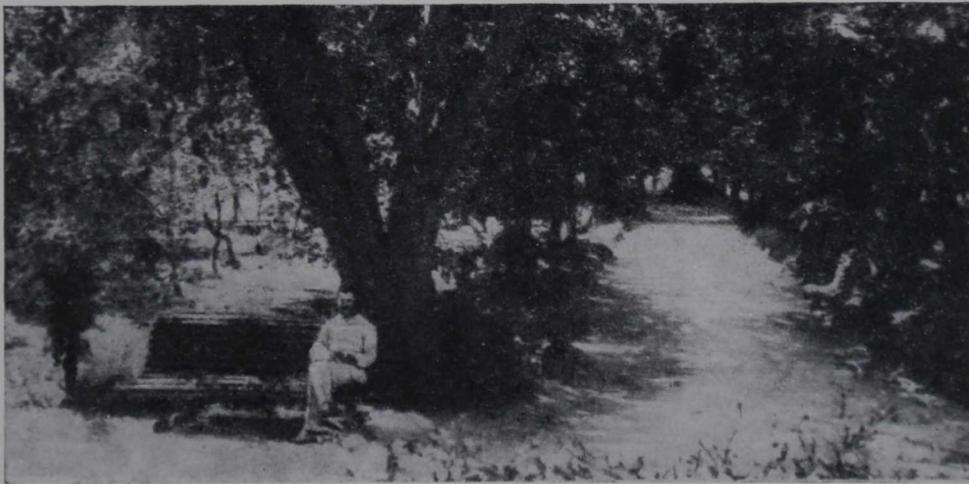

Н. С. Ушинская, жена К. Д. Ушинского.

Фотография.

В конце июля 1870 г... стремился Ушинский к родной семье, которая ждала его в имении Богданка. Он мечтал увидеть здесь старшего сына Павла, окончившего прекрасно вторую военную гимназию в Петербурге и назначенного к определению в одно из высших военных училищ.

А. Ф. Фролков. К. Д. Ушинский.

Богданка, липовая аллея.

Фотография.

Сын К. Д. Ушинского Павел.
Фотография.

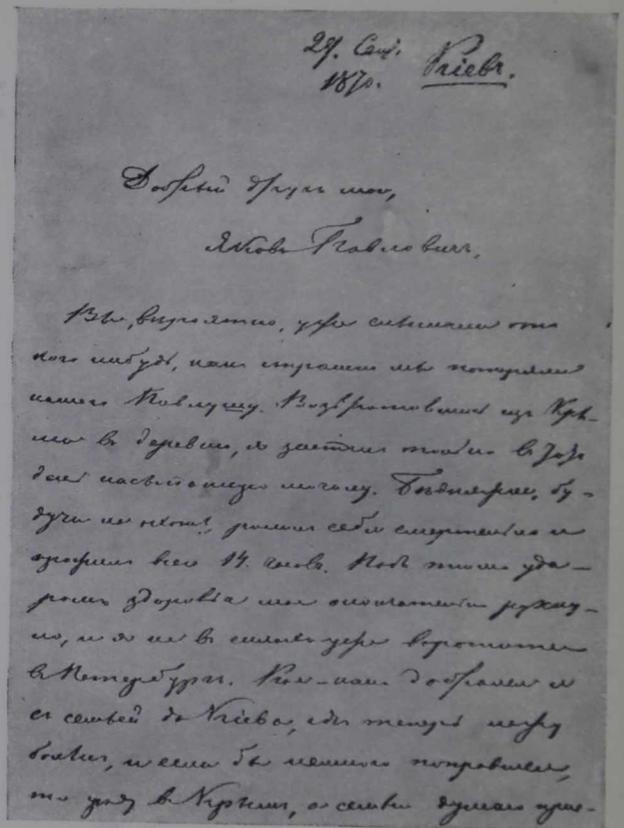
Возвратившись из Крыма в деревню, я застал только в тот день насыпанную могилу. Бедняжка, будучи на охоте, ранил себя смертельно и прожил всего 14 часов. Под этим ударом здоровье мое окончательно рухнуло, и я не в силах уже воротиться в Петербург. Кое-как добрался я с семьей до Киева, где теперь лежу болен, и если бы немного поправился, то уеду в Крым, а семью, думаю пристроить в Киеве окончательно, купив для этого дом.

К. Д. Ушинский — Я. П. Пугачевскому.
29 сентября 1870 г.

Милостивый государь Николай Александрович, Вы, вероятно, недоумеваете, почему я так долго не отвечал на последнее письмо Ваше. Но если бы Вы знали, что со мной случилось, то легко поняли бы это. Возвратившись из Крыма в деревню к себе, в самый день моего приезда я едва не застал похороны моего старшего сына, юноши 18-ти лет, который за три дня до того, будучи на охоте, ранил себя смертельно.

Вскоре после того я получил письмо Ваше и недели через две написал на него ответ, но ответ тогда был таков, что я хорошо сделал, что не послал его Вам...

К. Д. Ушинский — Н. А. Корфу.
27 сентября 1870 г.

Письмо К. Д. Ушинского Я. П. Пугачевскому о смерти сына.

Автограф.

Киев.

Литография В. Тимма. 1860 г.

Ушинскому хотелось „где-либо свить гнездо семье своей“. Осенью этого [1870] года он перевез всю семью в Киев и двух старших дочерей поместил в Киевский институт. О жизни в этом городе Константин Дмитриевич писал в письме одному своему другу: „Хорошо ли мне в Киеве? Увы, не хорошо. Душит глушью и ничего близкого сердцу; но думаю, что для семьи моей будет лучше, чем где-нибудь“.

А. Ф. Фролков. К. Д. Ушинский.

Мы наконец совсем покинули Петербург и переселились в Киев, где покуда устроились кое-как не очень плохо; но ищем купить дом, где уже и пристанет семья моя. Что же касается собственно до меня, то я в будущем же месяце уеду на зимовку в Крым, погреться в Севастополь.

Само собою понятно, что все работы мои остановились, и если бы мне удалось в эту зиму хоть как-нибудь надиктовать третий том моей „Антропологии“, который в материалах уже готов.

К. Д. Ушинский — Н. А. Корфу. 27 сентября 1870 г.

Одесса.

Литография. 1860-е годы.

В декабре 1870 г. Ушинский отправился в Одессу с двумя меньшими сыновьями. Простудившись дорогой, он получил в Одессе воспаление легких и немедленно выписал из Киева остальную свою семью...

21 декабря 1870 года Константин Дмитриевич скончался на 47-м году жизни.

А. Ф. Фролков. К. Д. Ушинский.

Горе наше велико. На долю нашу выпал жребий не приветствовать, но провожать в невозвратный путь всеми нами любимого ученого. Вспомним же, на прощании с гробом сим, и сохраним в сердцах наших все то, что говорил и завещал нам почивший в этом гробе. Он говорил: неправильное воспитание тяжело отзывается во всей жизни человека, есть главная причина зла в народе и ответственность за это падает прямо на воспитателей. Он говорил, что для разумного воспитания недостаточно одного терпения и любви к детям, но необходимо при этом изучить и знать их природу. Воспитание детей он считал великим, святым делом и требовал, чтобы к нему относились серьезно... Прости же, отец разумной русской школы, друг детей и славный педагог! Вечная память тебе, делавшему дело для дела и трудившемуся для труда! Имя твое будет жить в сердцах наших и в сердцах детей, для блага которых ты не щадил своей жизни.

Речь народного учителя Росикова, произнесенная на станции Куликово поле в Одессе при провах тела К. Д. Ушинского.

Тело Ушинского перевезено в Киев и похоронено в Выдубицком монастыре под огромным каштановым деревом, на берегу р. Днепра. На хартии, украшающей прекрасный надгробный его памятник, написано: „Константин Дмитриевич Ушинский — автор „Детского мира“, „Родного слова“ и „Педагогической антропологии“. Умер 21 декабря 1870 года, на 47 году жизни“.

А. Ф. Фролков. К. Д. Ушинский.

Могила К. Д. Ушинского.

Фотография.

К. Д. Ушинский.

Скульптура неизвестного мастера.

Ушинский — это наш действительно народный педагог, точно так же, как Ломоносов — наш народный ученый, Суворов — наш народный полководец, Пушкин — наш народный поэт, Глинка — наш народный композитор.

Л. Н. Модзалевский. Речь на чествовании памяти
К. Д. Ушинского 22 декабря 1895 г.

V

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ

К. Д. УШИНСКОГО

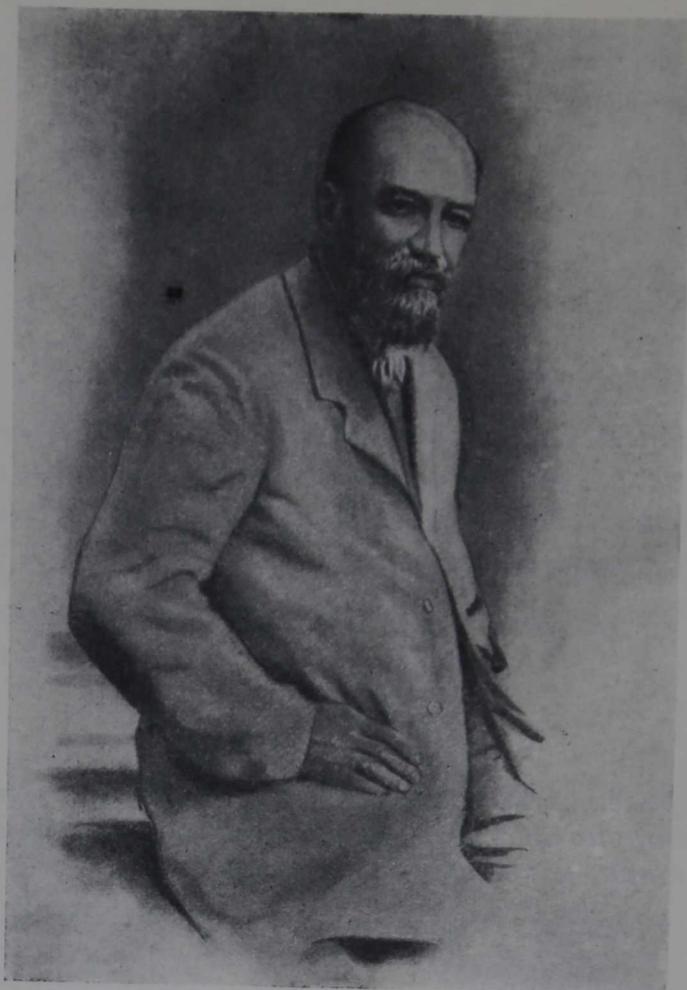
Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под игом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества.

В. И. Ленин. Соч., изд. 3-е, т. XXX, стр. 40.

Пролетарская по своему содержанию, национальная по форме,— такова та общечеловеческая культура, к которой идет социализм.

И. В. Сталин. Соч., т. VII, стр. 138.

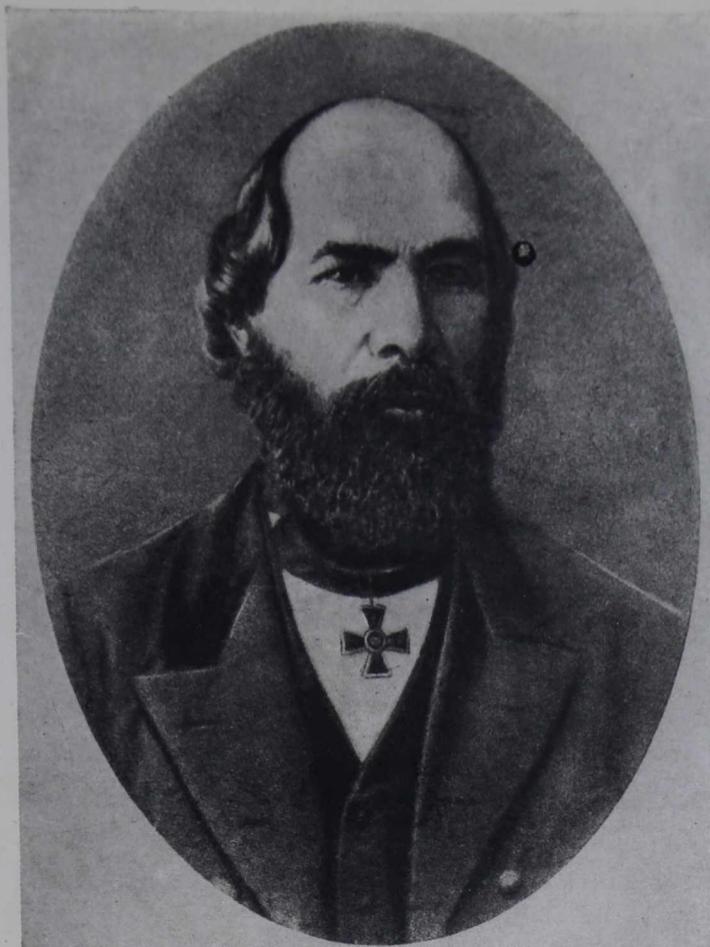
*Н. Ф. Бунаков, народный учитель, широко
использовавший в своей работе учение
Ушинского.*

Фотография.

Главную двигающую силу в деятельности самых крупных педагогов, которых можно назвать „учителями учителей“, были не столько их, без сомнения, сильные умы, сколько одушевлявшая их до конца жизни горячая вера в свое дело, соединенная с чрезвычайной энергией труда. Конечно, мы скромные чернорабочие народной школы, не одаренные выдающимися умами и талантами, не отмеченные перстом Божиим для крупных и важных дел, не смеем равняться с первоклассными деятелями, героями учебно-воспитательного дела. Но ведь одна и та же сила солнечной теплоты нужна и могучему дубу, чтобы широко раскинуть зеленые ветви, и скромной полевой былинке, чтобы развернуть еле заметный листок.

Разница в размерах, а двигающая сила нужна одна и та же и людям большим для дел больших, и людям маленьким для маленьких. Дорогие товарищи, народные учителя и учительницы Российской Империи! Чтобы хорошо, честно и с пользой исполнять наше скромное дело, постараемся же следовать светлым заветам героев воспитывающего обучения.

Н. Ф. Бунаков. Речь о К. Д. Ушинском на съезде учителей. Н.-Новгород. 10 августа 1896 г.

И. Н. Ульянов, отец В. И. Ленина, замечательный общественный деятель по народному образованию и передовой педагог.

Фотография.

Илья Николаевич был крупным общественным деятелем, беззаветно борющимся с народной темнотой, с последствиями рабства.

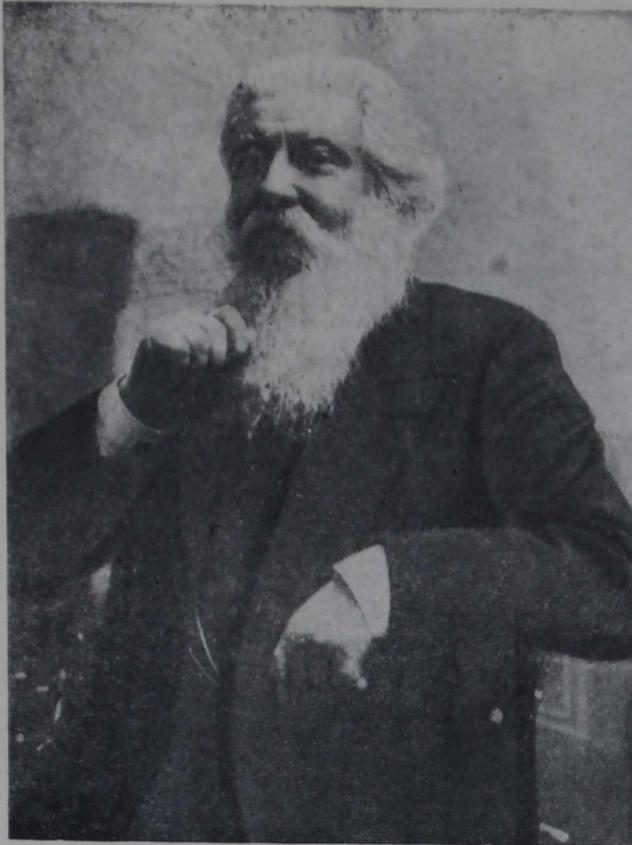
Н. К. Крупская. Детство и ранняя юность Ильича.

Воспринимая социально-педагогические идеи революционных демократов, И. Н. Ульянов в то же время тщательно изучал педагогические произведения Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинского, Л. Н. Толстого и других своих современников...

Работая в Симбирской губернии в качестве инспектора и директора народных училищ, И. Н. Ульянов распространял теорию Ушинского среди народных учителей, снабжал его сочинениями и учебниками школы губернии...

Многие черты роднили Ульянова с великим „учителем учителей“: беспредельная любовь к родине и народу, вера в прогресс, в силу просвещения, вера в свое призвание, личная организованность и трудолюбие, преданность делу и энтузиазм, принципиальная твердость и последовательность, глубокая образованность, искренняя деликатность и простота в отношении к людям.

А. И. Кондаков. Директор народных училищ И. Н. Ульянов.

Д. И. Тихомиров, педагог-методист.
Фотография.

„Вешние всходы“ Д. И. Тихомирова.
Титульный лист.

Только в недавнее, сравнительно, время начальное обучение привлекло к себе у нас общественное внимание, заняло надлежащее место в общей системе образования и стало предметом обсуждения со стороны своих конечных целей, программ, задач и средств к их достижению. Родной язык вообще и чтение в частности, как главные орудия просветительного влияния школы, привлекают к себе наибольшее внимание.

Д. И. Тихомиров. Вешние всходы. Руководство для учителей.

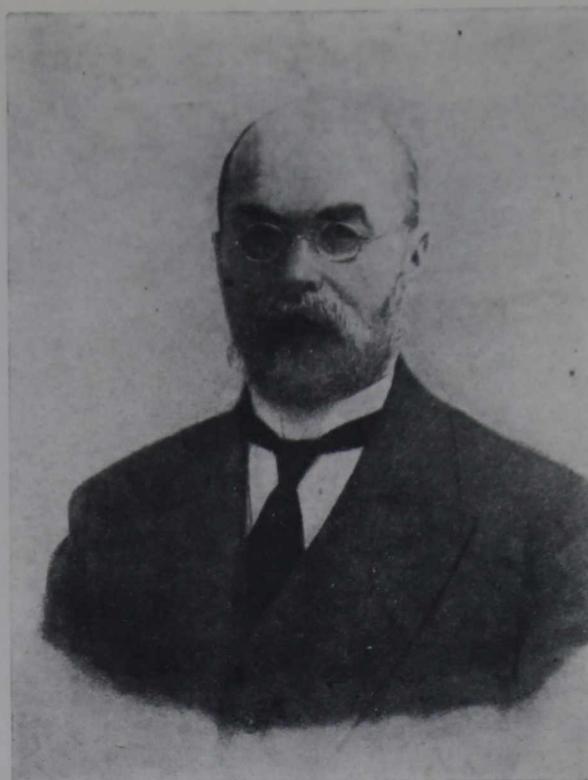
Важны знания и сведения, сообщаемые детям, но не менее важно развитие способности и охоты к дальнейшему приобретению знаний и впечатлений, важно приобретение привычки отдавать себе отчет в своих мыслях, чувствах и действиях, в своих вообще отношениях к окружающему, — а это может и должно дать классное чтение.

Д. И. Тихомиров. Вешние всходы. Руководство для учителей.

„Мир в рассказах для детей“
В. П. Вахтерова.

Титульный лист.

В. П. Вахтеров, педагог-методист.

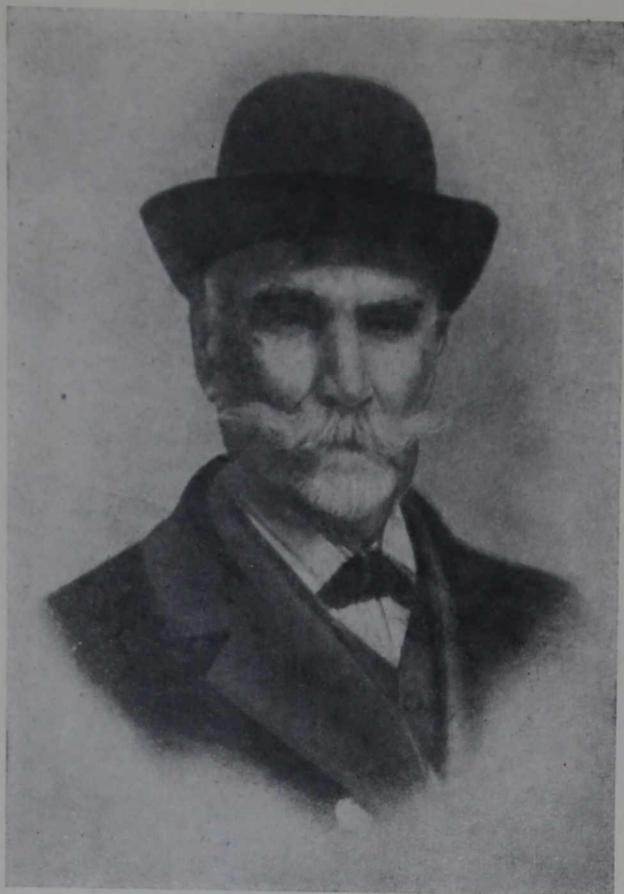
Фотография.

Для педагога должно быть важным не только то, чтобы работа имела ясную цель, определенный смысл и значение в глазах учителя, но еще важнее, чтобы работа была целесообразной и в глазах самого ученика, осмысленной и нужной с его личной точки зрения; важно, чтобы цель данных упражнений ясно представлял себе не только учитель, но и сам ученик.

В. П. Вахтеров. Методическое руководство к обучению письму и чтению по „Русскому букварю“ автора.

Если задача школы состоит не в том, чтобы приготовить из ученика автомат, бессмысленно проделывающий все упражнения, неизвестно зачем и почему навязываемые учителем, а в том, чтобы приготовить разумное существо, отдающее себе отчет в своих занятиях, ясно представляющее себе цель каждой своей работы, то учитель больше всего должен избегать таких упражнений, цель и смысл которых не ясны для учеников.

В. П. Вахтеров. Методическое руководство к обучению письму и чтению по „Русскому букварю“ автора.

Н. Тер-Гевондян, армянский педагог.

Фотография.

И. Алтынсарин, казахский педагог.

Рисунок карандашом.

Идеи Ушинского были известны крупному татарскому педагогу Каюму Насыри, они определили педагогическую деятельность казахского педагога Ибрагима Алтын-Сарина, они оказались ведущими для выдающегося педагога Якова Гогешвили, они легли в основу учебников азербайджанского педагога Рапица-бек-Эфендиева, они творчески использованы были армянскими педагогами Газаросом Агаяном и Никогайосом Тер-Гевондяном, и более того, эти идеи вышли за пределы нашей родины, они сказали миру новое слово.

Н. А. Константинов. Народность, как основа педагогической системы К. Д. Ушинского.

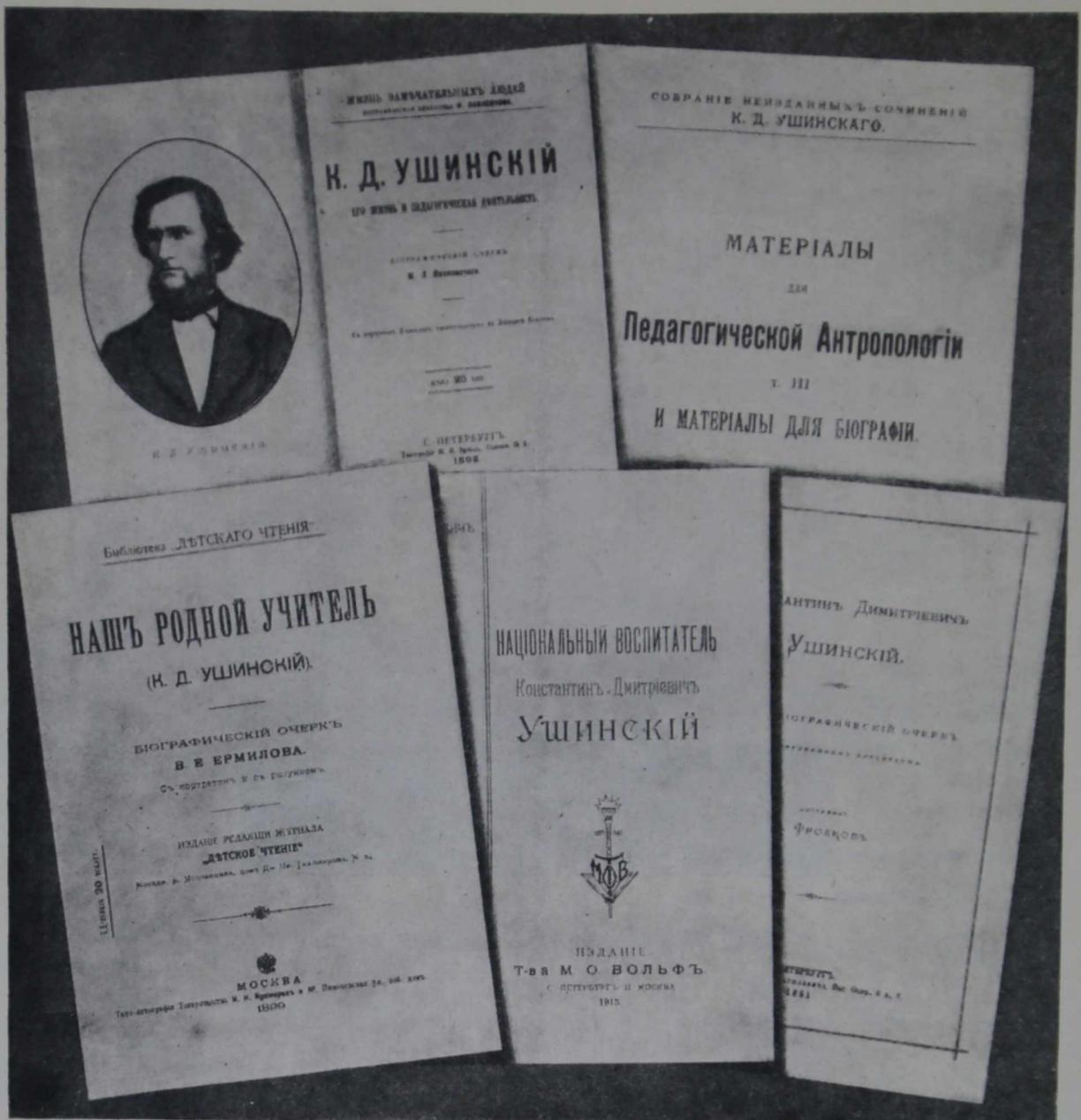

Я. С. Гогешавили, грузинский педагог.

Фотография.

Ушинский — великий русский педагог, обладавший не только глубоким все-сторонним образованием, как общим, так и педагогическим, но и одаренный от природы самобытным творческим талантом и всеми без изъятия признанный патриарх русской педагогики.

Я. С. Гогешавили.

*Биографические материалы о К. Д. Ушинском.
Титульные листы.*

Вот величайший из русских педагогов — вот тот, перед которым через два дня, когда исполнится 25 лет со дня безвременной его кончины, должна преклониться вся Россия, должны преклониться миллионы русских детей, которые учились по его прекрасным книжкам...

Если весь славянский мир гордится Я. А. Коменским, Швейцария — Песталоцци, Германия — Дистервегом, то мы, русские, не забудем, что среди нас жил и учил К. Д. Ушинский.

Д. Д. Семенов. Речь на чествовании памяти К. Д. Ушинского 22 декабря 1895 г.

И теперь еще, каждый раз, когда мой взор встречает портрет Ушинского, этого великого педагога, я вспоминаю его вступительную лекцию; необыкновенное волнение и глубочайшая признательность охватывают мою душу, и мне так хочется преклонить колени перед светлым образом этого замечательного человека.

Е. Н. Водовозова. На заре жизни.

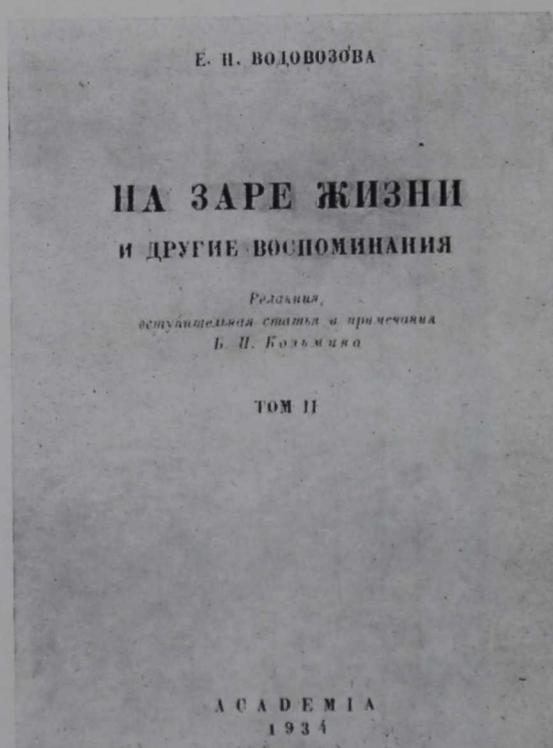

Е. Н. Водовозова, ученица К. Д. Ушинского, талантливый педагог, популяризатор, общественный деятель.

Фотография.

Много десятков лет прошло с тех пор, мой жизненный путь окончен, и я у двери гроба, но до сих пор не могу забыть пламенную речь этого великого учителя, которая впервые бросила человеческую искру в наши головы, заставила трепетать наши сердца человеческими чувствами, пробудила в нас благородные свойства души, которые без него должны были потухнуть.

Е. Н. Водовозова. На заре жизни.

„На заре жизни“, воспоминания Е. Н. Водовозовой.

Титульный лист.

Ушинский принадлежит не только прошлому: он продолжает жить и в нашей современности. Идеи создателя „Детского мира“, „Родного слова“, „Педагогической антропологии“ сохраняют по сей день свою творческую силу.

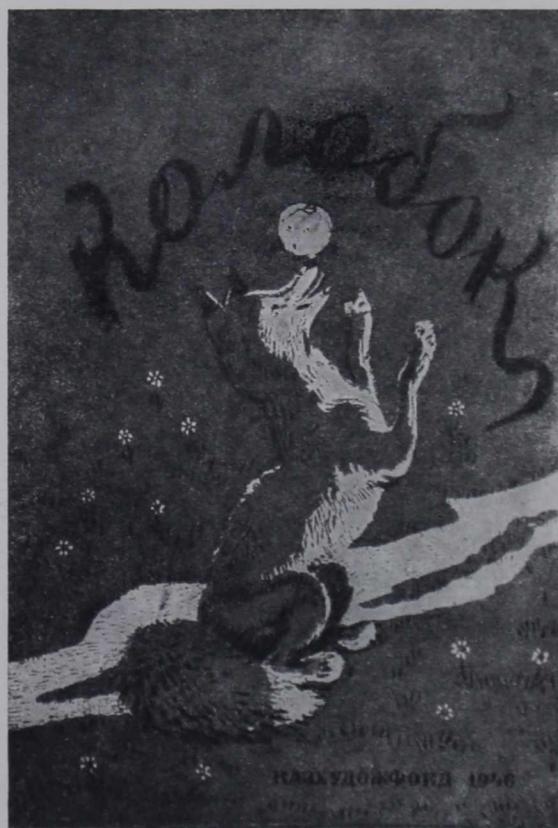
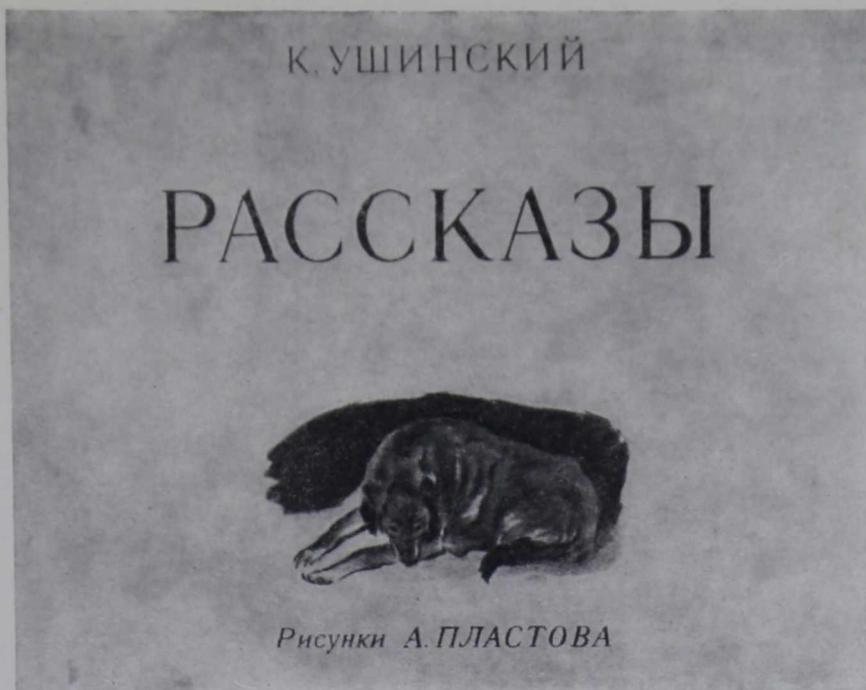
Под игом царизма нельзя было ни раскрыть их во всей полноте, ни, тем более, претворить их в действительность. Возможным все это стало лишь тогда, когда Октябрьский социалистический переворот сбросил иго самодержавия, освободил трудящихся от помещичьей кабалы и буржуазной эксплуатации, дал простор могучим силам народа, положил начало великой культурной революции, сделав образование и науку достоянием широких масс.

В. П. Потемкин. Вступительное слово на торжественном заседании, посвященном 75-летию со дня смерти К. Д. Ушинского, 3 января 1946 г. в Москве.

Книги К. Д. Ушинского для детей, изданные после Великой Октябрьской социалистической революции.

Обложки работы художников Е. Чарушина, А. Лаптева, А. Комарова.

Книги К. Д. Ушинского для детей, изданные после Великой Октябрьской социалистической революции.

Обложки работы художников А. Пластова, А. Лаптева.

ПЕТУШОК С СЕМЬЕЙ

Ходит по двору петушок. На голове красный гребешок, под носом красная борода. Нос у Пети долотцом, хвост у Пети колесом, на хвосте узоры, на ногах шпоры. Лапами Петя кучу разгребает, курочек с цыплятами слышает:

Курочки - хохлатушки! хлюпуньи-хозяюшки! пестренькие-рябенькие, черненькие-беленькие! собирайтесь, с цыплятками, с малыми ребятами, — я вам зернышко припас!

Курочки с цыплятками собрались, раскудахтались, зернышком не поделились, передрались.

Петя-петушок беспорядков не любит, сейчас семью помирил: ту за хохол, того за вихор, сам зернышко съел, на плетень влетел, крыльями замаяхал, по все горло аюрал: ку-ку-ри-ку!

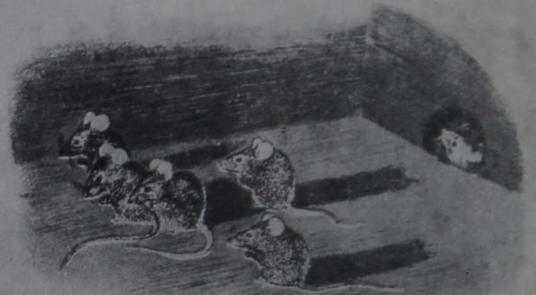
МЫШКИ

Собрались мышки у своей норки — старые и малые. Глазки у них черненькие, лапки у них малелькие, остренькие зубки,

серенькие шубки, ушки кверху торчат, хвостика по земле волочатся.

Ох, берегитесь, мышки! Ваш приятель, Вася, недалеко. Он вас очень любит, лапкой приголубит, хвостики вам помнет, зубочки вам порвет.

ДЯТЕЛ

Тук-тук-тук! В глухом лесу, на сосне, черный дятел плотничает. Лапами цепляется, хвостиком упирается, носом постукивает: мурашки да козявки из-за коры выпугивает.

Кругом стволы оббежит, ничего не проглядит. Нецугались муравьи: «эти-де порядки не хороши!» Со страху корячутся, за корку прячутся, не ходят вои идти. Тук-тук-тук! Черный дятел стучит, носом кору долбит, длинный язык в дырку запускает, мурашей, словно рыбку, таскает.

Иллюстрации в книгах К. Д. Ушинского для детей.

Рисунки художника Е. Чарушина.

Я колобок, колобок!
По амбару метен,
По сусечкам скреби,
На сметане мешан,
В печь поставлен.

ВЕСЕНКА
Овсина встала, воскину:
— Пошла сама, возьми воду!

И
ко вс
Ка
лиса.

— Э
пригоже
Колоб
запел свои
все ближе

— Я колобок,
По амбару метен,
По сусечкам скреби,
На сметане мешан,

В печку сажен,
На окошке стужен.
Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел,
Я от зайца ушел,
Я от волка ушел,
От медведя ушел,
От тебя, лиса, не хитро уйти!
Славная песенка! — сказала ли-
са то беда, голубчик, что я стара
плохо слышу. Сядь ко мне на
у да пропой еще разочек.
Колобок обрадовался, что его песен-
ку похваляли, да и запел:
— Я колобок, колобок!
А лиса его — гам! — и съела.

КНИЖКА-МАЛЫШКА

ДЕТМДАТ ЦК ВАРШО 1941

Дети расселись по разным углам,
но скоро им обоим стало скучно.
Отчего детям стало скучно?

**ВМЕСТЕ ТЕСНО,
А ВРОЗЬ
СКУЧНО**

Говорит брат сестре: „Не тронь мо-
его волчка!“ Отвечает сестра брату:
„А ты не тронь моих кукол!“

Иллюстрации в книгах К. Д. Ушинского для детей.
Рисунки художников А. Лаптева, Э. Криммера, Н. Петровой.

ЛОШАДКА

Конь храпит, уши прыдет, глазами поводит, удыла грызет, шеею словно лебедь, гнет, копытом землю роет. Грива на шее волной, сзади хвост трубой, меж ушей — чюлка, на ногах — щетка, шерсть серебром отликает. Во рту удила, на спине седло, стремена золотые, подковы стальные.

Сядьсь — и пошел за тридцать земель в тридцатое царство.
Конь бежит, земля дрожит, изо рта нена, из ноздрей пар валит.

КОРОВКА

Некрасива коровка, да молочко лает. Лоб у нее широк, уши в стороны, во рту зубов недочет, зато рожица больше, хребет — острем, хвост — пожелом, бока оттопырились, копыта двойные. Она траушку рвет, жвачку жует, поило пьет, мычит и ревет, козылку лавет.

— Выходи, хозяйшюк, вынось подойничек, чистый утиральничек! Я деточкам молочка принесла, густых сливочек.

СИВКА-БУРКА

Было у старика трое сыновей: двое умных, а третий, Иванушка, дурачок. День и ночь дурачок на печи.

Посеял старик пшеницу, и выросла пшеница богатыя, да повадилась ту пшеницу кто-то по ночам топчуть и травить. Вот старик и говорит детям:

— Мытые мои дети, стерегите пшеницу каждую ночь поочередно. Поймайте мне вора!

Приходит первая ночь. Отправился старший сын пшеницу стеречь, да захотелось ему спать: забрался он на сеновал и проспал до утра. Приходит утром дедом и говорит:

— Вею ночь-де не спал, иззяб, а вора не видал.

На вторую ночь пошел средний сын и также всю ночь проспал на сеновале.

На третью ночь приходит черед дураку идти. Взял он аркан и пошел. Пришел на межу и сел на камень. Сидит, не спит, вора дожидается.

В самую полночь прискакал на пшеницу разношеретный конь: одна шерстинка золотая, другая — серебряная; бежит — земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет. И стал тот конь пшеницу есть: не столько ест, сколько топчет.

Подерался дурак на четвереньках к коню и разом вакинул ему на шею аркан. Разучел конь изо всех сил — не тут-то было! Дурак уперся, аркан шею давит. И стал тут конь дурака молить:

— Отпусти ты меня, Иванушка, а я тебе великую сослужу службу.

— Хорошо, — отвечает Иванушка-дурачок, — да как я тебя потом найду?

— Выйди за околицу, — говорит конь, — свистни три раза и крикни: «Сивка-бурка, ведишь каурка! Ставь передо мной, как лист перед тростью!» — Я тут и буду.

Иллюстрации в книгах К. Д. Ушинского для детей.

Рисунки художников А. Комарова, А. Лаптева,

ГУСИ

Вышла хозяйка и манит гусей домой:
 — Тети-тети-тети! Гуси белые, гуси серые, ступай
 домой!
 А гуси шеи длинные вытянули, лапы красные рас-
 перлали, крыльями машут, носы раскрывают:
 — Га-га-га! Не хотим мы домой идти! Нен и за-
 хороши!
 Визит хозяйка, что добром от гусей ничего не
 выйдет, взяла длинную хворостину и погнала их до-
 ма.

ГУСЬ И ЖУРАВЛЬ

Плавает гусь по пруду и громко разговаривает сам
 с собою:
 — Какая я, право, удивительная птица! И хожу-то я
 по земле, и плаваю-то по воде, и летаю по воздуху.
 Нет другой такой птицы на свете! Я всем птицам царь!
 Подслушал гуса журавль и говорит ему:
 — Прямой ты гусь, глупая птица! Ну можешь ли ты
 плавать, как щука, бегать, как олень, или летать, как
 орел? Лучше знать что-нибудь одно, да хорошо, чем
 все да плохо.

РЕПКА

Посадил дед репку — выросла большая-пребольшая.
 Стал дед репку из земли тащить: тянет-потянет, вытянуть
 не может.
 Позвал дед на помощь бабку. Бабка за дедку, дедка
 за репку: тянут-потянут, вытянуть не могут.
 Позвала бабка внучку. Внучка за бабку, бабка за
 дедку, дедка за репку: тянут-потянут, вытянуть не могут.
 кликнула внучка Жучку. Жучка за внучку, внучка за
 бабку, бабка за дедку, дедка за репку: тянут-потянут,
 вытянуть не могут.
 кликнула Жучка Машку. Машка за Жучку, Жучка
 за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за
 репку: тянут-потянут, вытянуть не могут.
 кликнула Машка мышку. Мышка за Машку, Машка
 за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за
 дедку, дедка за репку: тянут-потянут — вытащили репку.

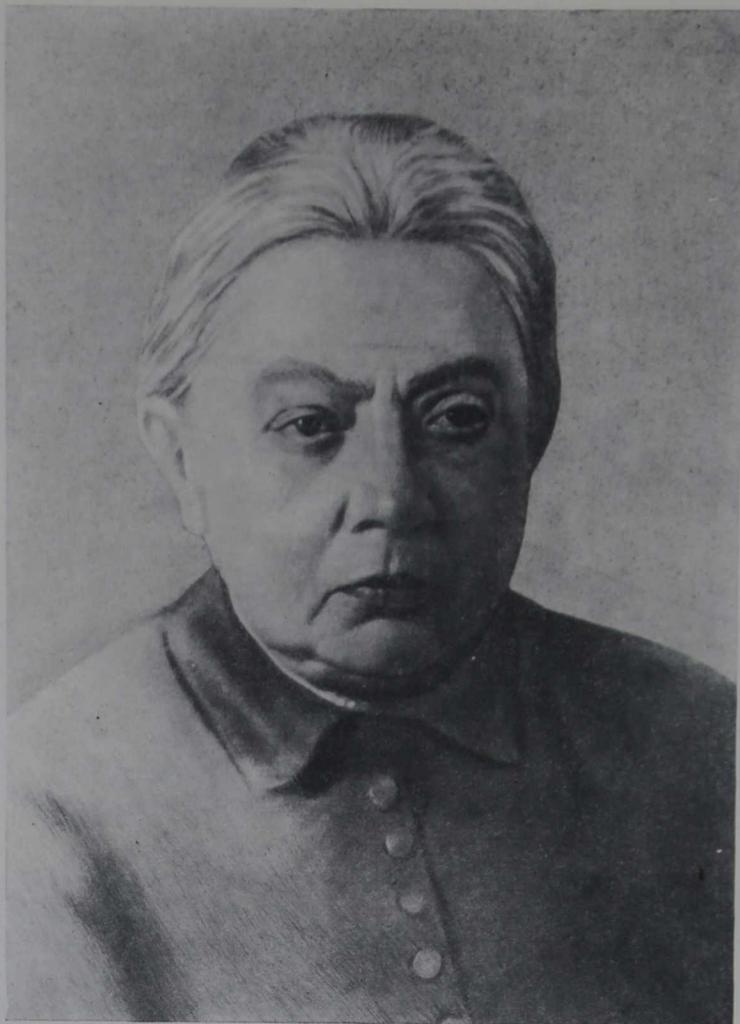
ТЕРЕМОК МЫШКИ

Лежит в поле лошадиная голова. Прибежала мышка-
 норюшка:
 — Терем-теремок, кто в тереме живет?
 Никто не отвечает. Вот мышка стала жить да по-
 живать в лошадиной голове.
 Пришла лягушка-квакушка:
 — Терем-теремок, кто в тереме живет?
 — Я, мышка-норюшка. А ты кто?
 — А я лягушка-квакушка.
 — Ступай ко мне жить.
 Прыгнула лягушка в теремок, и стали с мышкою
 вдвоем жить.
 Прибежал заяц:
 — Терем-теремок, кто в тереме живет?
 — Я, мышка-норюшка, да лягушка-квакушка. А ты кто?

Иллюстрации в книгах К. Д. Ушинского для детей.

Рисунки художников А. Комарова, А. Лаптева.

Н. К. Крупская.

Фотография.

Работа над развитием педагогических идей Ушинского, поставленная на базе изучения истории данной эпохи, может увлечь молодых педагогов, научить их разбираться в том, что из идей Ушинского надо взять, что отбросить, что перестроить.

Н. К. Крупская. К вопросу об изучении истории педагогики.

*В. П. Потемкин,
президент Академии педагогических наук
и министр просвещения РСФСР.*

Фотография.

Подлинным золотым фондом Академии педагогических наук является то, что завещано ей корифеями прогрессивной русской педагогики — Белинским, Герценом, Чернышевским, Добролюбовым, Пироговым, Львом Толстым, Ушинским. Отличительными чертами их педагогических идей являются оригинальность, неподдельная самобытность, дух широкого гуманизма, глубокое уважение к труду, непоколебимая вера в науку и прогресс, пламенная любовь к родине и своему народу. Это выдвигает нашу педагогику на самое передовое место в мире.

В. П. Потемкин. Речь на XI сессии Верховного Совета СССР 25 апреля 1945 г.

В СОВНАРКОМЕ СССР

О мероприятиях по увековечению памяти К. Д. Ушинского

В связи с исполняющимся 75-летием со дня смерти великого русского педагога К. Д. Ушинского, Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановил:

1. Присвоить имя К. Д. Ушинского:

а) Государственной библиотеке по народному образованию Академии педагогических наук РСФСР в г. Москве;

б) первому педагогическому училищу в г. Москве;

в) 47 средней школе в г. Ленинграде;

г) Ярославскому педагогическому институту.

2. Переименовать Красную улицу в г. Ярославле в улицу им. К. Д. Ушинского.

3. Учредить стипендии им. К. Д. Ушинского:

а) в Академии педагогических наук РСФСР 4 аспирантских стипендии по 800 рублей и 2 докторантских стипендии по 1.300 рублей в месяц, назначаемые Президиумом Академии педагогических наук РСФСР;

б) в Московском ордена Ленина Государственном университете им. М. В. Ломоносова для студентов — 2 стипендии по

400 рублей в месяц и для аспирантов — 1 стипендию в 800 рублей в месяц;

в) в Московском Государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина— 2 стипендии для студентов по 400 рублей и для аспирантов по педагогическим наукам—2 стипендии по 800 рублей в месяц;

г) в Ленинградском Государственном педагогическом институте им. Герцена для студентов—2 стипендии по 400 рублей и для аспирантов по педагогическим наукам— 2 стипендии по 800 рублей в месяц;

д) в Ярославском педагогическом институте—2 стипендии для студентов по 400 рублей и для аспирантов по педагогическим наукам— 2 стипендии по 800 рублей в месяц.

4. Учредить две премии им. К. Д. Ушинского за выдающиеся труды в области педагогических наук: первая премия в 25 тысяч рублей, вторая премия в 10 тысяч рублей.

Установить, что присуждение премий производится ежегодно Президиумом Академии педагогических наук РСФСР.

5. Учредить серебряную медаль К. Д. Ушинского для награждения особо отличившихся учителей и деятелей в области педагогических наук.

Установить, что медалью К. Д. Ушинского награждает Народный Комиссариат просвещения РСФСР по представлению Президиума Академии педагогических наук РСФСР.

6. Установить мемориальные доски в местах, связанных с жизнью и деятельностью К. Д. Ушинского:

а) в Москве, на здании Московского ордена Ленина Государственного университета им. М. В. Ломоносова, где К. Д. Ушинский учился;

б) в Ленинграде, на здании б. Смольного института (филиаль), где К. Д. Ушинский жил;

в) в г. Ярославле на доме, в котором жил К. Д. Ушинский, на улице им. К. Д. Ушинского, д. № 30.

7. Установить бронзовый бюст К. Д. Ушинского в конференц-зале Академии педагогических наук РСФСР.

Постановление Советского правительства об увековечении памяти К. Д. Ушинского в связи с 75-летием со дня его смерти.

В истории русского просвещения Ушинскому принадлежит почетнейшее место. Один из наиболее одаренных, образованных и передовых людей своего времени, основоположник науки о воспитании, смелый преобразователь школы, он отдал всю свою жизнь жертвенному служению делу народного образования. Великий русский педагог был героем и подвижником своего высокого призвания. За это и воздается ему ныне всенародная дань признательности и почитания...

Воздавая должную дань отцу русской школы, свободное и счастливое поколение сталинской эпохи склоняет голову перед его благородной и чистой памятью.

В. П. Потемкин. Вступительное слово на торжественном заседании, посвященном 75-летию со дня смерти К. Д. Ушинского, 3 января 1946 г. в Москве.

Основоположник педагогической науки в России, К. Д. Ушинский разработал целеустремленную стройную педагогическую систему, основанную на данных опыта и науки своего времени. Труды Ушинского имеют для нас не только историческое значение. Многие его мысли созвучны нашей эпохе, а разработанные им вопросы организации и особенно методики работы начальной школы актуальны и в наше время.

Беспредельная любовь к родине, к русскому народу, русской культуре, русскому языку — вот тот неиссякаемый источник, который постоянно питал ум и сердце Ушинского.

„Учительская газета“. 26 сентября 1945 г. Передовая статья.

Статьи в советской печати, посвященные 75-летию со дня смерти К. Д. Ушинского.

*Выставка памяти К. Д. Ушинского в Академии педагогических наук, 1946 г. Москва.
Фотография.*

„Детский мир“, „Родное слово“, „Человек как предмет воспитания“ — таковы величайшие творения, в которых увековечены для потомства лучшие заветы гениального русского педагога: народность как живая основа образования и культуры; школа, действительно отвечающая запросам народных масс и действительно служащая их интересам; родной язык, как самое могущественное средство воспитания и обучения; широкое познание русской природы, русской истории, географии, литературы, искусства — как важнейший элемент общего образования, как источник святой любви к Родине, подготовка учащихся к творческому труду — этому истинному призванию человека, этому делу чести, доблести и геройства; построение педагогики на научных основаниях; необходимость строгой рационализации всей системы школьного обучения; обязательность для учителей самой серьезной теоретической и практической подготовки к преподавательской деятельности.

Все эти требования Ушинского звучат ныне как нельзя более современно.

В. П. Потемкин. Вступительное слово на торжественном заседании, посвященном 75-летию со дня смерти К. Д. Ушинского, 3 января 1946 г. в Москве.

Средняя школа № 47 имени К. Д. Ушинского в Ленинграде.

Фотография.

Третьего января исполнилось 75 лет со дня кончины Константина Дмитриевича Ушинского. Советское правительство постановило отметить эту дату торжественными собраниями, посвященными памяти великого русского педагога. Имя Ушинского присваивается ряду учебных заведений страны.

В университетах и педагогических институтах учреждаются стипендии имени Ушинского. Денежными премиями ежегодно будут награждаться авторы выдающихся трудов в области педагогических наук.

Для награждения наиболее отличившихся учителей и работников педагогической науки учреждена серебряная медаль имени Ушинского.

В. П. Потемкин. Вступительное слово на торжественном заседании, посвященном 75-летию со дня смерти К. Д. Ушинского, 3 января 1946 г. в Москве.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

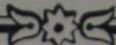
**ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
К. Д. УШИНСКОГО**

- 1824 г., 19 февраля. К. Д. Ушинский родился в г. Туле.
- 1835 г. Поступил в третий класс Новгород-Северской гимназии.
- 1840 г. Принят в число студентов юридического факультета Московского университета.
- 1844 г. Окончил юридический факультет вторым кандидатом прав.
- 1844—1846 гг. Готовится к магистерскому экзамену.
- 1846 г., 2 августа. Занял кафедру по энциклопедии законоведения, истории законодательства и финансовой науки в Ярославском Демидовском лицее.
- 1848 г., 18 сентября. Выступил на годичном торжественном собрании Ярославского Демидовского лицея с речью „О камеральном образовании“.
- 1849 г., 15 декабря. Уволен из лицея.
- 1850 г. Служит чиновником Министерства внутренних дел по департаменту иностранных исповеданий.
- 1851—1852 гг. Поездка в командировку в Черниговскую губернию. Женильба К. Д. Ушинского на Надежде Семеновне Дорошенко.
- 1852—1854 гг. Сотрудничество в журнале „Современник“.
- 1854—1856 гг. Сотрудничество в журнале „Библиотека для чтения“.
- 1854 г., 1 августа. Уволен из департамента иностранных исповеданий.
4 ноября. Назначен преподавателем словесности и законоведения Гатчинского сиротского института.
- 1857—1858 гг. В „Журнале для воспитания“ напечатаны статьи К. Д. Ушинского „О пользе педагогической литературы“, „О народности в общественном воспитании“, „Три элемента школы“ и др.
- 1859 г. Переведен на должность инспектора классов Воспитательного общества благородных девиц и С.-Петербургского Александровского училища (Смольный институт).
- 1860—1861 гг. Назначен редактором Журнала Министерства народного просвещения. В журнале были помещены статьи К. Д. Ушинского „Труд в его психическом и воспитательном значении“, „О нравственном элементе в воспитании“, „Родное слово“ и др.
- 1861 г. Вышла в свет книга К. Д. Ушинского „Детский мир и хрестоматия“.
- 1862 г. Ушинский уволен из Смольного института.
Июль. Отъезд за границу.
- 1864 г. Вышли в свет книги К. Д. Ушинского: „Родное слово“, год первый; „Родное слово“, год второй; „Книга для учащихся“, руководство к преподаванию по „Родному слову“.
- 1867 г. Возвращение К. Д. Ушинского из-за границы.
- 1870 г. Сотрудничество в журнале „Народная школа“
Здесь напечатана статья К. Д. Ушинского „Общий взгляд на возникновение наших народных школ“.
Поездка в Крым для поправления здоровья.
Участие в работе Учительского съезда в г. Симферополе.
Июль. Смерть старшего сына Ушинского Павла в имении Богданка Черниговской губернии.
Переезд К. Д. Ушинского с семьей в г. Киев.
Поездка К. Д. Ушинского в Одессу.
В ночь с 21 на 22 декабря по ст. стилю в Одессе К. Д. Ушинский скончался на 47 году жизни.

СПИСОК РЕПРОДУКЦИЙ

К. Д. Ушинский. <i>Портрет работы И. Н. Крамского. 1872 г. Фронтиспис.</i>	К. Д. Ушинский. <i>Фотография. 1850-е годы.</i>	41
Дмитрий Григорьевич Ушинский, отец К. Д. Ушинского. <i>Акварель неизвестного художника.</i>	Журнал „Современник“, 1852 г., т. XXXV. <i>Титульный лист.</i>	42
17 Любовь Степановна Ушинская, мать К. Д. Ушинского. <i>Акварель неизвестного художника.</i>	17 Очерк К. Д. Ушинского „Поездка за Волхов“. <i>Страница из журнала „Современник“.</i>	42
17 Дом, в котором жил К. Д. Ушинский в детстве. <i>Фотография.</i>	18 Нева. <i>Иллюстрация из книги Т. Семенова-Тянь-Шанского „Россия“.</i>	43
19 Река Десна у Новгород-Северска. <i>Фотография</i>	19 Шлюзы Мариинской системы. <i>Иллюстрация из книги Т. Семенова-Тянь-Шанского „Россия“.</i>	44
20 Новгород-Северск. <i>Общий вид. Фотография.</i>	20 Волховские пороги. <i>Иллюстрация из книги Т. Семенова-Тянь-Шанского „Россия“.</i>	45
21 И. Ф. Тимковский, директор Новгород-Северской гимназии. <i>Литография.</i>	21 А. В. Старчевский, редактор журнала „Библиотека для чтения“. <i>Литография К. Беирова.</i>	46
22 Москва. <i>Литография с рисунка В. Чернышева. 1849 г.</i>	22 Журнал „Библиотека для чтения“, 1854 г., т. 123. <i>Титульный лист.</i>	46
23 Московский университет. <i>Гравюра. 1830-е годы.</i>	23 Гатчинский сиротский институт. <i>Фотография.</i>	47
24 Т. Н. Грановский, профессор истории Московского университета. <i>Литография К. Горбунова. 1845 г.</i>	24 Письмо К. Д. Ушинского жене от 23 сентября. 1857 г. <i>Автограф.</i>	48
25 П. Г. Редкин, профессор энциклопедии законовения и государственного права Московского университета. <i>Литография П. Бореля. 1850-е годы.</i>	25 Богданка, имение Н. С. Дорошенко (жены К. Д. Ушинского). <i>Фотография.</i>	48
26 Журнал „Отечественные записки“, 1840 г., том X. <i>Титульный лист.</i>	26 Стихотворение К. Д. Ушинского „Я согласна“. <i>Автограф.</i>	49
27 В. Г. Белинский. <i>Литография с рисунка И. Астафьева. 1881 г.</i>	27 К. Д. Ушинский. <i>Фотография. 1850-е годы.</i>	50
28 Большой и Малый театры в Москве. <i>Гравюра. 1830-е годы.</i>	28 К. Д. Ушинский. <i>Фотография. 1860-е годы.</i>	53
29 П. С. Мочалов. <i>Литография И. Митрейтера с рисунка В. Каракаллакова.</i>	29 Н. И. Пирогов, знаменитый русский ученый и общественный деятель, занимавшийся вопросами воспитания. <i>Литография И. Исаковича.</i>	54
29 М. С. Щепкин. <i>Литография К. Эрота с рисунка А. Скино.</i>	29 „Вопросы жизни“, статья Н. И. Пирогова. <i>Первая страница.</i>	55
30 К. Д. Ушинский. <i>Акварель неизвестного художника. 1840-е годы.</i>	29 Н. Г. Чернышевский. <i>Фотография. 1861 г.</i>	56
33 К. Д. Ушинский. <i>Портрет работы неизвестного художника. 1840-е годы.</i>	29 Н. А. Добролюбов. <i>Фотография. 1861 г.</i>	57
34 Ярославский Демидовский лицей. <i>Фотография.</i>	30 А. А. Чумиков, редактор „Журнала для воспитания“. <i>Фотография.</i>	58
35 „О камеральном образовании“, речь К. Д. Ушинского на торжественном собрании Лицея 18 сентября 1848 г.; первое печатное произведение Ушинского. <i>Титульный лист.</i>	33 „Журнал для воспитания“, т. I, 1857 г. <i>Титульный лист.</i>	58
36 Ярославль. <i>Акварель М. Вилье.</i>	34 Статьи К. Д. Ушинского. <i>Страницы из „Журнала для воспитания“, 1857 г.</i>	59
37 Дом в Ярославле, в котором жил К. Д. Ушинский. <i>Фотография.</i>	35 Смольный институт. <i>Литография.</i>	60
38 Петербург, Невский проспект. <i>Литография с рисунка Я. Шарлеманя. 1850-е годы.</i>	36 Смольный институт. <i>Литография.</i>	61
39 Публичная библиотека в Петербурге, Ларинская зала. <i>Литография с рисунка В. Тимма. 1852 г.</i>	37 В. И. Водовозов, преподаватель литературы. <i>Гравюра.</i>	62
40 Казнь петрашевцев. <i>Картина неизвестного художника.</i>	38 Д. Д. Семенов, преподаватель географии и русского языка в младших классах. <i>Фотография.</i>	62
	39 Л. Н. Модзалевский, преподаватель русского языка и литературы. <i>Фотография.</i>	63
	40 Я. П. Пугачевский, преподаватель естествознания. <i>Фотография.</i>	63

К. Д. Ушинский среди группы сотрудников Смольного института. <i>Фотография</i> . 1862 г.	64	Надежда Семеновна Ушинская, жена К. Д. Ушинского. <i>Фотография</i>	95
К. Д. Ушинский. <i>Фотография</i> . 1860-е годы.	65	Богданка, липовая аллея. <i>Фотография</i>	95
Спор старого с новым. <i>Картина И. Ярошенко</i>	66	Сын К. Д. Ушинского Павел. <i>Фотография</i>	96
Курсистка. <i>Картина И. Ярошенко</i>	67	Письмо К. Д. Ушинского Я. П. Пугачевскому о смерти сына. <i>Автограф</i>	96
„Детский мир“. <i>Титульный лист</i>	68	Киев. <i>Литография В. Тимма</i> . 1860 г.	97
Журнал Министерства народного просвещения. <i>Титульный лист</i> книги VII (июль) 1860 г. и <i>извещение редакции</i>	69	Одесса. <i>Литография</i> . 1860-е годы	98
Воскресная школа в Петербурге. <i>Литография В. Тимма</i> . 1860 г.	70	Могила К. Д. Ушинского. <i>Фотография</i>	99
Воскресная школа в Петербурге. <i>Литография В. Тимма</i> . 1860 г.	71	К. Д. Ушинский. <i>Скульптура</i>	100
Бесплатная сельская школа 1860-х годов. <i>Картина А. Морозова</i>	72	Н. Ф. Бунаков, народный учитель, широко использовавший в своей работе учение Ушинского. <i>Фотография</i>	104
Восстание крестьян в Бездне. <i>Картина В. Зайцева</i>	73	И. Н. Ульянов, отец В. И. Ленина, замечательный общественный деятель по народному образованию и передовой педагог. <i>Фотография</i>	105
Гражданская казнь Чернышевского. <i>Рисунок неизвестного художника</i>	74	Д. И. Тихомиров, педагог-методист. <i>Фотография</i>	106
К. Д. Ушинский. <i>Литография</i>	77	„Вешние всходы“ Д. И. Тихомирова. <i>Титульный лист</i>	106
Журнал „Колокол“, издававшийся А. И. Герценом за границей. 1862 г. <i>Титульный лист</i>	78	В. П. Вахтеров, педагог-методист. <i>Фотография</i>	107
Женевское озеро. Здесь жил К. Д. Ушинский с семьей во время пребывания за границей. <i>Фотография</i>	79	„Книга для классного чтения“ В. П. Вахтерова. <i>Титульный лист</i>	107
„Родное слово“, год первый. <i>Титульный лист</i>	80	Н. Тер-Гевондян, армянский педагог. <i>Фотография</i>	108
„Родное слово“, год второй. <i>Титульный лист</i>	80	И. Алтынсарин, казахский педагог. <i>Рисунок</i>	108
„Родное слово“, год первый. <i>Оглавление</i>	81	Я. С. Гогешвили, грузинский педагог. <i>Фотография</i>	109
„Родное слово“. <i>Страницы первого издания</i>	82	Биографические материалы о К. Д. Ушинском. <i>Титульные листы</i>	110
„Родное слово“. <i>Страницы первого издания</i>	83	Е. Н. Водовозова, ученица К. Д. Ушинского, талантливый педагог, популяризатор, общественный деятель. <i>Фотография</i>	111
Группа учителей, работавших по „Родному слову“. <i>Фотография</i> . 1864 г.	84	„На заре жизни“, воспоминания Е. Н. Водовозовой. <i>Титульный лист</i>	111
Экземпляр „Родного слова“, подаренный К. Д. Ушинскому учителями ежедневной бесплатной школы. 30 октября 1864 г. <i>Обложка</i>	85	Издания трудов К. Д. Ушинского после Великой Октябрьской социалистической революции	113
Журнал „Педагогический сборник“. 1864 г., кн. I (октябрь). <i>Титульный лист</i>	86	Книги К. Д. Ушинского для детей, изданные после Великой Октябрьской социалистической революции. <i>Обложки</i>	114
„Человек как предмет воспитания“ К. Д. Ушинского. <i>Титульный лист</i>	86	Книги К. Д. Ушинского для детей, изданные после Великой Октябрьской социалистической революции. <i>Обложки</i>	115
Статьи К. Д. Ушинского „Одна из темных сторон германского воспитания“, „Необходимость ремесленных школ в столицах“, „Общий взгляд на возникновение наших народных школ“. <i>Страницы из журналов и газет</i> . 1865—1870 г.	87	Иллюстрации в книгах К. Д. Ушинского для детей	116
На побывку к сыну. <i>Картина К. Лебедева</i> . 1894 г.	88	Иллюстрации в книгах К. Д. Ушинского для детей	117
Свидание. <i>Картина В. Маковского</i> . 1883 г.	89	Иллюстрации в книгах К. Д. Ушинского для детей	118
Петербург, Владимирская площадь и Б. Московская улица, где жил К. Д. Ушинский. <i>Литография</i>	90	Иллюстрации в книгах К. Д. Ушинского для детей	119
Члены петербургского педагогического общества. А. Н. Острогорский, В. Я. Стоюнин. <i>Фотография</i>	91	Н. К. Крупская. <i>Фотография</i>	120
Члены петербургского педагогического общества. К. К. Сент-Иллер, В. А. Евтушевский. <i>Фотография</i>	92	В. П. Потемкин, президент Академии педагогических наук и министр просвещения РСФСР. <i>Фотография</i>	121
Н. А. Корф, известный педагог, содействовавший открытию земских начальных школ общобразовательного типа. <i>Фотография</i>	92	Постановление советского правительства об увековечении памяти К. Д. Ушинского в связи с 75-летием со дня его смерти	122
К. Д. Ушинский с семьей. <i>Фотография</i> . 1860-е годы.	93	Статьи в советской печати, посвященные 75-летию со дня смерти К. Д. Ушинского	123
Крым, вид Бахчисарая. <i>Литография с рисунка Ф. Гросса</i>	94	Выставка памяти К. Д. Ушинского в Академии педагогических наук, 1946 г. Москва. <i>Фотография</i>	124
		Средняя школа № 47 имени К. Д. Ушинского в Ленинграде. <i>Фотография</i>	125
		Медаль в честь К. Д. Ушинского	126

СОДЕРЖАНИЕ

К. Д. Ушинский. <i>Статья Н. Г. Казанского</i>	3
Репродукции:	
I. 1824—1846	15
II. 1846—1859	31
III. 1859—1862	51
IV. 1862—1870	75
V. Педагогическое наследие К. Д. Ушинского	101
Приложения:	
Основные даты жизни и деятельности К. Д. Ушинского	129
Список репродукций	130

Редактор: *А. М. Гордин.*
Художественный редактор: *А. В. Костин.*
Художник: *Д. С. Данилов.*
Технический редактор: *А. И. Тосс.*
Корректоры: *А. А. Морозова* и *М. Г. Дешалыт*

Подписано к печати 19/X 1950 г. М-21094. Заказ № 1463. Тираж 25.000 экз.
Формат бумаги 60×92¹/₈. Бум. л. 8,38. Печ. л. 16¹/₂ + ¹/₈ вклейка. Уч.-изд. л. 10,45.
Цена без переплета 7 р. 50 к.; переплет 3 р.

Типография № 2 Управления издательств и полиграфии Исполкома Ленгорсовета
Ленинград, Социалистическая, 14.

